

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ СОН

ДЖЕЙМИ МАКГВАЙР
ТЕРЕЗА МАММЕРТ

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

Annotation

Эйвери Джейкобс и Джош Эйвори – абсолютно разные люди, с разными ценностями в жизни. Джош имеет прозвище Мак-Бабник, гоняется за каждой юбкой в округе, Эйвори – серьезная, много работающая медсестра. У каждого – непростая судьба. Однако постепенно, шаг за шагом, преодолевая множество препятствий, молодые люди полюбили друг друга, начали создавать семью. Но, может, все происходящее с ними всего лишь сон, иллюзия?

Впервые на русском языке!

- [Джейми Макгвайр, Тереза Маммерт](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Джейми Макгвайр, Тереза Маммерт

Этот прекрасный сон

Jamie McGuire and Teresa Mummert

SWEET NOTHING

Copyright © 2015 by Jamie McGuire & Teresa Mummert

All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© М. Николенко, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим добрым подругам Джоди Хиннен и Эрин Деннис, а также феноменальной Мисти Хорн.

Джейми

Посвящается Джошуа, моему счастливому пени. Вместе мы как две стороны одной монетки.

Тереза

Пролог

Джош

Подъезжая к светофору на пересечении Холли-роуд и Джексон-авеню, я мог думать только об одном: сейчас приму теплый душ, а потом выпью пива со своим напарником Куинном. У нас был трудный день, и мы заслужили отдых: вытащили из перевернувшегося автобуса тринацать пассажиров.

Я взял телефон и стал просматривать контакты: хотелось найти женщину, которая составит нам компанию и поможет развеяться. Палец завис над номером Кэры – крашеной блондинки с хорошенъким ротиком. Она оказалась очень уступчивой, и несколько раз мы с ней переспали, но я знал: скоро ее придется удалить из списка, пока она не возомнила, что у нас не просто секс.

Над бардачком все еще торчала открытка, которую Куинн подарил мне на день рождения неделю назад. Двадцать шесть лет – достаточный срок, чтобы повзросльть, найти свою любовь и остепениться. Работая в службе спасения, я не просто видел самые ужасные происшествия, которые случались в городе и окрестностях. Чаще всего я непосредственно в них погружался, а после такого погружения имел право выпускать пар, даже если для этого мне приходилось кого-то использовать. Переехав в Филадельфию, я вскоре привык отмахиваться от угрызений совести, которыми сопровождались мои сексуальные похождения.

Я посмотрел влево и улыбнулся, встретив взгляд строгой медсестры. Пару часов назад она задала мне жару.

– Черт возьми! Какая встреча! – усмехнулся я, хотя после долгого дня в машине «скорой помощи» даже самые простые движения давались моему телу с трудом. – Джейкобс, верно?

Она состроила недовольную мину:

– А то ты не знаешь!

Я поудобней перехватил руль своей белой «барракуды» шестьдесят девятого года и нажал на газ. Послышалось спокойное ворчание двигателя. Уголки губ медсестры Джейкобс поднялись, глаза сузились. Наверняка день оказался для нее таким же долгим и тяжелым, как для меня. Аккуратный пучок волос рассыпался, и пряди, горя на солнце, обрамляли усталое лицо. У ворота розовой медицинской блузы осталось коричневое

пятнышко: сегодня мы с Джейкобс столкнулись, и с ее тарелки улетел пудинг, а с пухлых губ градом посыпалось ругательства. «Смотреть надо, куда идешь!» – рявкнула она без малейшей тени кокетства. Я ей не нравился, и мне это нравилось. Даже очень.

Я хотел было снова с ней заговорить, но она воевала со своей зеленоватой, цвета детской неожиданности, «тойотой приус»: чахлый двигатель издал еле слышный звук. Мое боковое окно жалобно скрипнуло, и я жестом предложил Джейкобс пошире открыть свое. Быстро и плавно опустив стекло, она склонила голову набок и выжидающе на меня посмотрела.

Мне удалось привлечь ее внимание. Я занервничал, и это казалось странным. С того дня, когда я привез к ней в отделение первого пациента, Джейкобс намеренно меня игнорировала. А теперь мы были вдвоем, она со мной разговаривала, и я не думал о той пошлятине, которая обычно засоряла мой мозг. Как ни странно, я смутился при мысли, что Джейкобс, скорее всего, хорошо осведомлена о моих похождениях.

– Ты хотел мне что-то сказать?

– Не знаю, как понимать этот звук, но, по-моему, твой движок обделался.

Джейкобс притворилась, что сердится:

– К твоему сведению, моя машина экономно расходует топливо и выбрасывает в атмосферу минимум углекислого газа.

– Серьезно? Заливаешь ты фигово. Я ждал от тебя большего, медсестра Рэтчед^[1].

Джейкобс показала мне средний палец, но при этом усмехнулась. Прикольно было видеть, что она приоткрыла свой панцирь.

– Да брось ты! Давай хоть ужином тебя угощу, прежде чем ты сделаешь мне непристойное предложение. – Я посмотрел на светофор, загоревшийся красным, потом опять на нее. Она разинула рот, не зная, как меня отбить. – Мы с приятелями собираемся в «О’Мэллиз». Не хочешь упасть нам на хвост?

– Ты что, на свидание меня зовешь?

Мне вдруг вспомнилось, как я впервые увидел Джейкобс рядом с доктором Розенбергом. Они исподтишка переглянулись, и вроде бы никто не обратил на это внимания. Но я заметил у него на безымянном пальце тонкое серебряное кольцо, а у нее на руке ничего не было. До того момента я считал Джейкобс лесбиянкой. Это казалось мне единственным возможным объяснением ее равнодушия ко мне.

С такими, как док Роз, я соперничать не мог, даже если ей с ним мало

что светило. Джейкобс не была недотрогой, но планку ставила высоко. Ей нравились те, кто носит белые халаты и галстуки: образованные, солидные. Ну а я всегда делал только то, что от меня требовалось, не больше и не меньше. Честно говоря, моему отцу пришлось задействовать связи, чтобы я вообще смог найти работу. Я любил повеселиться и вовсю тратил небольшие сбережения, которые оставил мне дед. Жил по трафарету, причем низкопробному: почти каждую ночь приводил домой какую-нибудь первокурсницу, а через несколько часов выставлял ее под предлогом, что утром мне на работу. Я не завязывал отношений и ни с кем не делился чувствами, да и нечем было делиться. Но после выпуска все изменилось. Я погрузился в настоящую жизнь, оставшись одинокой. Отчасти мне это нравилось: если никого не подпускать к себе близко, не будет больно, когда тебя бросят.

– Это не свидание. – Я потер ноющую шею.

Обманывать девушку было бы свинством, а до этого я опускаться не хотел. Я не ходил на свидания, и Джейкобс была далеко не в моем вкусе, но мне виделось в ней нечто, что я хотел изучить. Причем это находилось не только в трусах.

– Я просто подумал... Может, ты чего-нибудь выпьешь?

– Может, и выпью.

Мой взгляд упал на ее губы, нога случайно нажала педаль, и смех Джейкобс прорезался сквозь громкий рев мотора.

– Правда?

Она кивнула, заправив за ухо прядь волос цвета меда.

– К счастью, дома меня ждет бутылочка вина.

– Приглашаешь?

– Нет.

– Ну а телефон хотя бы дашь? – произнес я умоляюще.

Водитель машины, которая ехала за мной, посигналил и, выждав секунду-другую, вырулил на обочину, чтобы меня обогнать. Я взглянул на светофор, горевший зеленым, и вполголоса выругался: похоже, времени не осталось. Но к счастью, скоро загорелся желтый. Я снова посмотрел на Джейкобс и сразу сник: судя по всему, пока я не произвел на нее ни малейшего впечатления. Нужно было удвоить усилия.

– Тебе нужен мой телефон? – усмехнулась она. – Хочешь добавить меня в список своих позорных поражений? – Она прикусила пухлую нижнюю губу. – Что? Думал, медсестры не умеют говорить?

Я нервно хмыкнул. Улыбка на ее лице сменилась хмурой гримасой. С каждой секундой я все больше раздражал эту девушку, но остановиться не

мог. Ведь если она со мной разговаривала, это значило, что я в игре.

– Ты смеешься надо мной?

– Нет-нет, Джейкобс, я смеюсь над собой. Мог бы и сам догадаться. – Я нагнулся, подобрал с пола пенсовую монетку и бросил ее в пепельницу. Проводя рукой по коротким темным волосам, заметил, что выражение лица у девушки по-прежнему напряженное. – Ты просто слишком зажатая.

– Ты никогда не узнаешь, какая я.

И ее тихая, как шепот, машина тронулась с места.

Джейкобс переезжала перекресток; я подался вперед и увидел то, что она должна была увидеть через полсекунды. Эти полсекунды могли стать роковыми. Загорелся красный, и девушка вцепилась в руль, беспомощно глядя на фуру, которая двигалась слева прямо на нее со скоростью сорок миль в час. Раздался скрежет сминаемого железа, на лице Джейкобс отразился ужас.

Я тоже схватился за руль, да так крепко, что кости пальцев чуть не потрескались. Стекло «приуса» разлетелось вдребезги, искореженные обломки машины отбросило в мою сторону. Фура протестующе заскрипела тормозами, а из моей груди вырвалось: «Джейкобс!» – но было поздно.

До того дня я много раз спасал людей, однако это происходило уже после самой трагедии. Если ты не видел, как несчастье случилось, тебе легче абстрагироваться от боли, которую испытывают пострадавшие.

Кое-как я сдал назад, чтобы уберечься от летящих обломков; последние слова Джейкобс опять и опять крутились у меня в мозгу. Я закрыл глаза, готовясь принять неизбежное. Моя машина дернулась, и я ударился о подголовник. Наконец грузовик встал. Мир замер. Наступившая тишина была по ушам еще сильнее, чем шум столкновения.

Открыть дверцу удалось не сразу. После нескольких неудачных попыток я пробил себе путь плечом и бросился к покалеченному «приусу». Под ногами заскрипели осколки стекла. Я должен был спасти ее. Спасти нас обоих.

* * *

Я сидел в холле недалеко от палаты Джейкобс, грызя ноготь большого пальца и стучая пяткой по полу. Медсестры, врачи и посетители проходили мимо, не обращая на меня внимания. Они не думали о том, что мир в моих глазах перевернулся. Все изменилось.

– Джош!

Надо мной нарисовалось лицо Куинна. Он сел на соседний стул и похлопал меня по плечу:

– Ты в порядке?

Я ничего не ответил, уставившись себе под ноги.

– Все будет нормально. Держись, старик.

Каждому человеку приходится испытать боль утраты. Такова жизнь, и потому мы учимся ценить моменты счастья, пока его у нас не забрали. Однако я никогда не думал, что счастье можно потерять прежде, чем оно станет твоим. Мне и в голову такое не приходило. Видеть, как ускользает то, к чему я едва успел прикоснуться, было невыносимо тяжело. Но вместе с тем у меня появилась надежда стать достойным этой девушки и исправить свои ошибки, если мы получим второй шанс.

Глава 1

Эйвери

Еще не успев открыть глаза, я почувствовала боль во всех мышцах. Снов я не видела, аварию вспомнить не могла. Боль была моим единственным воспоминанием. Но вот в глазах прояснилось, я увидела комнату, в которой лежала, и боль прошла.

Ужасные сиренево-коричневые обои отставали в углах. Искусственные растения и репродукции акварелей, видимо, должны были создавать впечатление, будто я в гостиной восьмидесятых годов, но по запаху сразу становилось ясно, что это такое на самом деле.

Вошла медсестра Майклз в голубом медицинском халате в цветочек и со стетоскопом на шее. Вокруг глаз у нее были темные круги – такие же я видела у себя, если смотрелась в зеркало в разгар смены. Вообще-то, Майклз работала в интенсивной терапии, но иногда дежурила у нас, в отделении экстренной помощи. Толку от нее бывало немного, поэтому мысль, что теперь я на ее попечении, несколько меня тревожила. Она ввела мне лекарство через крошечный, установленный в вене катетер и принялась возиться с закрепляющим иглу пластырем. Я нахмурилась и подняла глаза на ее кудрявую рыжую шевелюру, а потом стала изучать окружение. Да. Сомневаться не приходилось: я в послеоперационном отделении. Сюда стабильных пациентов переводили из интенсивной терапии. Здесь вечно не хватало персонала, а у Майклз, очевидно, как всегда, оставались неотработанные часы.

– Неплохо выглядишь, Джейкобс. – Она снова дернула пластырь. – Давай держись. Мы все за тебя волнуемся.

– Боже мой, Майклз, не суетись.

Мой голос был похож на шорох наjjдачной бумаги. Горло горело.

– Ой! – вздрогнула она и поправила на переносице очки в черной оправе.

Ее тон показался мне не столько обрадованным, сколько удивленным.

– Если ты здесь, кто же дежурит за меня? – спросила я.

– Я просто... – Она опять потянулась за пластырем.

– Да хватит уже, черт возьми! – рявкнула я, отстранившись, и сразу почувствовала себя виноватой: действительно, медсестры – невыносимые пациентки.

По кафельному полу застучали каблуки итальянских кожаных туфель доктора Розенберга. Войдя, он участливо хмыкнул, и в груди у меня что-то встрепенулось. Его глаза, голубые, как океан, засияли, хотя он видел меня в мешковатой больничной пижаме. Лицо мое наверняка было похоже на раздавленный помидор, но я все равно принялась поправлять волосы, как будто приличная прическа могла отвлечь доктора от всего остального.

Я не позволяла себе вздыхать, слишком долго смотреть на его красивые густые брови и мужественный подбородок или рычать на Майклз, когда она все это делала. В конце концов, Розенберг не мой мужчина. Он принадлежал миссис Розенберг и их дочери-подростку, но мне, в отличие от Майклз, не приходилось воображать, будто он ко мне неравнодушен. Он был неравнодушен ко мне на самом деле. Сейчас он стоял надо мной и его глаза блуждали по моей пижаме: мне даже стало неловко оттого, что она почти просвечивает. Доктор казался огорченным, хотя в отделении экстренной помощи, тремя этажами ниже, видел раны и пострашнее.

Когда он дотронулся до моей ладони, я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Его теплые пальцы скользнули выше, к запястью, и он молча замер, считая пульс:

– Неплохо. Относительно. Пожалуй, можно... – Тут доктора Розенберга вызвали по громкой связи. Он кивнул Майклз: – Позаботьтесь о ней.

– А как же! – пропела она.

От ее игривого тона у меня внутри все закипело. Розенберг был красив, умен и обаятелен, поэтому даже то, что он женат, не сразу помогло мне подавить приступ иррациональной ревности. Хотя я знала: Майклз заигрывает со всеми, у кого есть яйца и докторская степень.

Когда Розенберг вышел, я приподнялась и села на постели:

– Какой сегодня день?

– Пятница, слава богу, – вздохнула Майклз и посмотрела на мой монитор.

– Разузнай, пожалуйста, нельзя ли ускорить мою выписку. На сегодняшнюю смену я уже опоздала, но завтра должна выйти. Я замещаю Деб.

Деб Хамата училась вместе со мной, и нас приняли на работу в один день. В отделении экстренной помощи больницы Святой Анны мы через многое прошли вместе. Она была единственной из медсестер, к кому я обращалась по имени и кому позволяла называть меня Эйвери.

Майклз наклонилась и ласково убрала прядь волос с моего лица. Я

отпрянула.

– Ни о чем не беспокойся. Я подменю тебя, сестричка.

Когда она вышла, я скрестила руки на груди и выдохнула. Майклз обыкновенно вела себя как ленивая избалованная неумеха. Она была немногим моложе меня, но родители до сих пор оплачивали ее счета, поэтому ей казалось, что хорошо работать не обязательно. Если в соседнем городе давал концерт Бруно Марс, она отпрашивалась под предлогом плохого самочувствия. Я столько раз обжигалась, что знала, как опасно испытывать к кому-то симпатию. Сейчас Майклз сочувствовала мне и терпела мою раздражительность. Относиться к ней с неприязнью стало трудно, но нет ничего невозможного.

Я потрогала зубы: *слава богу, все на месте*. Ощупала лицо: *все не так плохо, как мне казалось*. Пошевелила пальцами ног. *Да, пора выбираться отсюда*.

Вскоре Майклз дала мне зеленый свет. Взяв то немногое, что осталось от вещей, которые были со мной в момент аварии, я вышла из здания больницы, пропахшего лекарствами и хлоркой, чтобы сесть в такси, пропахшее потом и плесенью. Когда я поправляла на себе халат, надетый поверх пижамы, водитель с сомнением на меня посмотрел:

– Вам точно уже можно ехать домой?

– Так плохо выгляжу? – спросила я, воюя с ремнем безопасности и стараясь не замечать, с каким любопытством шофер поглядывает на меня в зеркало заднего вида.

– Вы нормально себя чувствуете?

– Да.

– Точно? Не вырвет в моей машине?

– Нет. Я попала в аварию, но сейчас все хорошо. Спасибо.

– Ваши родные не смогли вас забрать?

– У меня никого нет.

До сих пор мне даже не приходило в голову кому-нибудь позвонить. Я уже давно жила одна и успела забыть, что такое семья. Во Флориде у меня была тетка с детьми, но я их не знала. Во всяком случае, не настолько хорошо, чтобы обращаться к ним за помощью после небольшой аварии.

Обычно я столько работала, что не замечала своего одиночества, но в такой ситуации близкие люди не помешали бы. Тому, у кого они есть, не приходится ехать из больницы на такси в пижаме и бежевых носках с резиновой противоскользящей подошвой.

– Где же ваша одежда, девушка?

– Дома, в шкафу.

– И совсем некому было привезти?

Я покачала головой и назвала адрес. Наконец-то мы тронулись с места. Когда я ответила на предсказуемый вопрос: «Где работаете?», водитель, перекрикивая джаз по радио, принял разглагольствовать о шишках на больших пальцах ног, о своей давней ненависти к сырым овощам и привычке выкуривать по две пачки «Пэлл-Мэлл» в день. Узнав, что я медсестра, люди почему-то начинали исповедоваться мне по части здоровья. Видимо, предполагалось, что я должна дать им отпущение грехов или поставить диагноз, но я не могла ни того ни другого.

– Это здесь, дорогуша? – Толстым пальцем, перепачканным в гудроне, шофер указал на мой дом. – По-моему, тут жила одна из моих бывших.

– А я думала, мужчины вашего поколения женились на первой девушке, которую приглашали на свидание.

Он скрчил рожу:

– Да я бы не отказался, только она не захотела меня ждать. – Он ткнул в надпись «Ветеран», вышитую на кепке: – Служил во флоте.

– Спасибо вам за это.

Он кивнул. Его желтые ногти окаймляла чернота, на обветренном лице серебрилась щетина. Он послужил родине, а потом, судя по рукам, выполнял работу потяжелее, чем вождение такси, поэтому мне захотелось дать ему хорошие чаевые. Но у меня не было ни кошелька, ни карманов. Лишь несколько долларовых бумажек, зажатых в ладони вместе с ключами.

– Подождите, пожалуйста, я сбегаю домой за деньгами.

Открывая дверь машины, я ощутила боль в костяшках.

Водитель усмехнулся:

– Больничные пассажиры никогда не платят.

– Да нет же, я принесу деньги, просто подождите немного. Я скоро. Не выключайте счетчик. Я и за ожидание заплачу.

– В следующий раз, детка. – Его глаза помягчели, он улыбнулся. – Некоторые даже не предлагают.

А я почти забыла, что следующий раз действительно будет, ведь мой бедный «приус» цвета морской волны превратился в груду металлома. Машина развалилась на куски, когда вместе со мной вылетела с перекрестка на газон. Я каким-то образом уцелела, но в ближайшем будущем мне предстояло часто кататься на такси. При этой мысли у меня екнуло сердце. Мой «приус» спас меня, а сам погиб.

– Спасибо... – Я взглянула на карточку над приборной панелью и добавила: – Мэлвин.

– Просто Мэл. – Он протянул мне помятую и перепачканную

визитку. – Позвони, когда понадобится машина, но возить бесплатно больше не буду.

Высадив меня у крыльца, водитель уехал. Я помахала ему, с трудом поднялась по ступенькам и открыла дверь подъезда, радуясь, что квартира на втором этаже. После первого лестничного марша мое тело, как выяснилось, едва способное переставлять ноги, перешло на автопилот. Наконец я сунула ключ в замочную скважину, повернула его, открыла дверь и закрыла ее. Прислонилась спиной к деревянной обшивке.

– Слава богу, сегодня пятница, – вздохнула я, сползая на пол.

Я прожила в своей квартире два года, но она до сих пор выглядела так, что менеджер по недвижимости вполне мог сдать ее новым жильцам. Сверлить дыры в стенах, которые мне не принадлежали, я не считала правильным, но купить нормальную посуду мне в принципе никто не мешал. Я окинула взглядом кухонные шкафы: дверки у них отсутствовали, поэтому коллекция бумажных тарелок и пластиковых стаканов была на виду. С ними гармонировали пластиковые ложки, ножи и вилки в выдвижных ящиках. Только одна стеклянная кастрюля пылилась под столешницей, да еще сковородка и банка. До сих пор я ела вне дома: это было для меня не столько необходимостью, сколько способом провести время.

Я собралась с силами и заставила себя проковылять через комнату, чтобы взять из коробки с лекарствами давно завалившуюся там склянку с обезболивающим. Покатав на ладони крошечную голубую таблетку, я засинула ее в рот и запила глотком выдохшейся газировки. Чувствуя, как зад мерзнет в больничной пижаме, стала ждать, когда кровь разнесет по телу гидрокодон и сахар.

Снова ощущив себя человеком, я приняла душ, влезла в джемпер с открытыми плечами и надела свои любимые синие спортивные штаны с резинками внизу. Собирая на макушке влажные волосы, я подумала, что вот в таком виде, похожая на кошатницу-daltonika, я могу встретить любовь всей своей жизни. Но мне нужно было поесть, и, чтобы не пытаться готовить самой, стоило перейти улицу без лифчика. К тому же продуктов у меня дома не водилось.

Я остановилась, посмотрела в зеркало. Боялась увидеть ужасающее месиво, но лицо оказалось... в порядке. Усталое, конечно, но в целом нормальное. Ничего общего с раздавленным помидором.

Зажав в кулаке ключи и вцепившись в перила, я спустилась по лестнице и пошла в «Джей-Вок» – свою любимую китайскую закусочную. Остановилась только на светофоре, когда переходила дорогу. Еще на улице

я заулыбалась, почувствовав запах соевого соуса и жира. Очередь в кассу, где продавали еду навынос, была длинная, поэтому я села за свой обычный столик и стала ждать официантку Коко.

Она возникла передо мной буквально через несколько секунд – в бордовом фартуке, обтягивающих джинсах и слишком тесной белой рубашке поло с приколотой карточкой «Коколина». Она принесла меню, в котором я не нуждалась, и налила в стакан воды, которую я не собиралась пить.

– Как обычно?

– Пожалуй.

Коко нахмурилась:

– Ты бросила свою больницу? Первый раз вижу тебя не в спецодежде.

– Сегодня я отдыхаю.

– Заболела?

– Вроде того.

Официантка развернулась на каблуках, поняв, что подробностей не будет. Я подперла подбородок рукой. Десятки самых разных людей проходили мимо большого окна, возле которого я привыкла сидеть за те два года, что посещала этот ресторанчик. Летние каникулы были в самом разгаре, солнце светило, и по тротуарам шагали толпы туристов с детьми. Эта картина разбередила старую рану. Я уже выросла, но мне по-прежнему хотелось, чтобы папа взял мою руку в свою большую ладонь. Я завидовала маленьkim девочкам, которые, широко улыбаясь, нетерпеливо тыкали во что-нибудь пальчиками и либо тащили своих отцов вперед, либо отставали, заставляя тащить себя. Я уже знала: это никогда не пройдет. Мне всегда будет не хватать родителей, и я всегда буду жалеть о каждом моменте, который они не смогли прожить вместе со мной.

Хрустнув, на столик плюхнулся белый пакет с простым логотипом: симметричным рисунком из жирных линий и пробелов в вишнево-красном кружке. Мне всегда было интересно узнать, что это означает, но сейчас меня отвлекли пальцы, удерживавшие закатанный верх пакета.

– Обедаешь одна? – спросил мужской голос.

«Руки выглядят сексуально, – подумала я. – Да, именно сексуально. Не большие и не маленькие, мускулистые. Да, мускулистые». Женщина, давно живущая одна, замечает кое-какие детали, на которые другие не обращают внимания. Например, пальцы. На пальцах этого мужчины темнели крошечные волоски, ногти были аккуратно подстрижены. На правом указательном я увидела шрам. И самое главное: на безымянном не было кольца. Хуже кольца мог быть только белый след на его месте, означавший,

что чей-то муж ищет приключений. Не увидев и этого, я улыбнулась и подняла взгляд. На меня смотрели знакомые серые глаза парня, который точно был свободен.

– Что, прости?

– Ты обедаешь одна? – повторил он с нажимом.

– Да. – Я несколько смущалась. – По-твоему, это печально?

– Ну, не знаю. – Он сел напротив меня. – По-моему, скорее романтично.

Я с подозрением прищурилась – *романтично*? Это слово как-то не шло нахалу-парамедику^[2], который ухлестывал за всеми медсестрами в нашем отделении. Он выпустил пакет и поднял руки:

– Рад, что ты в порядке. Если б ты тронулась с места на несколько секунд раньше, все могло бы плохо кончиться.

– Я почти ничего не помню.

Он, задумавшись, нахмурил брови:

– Зато я помню.

– Оставь воспоминания при себе. Я предпочла бы не знать подробностей.

– Кстати, пожалуйста.

– Ты о чем?

– О том, что мне удалось выковырять тебя из сплющенной груды железа, к тому же я набрал девять-один-один.

Я заморгала:

– Ой... Спасибо, конечно. Я тогда ничего не соображала.

– Это не самый выдающийся мой подвиг, – махнул рукой парень. – Бывали истории поинтересней.

– Когда-нибудь с удовольствием послушаю. – Я вздернула бровь. – Надо же знать, с кем имеешь дело.

Поговаривали, что этот новый парамедик приехал в Филадельфию недавно. Я не знала, от чего он бежал, но за чем он гоняется, было очевидно: за женщинами. Его интересовали высокие и маленькие, худые и пышные, а также всевозможные промежуточные варианты. Ему нравилось побеждать. Раньше я бы даже разговаривать не стала с таким типом, но он спас меня (пусть даже это было для него привычным делом), и потому теперь его глаза казались мне чуть мягче, а улыбка чуть добрее. Мне стало проще смотреть на него не как на хищника, а как на мужчину, с которым у женщины может быть что-то большее, чем одна ночь.

– Знаю, о чем ты думаешь, – усмехнулся он. – Я не шел за тобой по пятам. У меня просто смена через час, надо взять какой-нибудь еды.

Мне было, мягко говоря, слегка неприятно, что парень не поддержал мою игривую интонацию. К тому же гидрокодон мешал шевелить мозгами. Поэтому я несколько секунд молчала, пока не нашла подходящий ответ:

– Я не думала, что ты меня высматриваешь. По-моему, это на тебя не похоже.

– Да?

– У тебя объем внимания как у двухлетнего ребенка.

Парень улыбнулся. Его глаза горели.

– Как тебя зовут?

– Ты знаешь.

– Джейкобс, я не фамилию имею в виду, а имя.

Я заколебалась. У нас было принято обращаться к коллегам по фамилиям, чтобы отношения оставались деловыми. А с этим парамедиком мне иногда приходилось пересекаться на работе. Произошедшее, конечно, многое изменило, но я все-таки сомневалась, что ему можно настолько доверять, чтобы разрешить называть меня по имени.

Может, в тот день я особенно остро чувствовала свое одиночество, а может, была еще какая-то причина. Так или иначе, я ответила на вопрос легкомысленного парня сексуальными руками без кольца:

– Эйвери.

Он посмотрел на меня с сомнением, и я, подумав, что из-за тумана в голове сказала что-то не то, повторила:

– Эйвери.

– Эйвери? – переспросил он, будто не поверил мне.

– Да. А что такого?

Он ткнул себя в грудь:

– Джош Эйвери.

– Ах! – рассмеялась я, когда до меня дошло, в чем дело. – Мы, случайно, не родственники?

Я была довольна, что в таком состоянии мне удалось сострить.

Он приподнял уголок рта, и на его левой щеке появилась ямочка.

– Надеюсь, нет.

Джош впился в меня глазами, и мысли его явно не были невинными. Он протянул мне руку через стол. Я едва коснулась ее, но он задержал мои пальцы.

Еще до того, как этот парень назвал мне свое имя, я знала, что он новый напарник Куинна Чиприани – соблазнитель, явившийся неизвестно откуда, чтобы забраться в постель к каждой нашей медсестре в возрасте до тридцати пяти. И все равно я не могла не чувствовать себя польщенной:

потрясающий мужчина бессовестно со мной флиртовал, хотя я была далеко не в лучшей форме. Но я постаралась притвориться равнодушной. Было бы стыдно признаться Деб, что, разговаривая с этим ловеласом, я хихикала, как многочисленные новенькие медсестры, которых он покорил на наших глазах.

– Смотри не опоздай на работу, Джош.

– А ты сегодня дежуришь? Может, еще встретимся.

Я покачала головой:

– Наверняка встретимся в больнице, но не сегодня.

Джош встал, хрустнув своим пакетом, и улыбнулся:

– В больнице? Вообще-то, я бы лучше с тобой пообедал или сходил в кино. Или в кино не стоит? Там ведь нельзя разговаривать.

– Меня бесит, когда кто-нибудь своей болтовней мешает смотреть фильм.

– Меня тоже. Готов поспорить, что нас бесят одни и те же вещи.

– Значит, мы можем неплохо провести время.

– Вот и я так думаю.

Джош снова показал ямочку на щеке, а потом направился к выходу. Звякнув, дверь за ним закрылась. Прижавшись лбом к стеклу, я видела, как он пошел к светофору. Но вот он свернул за угол и пропал из виду.

– Жареная курица с рисовой лапшой, соевый соус слабосоленый, – произнесла Коко, ставя передо мной белый пакет.

Я развернула его, против собственной воли продолжая улыбаться.

– Кажется, твой неудачный день оказался не так уж плох, – прощебетала официантка.

Я закусила губу, раздраженная тем, что в последние пять минут чувствовала себя такой счастливой.

– Джош Эйвери, – не унималась Коко. – Я бы не возражала, чтобы он измерил мне температуру. Ну, ты понимаешь, о чем я. Он живет в трех кварталах отсюда, и это даже странно, что раньше вы с ним здесь не пересекались.

– Откуда ты знаешь, где он живет? – спросила я, все еще пялясь в окно.

Пошлые замечания Коко меня не шокировали. И я ни в чем ее не упрекала, потому что слишком много раз видела, как в присутствии Джоша женщины раскисают, превращаясь в тюрю.

– У нас есть доставка. Или ты забыла? Он симпатичный, – вздохнула официантка. – Темные волосы, голубые глаза. Похож на принца из «Русалочки». Только разве что помускулистее. Ой, если ты выйдешь за него

замуж, будешь Эйвери Эйвери.

Коко потянула за свою тугую кудряшку, и та мгновенно отскочила обратно. Наконец-то выдохнув, я пробормотала:

– Замуж за него? Какая чушь!

С этими словами я встала, прижав к животу пакетик с едой. Несколько часов назад меня расплющило в собственной машине, как монетку в вакууме, но, несмотря на боль, широкая улыбка не слезала с моего лица до конца дня.

Глава 2

Джош

С ресторанным пакетом в руке я побежал по улице, расплескивая воду в лужах носками кроссовок. Скоро начиналась моя смена, а я всю ночь не спал, и теперь мне до смерти хотелось пару минут подремать. Свободной рукой я то и дело невольно потирал живот, который не получил завтрака и теперь протестующе урчал. Прошедшее утро я решил провести в спортзале на 27-й улице, чтобы не позволять своим мыслям бешено крутиться вокруг Эйвери, зажатой в разбившейся машине.

Я взбежал по лестнице своего дома на второй этаж, прыгая через ступеньку и чувствуя приятное жжение в икрах. Едва я успел повернуть ключ в замке и приоткрыть дверь, как мой щенок Декс, грязнуля и разгильдяй, прыгнул мне на ногу, требуя внимания. Две недели назад он чуть не превратился в очередное пятно на проезжей части, но я его спас, и мы быстро подружились, хотя он писал на пол в кухне, как студент после вечеринки.

– Хочешь китайской лапши, приятель?

Бросив пакет на столешницу, я раскрыл его, вынул контейнер с едой, честно разделил содержимое пополам, отыскал в шкафу две бумажные тарелки и одну поставил на пол. Декс, не теряя времени даром, погрузил коричневый нос в свой обед и принялся размазывать его по выцветшему линолеуму.

– Кушай на здоровье, – сказал я и, перейдя в гостиную, со стоном рухнул на подержанный двухместный диванчик.

Чтобы комната не казалась очень пустой и тихой, а тяжелые мысли оставили меня в покое, я нажал кнопку на пульте телевизора. Каждый день мне приходилось видеть ужасное: разрушенные семьи, оборванные жизни. Невозможно было продержаться на такой работе, не научившисьправляться с эмоциями. Я старался блокировать переживания, делая вид, будто чужие страдания и смерти меня не волнуют. Со временем я и правда стал реагировать гораздо спокойнее. Мое сердце затвердело, и я уже мог врать себе, что мне все безразлично. Я в это почти верил. Почти.

Развернув бумажный мешок, я взял коробку из китайской закусочной и отвлекся от экрана. Люди превратились в цветные кляксы, их голоса начали сливаться.

Набивая себе рот, я думал об Эйвери и ее усмешке. Эта медсестра была полной противоположностью тем девчонкам, которые мне обычно нравились: на лице у нее ничего не блестело, и одежду не пришлось бы отмачивать в детском масле, чтобы отлепить от кожи.

Поднося вилку ко рту, я почувствовал, как Декс тычет лапой в мою руку.

— Ты свое уже съел, — сказал я, вставая с дивана и возвращаясь на кухню.

Как ни тяжело было это признавать, я уже не мог переносить синяки и шишки так же легко, как в детстве, когда гонял на велосипеде по кочкам. Моя машина всего лишь неудачно затормозила, а я чувствовал каждую царапину, каждую потянутую мышцу. Достав из холодильника полупустую бутылку молока и намереваясь ее опорожнить, я отвинтил крышку. Но, едва успев поднести горлышко ко рту, обернулся и увидел, что щенок поглощает остатки моей еды.

— Черт тебя подери, Декс! — рявкнул я, завинчивая крышку и ставя молоко обратно в холодильник. Бросив взгляд на часы, которые высвечивались на духовке, я стиснул зубы и процедил: — У меня не осталось времени, чтобы съесть что-нибудь другое, засранец ты этакий!

Когда я приблизился, щенок виновато заскулил, но бить животное было не в моих правилах. Я провел рукой по его жесткой, как проволока, шерсти. Потом стянул футболку, бросил ее на пол и, обернувшись через плечо, сказал Дексу:

— Тебе повезло, что ты такой симпатяга.

В ванной я включил холодную воду, надеясь проснуться под душем, чтобы продержаться до конца долгой смены. Скинув кроссовки, баскетбольные шорты и трусы, я услышал телефон: он звонил на кухонной столешнице, тихо проигрывая песню, записанную на частном концерте группы «Том Петти энд хэтбрейкерс». Я закрыл стеклянную дверцу и вполголоса выругался, когда ледяные капли забарабанили по моей спине. Повернув кран, я застонал: по ноющим плечам разлилось тепло. Дурацкую мочалку, которую я сейчас намыливал, оставила мне Талия, официантка из «Бешеных быков». Потому-то я ей и не звонил: она была очень гибкая, что мне нравилось, но я не любил липучек. Я капнул голубого геля на сетчатый комок и принялся растирать мышцы живота, весьма упругие, напевая «Хорошо быть королем». За пятнадцать минут я успел все, что обычно делал перед работой, и выскочил из дома голодный, но достаточно бодрый.

Небо расчистилось, и солнце слепило глаза. Жара стала почти нестерпимой. Я достал из кармана телефон, нажал на значок голосовой

почты и услышал крик Неряхи Джо:

– Чего не берешь трубку, Джей? Звонки отсеиваешь? Слушай, я знаю: ты начал новую жизнь в большом городе и все такое, но нельзя же забывать тех, кого ты оставил. Перезвони мне, старина.

Дослушав сообщение, я занес палец над цифрой девять и нажал ее, чтобы стереть запись. Засовывая телефон обратно в карман и ускоряя шаги, я пообещал себе перезвонить Джо попозже, хотя прекрасно знал: не перезвоню. Прошлое на то и прошлое, чтобы оставаться позади. Я не был готов вернуться к домашним проблемам. По крайней мере, сейчас.

– Привет! – крикнул Куинн. – Фигово выглядишь!

Он открыл дверь «скорой помощи» и кинул туда маленькую черную сумку.

– Твоей мамаше так не показалось! – отрезал я, перекатывая голову с плеча на плечо, чтобы расслабить шею.

– Что за дермо ты несешь!

– Дермо – это то, что она сделала с пивной бутылкой.

Куинн тряхнул головой, и его ухмылка расплзлась еще шире.

– Скажу ей, чтобы больше для тебя не готовила, задница ты чертова.

Он протянул мне банку содовой, которую я взял, благодарно кивнув:

– Чертова задница. По-моему, так она и сказала.

Куинн метнул в меня угрожающий взгляд, и я пожал плечами:

– Такое уж у меня обаяние.

* * *

К концу смены глаза у меня как будто горели. Ночь, если сравнивать ее с другими, выдалась спокойная, но легко все равно не было. Я спас человека от удушья и подобрал потерявшегося ребенка, но это оказались цветочки: потом пришлось ехать к бедолаге, который покалечил себя отрезным станком. Обычно заигрывание с сестричками из отделения неотложной помощи скрашивало мнеочные часы, но в этот раз у меня не было сил походя кидать девушкам игривые фразы.

После дежурства я заспешил домой и, выгуляв Декса, свалился от усталости. Поспать удалось недолго: через несколько часов зазвонил телефон. Я взял его, протирая глаза спросонья.

– Только попробуй сказать, что разбудил меня просто так! – прорычал я, поворачиваясь на спину.

– Близняшки.

Я, моргая, сел:

- Черт возьми, Куинн, какие еще близняшки?
- Офигенные, Джош! Блондинки с огромными буферами! Приходи в «Дыру на углу», они просят, чтобы я позвал друга.

Я взглянул на будильник, где горели ярко-красные цифры, и, подавив зевок, пробормотал:

- С тебя пиво.
- Если поможешь мне уладить дело с этими цыпичками, отдам тебе своего первенца.
- Пива будет достаточно.

Я нажал отбой и бросил телефон на постель возле себя. Надеюсь, жалеть о потраченном времени не придется. Потом встал и прошелся по узкому коридору в ванную. Даже умывание ледяной водой не помогло избавиться от усталости.

Я быстро оделся и, не удосужившись даже взглянуть в зеркало, дабы оценить свой внешний вид, окунулся в прохладный вечерний воздух.

Бар «Дыра на углу» располагался почти ровно на полпути от моего дома до больницы Святой Анны, поэтому там было очень удобно встречаться с медсестричками. Они любили это место, и оно прекрасно подходило для того, чтобы познакомиться с какой-нибудь поближе.

Поскольку день был будний, народу в баре собралось мало. Но несколько знакомых лиц все-таки было. При виде одного из них мои губы непроизвольно растянулись в улыбку. Когда мы с Эйвери встретились взглядами, она словно испугалась, но тем не менее заспешила мне навстречу:

– Слава богу, ты пришел!

От такого неожиданного приветствия у меня чуть не перехватило дыхание.

– Я тоже рад тебя видеть.

– Ты мне нужен.

Эйвери взяла мое запястье своими длинными тонкими пальчиками и потянула меня к бару. Я бросил взгляд на дверь в заднюю комнату: там мы могли бы неплохо подурачиться.

– Вот это да! Ты мне тоже нравишься, Эйвери, но я не знал, что ты из таких быстрых, – пошутил я.

Ей мое замечание не показалось смешным, и она сердито поглядела на меня через плечо:

– Еще чего, сексоголик! Там ко мне парень пристает. Я думала, ты согласишься помочь девушки.

Она подняла бровь и взглянула на меня, ожидая ответа.

– Веди, – кивнул я. – Сейчас разберемся с этим засранцем.

Ее подружка, натянуто улыбаясь, помахала нам. Рядом стоял вдрызг пьяный Куинн.

– Черт, это что – прикол? – пробормотал я, подходя к нему.

Две жутко рассерженные девицы ждали от меня каких-то действий.

– Засранца зовут Куинн. – Эйвери театральным жестом указала на моего напарника, сдерживая усмешку. – Полагаю, вы знакомы.

Я прокашлялся, стараясь сохранить серьезный вид:

– В чем дело, стариk?

– Чертовы близнецы, – слишком громко ответил он, кивая на девушек.

Я подавил смешок, поглядев на Эйвери и на ее подружку. Если они показались Куинну хотя бы отдаленно похожими, значит он напился в доску. У второй медсестры были темные волосы, ниспадавшие на пышную грудь. Плавные изгибы ее фигуры контрастировали с резкими чертами лица. Она была полной противоположностью Эйвери – светловолосой, худенькой и спортивной.

Я похлопал напарника по плечу:

– По-моему, дружище, они не сестры.

– Не, не, ты послушай, – промямлил Куинн, обнимая брюнетку и тыча пальцем ей в лицо. – Это Бед^[3]. Прикольно, а? – Он состроил многозначительную мину.

Девица стукнула его в грудь:

– Меня зовут Деб, засранец.

Чуть не рухнув на пол, Куинн потер пострадавшее место так, будто получил сокрушительный удар.

– Красивая, правда? А эта, – он махнул рукой, указывая на Эйвери, – с севера.

– Да нет, ее зовут – Эйвери, ни с какого она не с севера, – возмутился я. – Просто имя. Мы знакомы по работе, помнишь? – При виде его озадаченной физиономии я не выдержал и рассмеялся.

– Я ей не нравлюсь. Можешь себе такое представить?

– Запросто. – Я закинул руку Куинна себе на плечи и оттащил его от Деб. – Пойдем, дружище. Думаю, нам пора домой.

– Но я хочу потусоваться с этими близняшками...

– По-моему, они от тебя слегка устали.

Я подмигнул Эйвери, она одобрительно улыбнулась.

– Но я должен угостить тебя пивом... – простонал Куинн.

– Это да, но сейчас нам лучше пойти ко мне. Будешь спать на

кухонном полу, где Декс делает лужи.

Я помог напарнику выбраться на улицу, и он прислонился к облицованной кирпичом стене, глотая свежий воздух.

– Здесь так душно... – Он дернул воротник голубой рубашки поло, растянув ткань. – Кажется, меня тошнит.

– Так тебе и надо.

Дверь бара заскрипела, и я обернулся.

– Давай ему побольше воды, и пускай съест банан или что-нибудь в этом роде, – улыбнулась Эйвери, заправив за ухо прядь волос. – Да, и... спасибо, что так лихо с ним управился.

Я засунул руки в карманы джинсов:

– Вообще-то, это нетипичное для него состояние.

Повернув голову, я увидел, как Куинн согнулся пополам в безрезультатном позыве к рвоте. Рубашка валялась рядом на асфальте.

– Надеюсь. Иначе было бы жалко его маму.

– Он рассказывал вам про свою мать?

– Хотел, чтобы мы переспали с ним в обмен на ее пирог. – Эйвери прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться. – Оригинальная тактика.

– Завтра я скажу ему, что вы под впечатлением. А сейчас надо бы звякнуть его мамаше.

Я моргнул, Эйвери уставилась в пространство между нами. Разговор заглох, и я стал думать, что бы еще сказать, пока Куинн пытается опорожнить желудок. В такой ситуации трудновато продолжать светскую беседу.

– Ладно, заберу его к себе домой, – наконец проговорил я, потирая шею, а про себя подумал: «Завтра утром ему мало не покажется».

– Еще раз спасибо.

Эйвери открыла дверь и шмыгнула обратно в бар, где ее ждала подруга.

– Идем! – Я поднял Куинна и закинул его рубашку себе на плечо.

Мы поплелись по темной улице к моему дому. Ночь обещала быть долгой.

Глава 3

Эйвери

– Давай-ка по порядку. – Деб стояла возле своего шкафчика в одной медицинской блузе и полосатых носках едкой расцветки. – Он достает тебя из горящей машины...

– Машина не горела, – невозмутимо поправила я.

– Ладно. Он звонит своим дружкам-парамедикам, вытаскивает тебя и несет, пристроив твою головку на свое мускулистое плечо и обнюхивая твои трусики допотопного фасона.

Я с отвращением покачала головой:

– Они-то тут при чем?

Деб недоумевающе на меня уставилась:

– Мы ведь говорим о парамедике Мак-Бабнике, верно? Он мог снять с тебя трусики, чтобы сделать из них кровоостанавливающий жгут, как этот сексуальный Мак-Гайвер^[4].

Я выдохнула:

– Мак-Бабник – отвратительное прозвище.

– Ты смеялась, когда услышала его от меня в первый раз. А теперь заняла оборонительную позицию. Дело плохо.

Она сунула свой кед, перепачканный в деръме, в полиэтиленовый пакет, туго его завязала и бросила в шкафчик с грохотом.

– Ты ведь его выбросишь, правда? – спросила я, потирая висок, который начинал болеть.

– Выбросить мою обувь?! – Такое предположение мою подругу возмутило.

Она повернулась ко мне спиной, зашла в крошечную ванную и принялась мылить руки под краном. Когда они стали пунцовыми, Деб оторвала бумажное полотенце и выключила воду, а потом взяла еще несколько полотенец и, вытервшись, бросила в корзину.

– Ты, видно, ударилась головой сильнее, чем я думала, – прибавила она, собирая волосы в крошечный хвостик.

Я улыбнулась, глядя, как Деб надевает свежевыглаженные штаны и просовывает ноги в резиновые сабо.

– По крайней мере, не развязывай пакет, пока не узнаешь, нет ли у пациента...

– Хлорка убивает все. А если я и подхвачу псевдомембранный энтероколит, то, может, мне удастся сбросить лишние пятьдесят фунтов, с которыми я борюсь с восьмидесятых годов.

– В восьмидесятые годы ты только родилась.

– Во время беременности у мамы возник диабет. Я была толстым младенцем.

Деб закрыла шкафчик, защелкнула кодовый замок и повернула диск.

– Поверни еще раз, – посоветовала я. – А то кто-нибудь похитит твой загаженный кед.

– Какая-нибудь тощая стерва из рентгенологии запросто может спереть мой завтрак.

Андреа, медсестра-рентгенолог, обернулась и смерила нас взглядом. Деб вытаращила глаза и ткнула пальцем в ее сторону:

– Точно! Я вижу, как ты пялишься на мой шоколадно-ванильный пудинг!

Андреа, внезапно заторопившись, вылетела из раздевалки.

– Боже мой, Деб, ты опять наживешь себе неприятности!

– Мой кед может оказаться сегодня вечером у тебя под подушкой. У меня есть ключи от твоей квартиры. Кстати, что ты все трещь голову? В чем дело?

– Болит немного. – Я отняла пальцы от висков. – Но ничего страшного. Дома приму таблетку. Пойдем скорее: рабочий день закончился. Мне и так неудобно, что тебе пришлось дежурить за меня ночью в твой выходной. Давай свалим отсюда, пока не дали экстренный сигнал.

Мы вместе вышли из раздевалки и направились в холл. Помахав медсестрам из ночной смены, я увидела доктора Розенберга. Он жестом попросил меня подождать и зашагал мне навстречу. Я остановилась.

– Вариант А: он собирается сделать тебе предложение, – прошептала Деб.

– Заткнись, – процедила я сквозь зубы.

– Вариант В: хочет сказать, что ему нравится, как твои титьки торчат из-под балахона.

– Я тебя сейчас убью, – прошипела я, когда доктор уже почти подошел.

– Вы домой, дамы? – спросил он.

– Вариант С... – начала Деб.

– Что «С»? – повторил Розенберг, захлопав невероятно длинными ресницами.

Его брови сдвинулись, и на переносице образовались две параллельные морщинки.

– C. Diff, – выпалила я, – псевдомембранный энтероколит. Его не обнаружили у последнего пациента?

– Нет, в этом я могу вас уверить, не дожидаясь результата анализа. При этом заболевании от пациента так пахнет – ни с чем не перепутаешь...

– Довольно странный постельный бред, – пробормотала Деб.

– Что, простите? Какой бред?

– Она говорит не «бред», а «вред», – ляпнула я первое, что пришло в голову. – Вредоносные бактерии. Но нам пора. Подруга меня отвезет. На своей машине. Или нужно, чтобы я задержалась, доктор?

– Ах да, вы же остались без колес! Надеюсь, у вас есть страховка?

Деб разинула рот, но я с силой ткнула ее локтем. Она вскрикнула и хмуро на меня воззрилась, потирая ребра. Доктор Розенберг с любопытством на нас посмотрел и продолжил:

– Я сегодня добирался на работу в два раза дальше обычного из-за ремонта на Северном шоссе. Если вы тоже по нему ездите, то, пожалуй, лучше поискать другой путь.

Деб ухмыльнулась:

– Док, вы ведь живете в Алапокусе?

Он мягко улыбнулся и смущенно опустил глаза:

– Совершенно верно, Хамата, но не знал, что это общеизвестно.

– Ну так вот... – протянула Деб. – Мы, дипломированные медсестры, добираемся до своих паршивеньких квартирок по Западному шоссе. Там пробок нет.

– Хорошо, – весело сказал доктор Розенберг. – Тогда приятного отдыха. Доброй ночи, Эйвери.

– Доброй ночи, доктор, – кивнула я и развернулась на каблуках.

Когда Деб взяла меня под руку, я превратилась в камень.

– Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя, – долдонила я, пока мы шли по коридору.

– Зря ты так сердишься, – усмехнулась она. – Сегодня в ванне с шампанским он будет думать о тебе.

– Ничего подобного. Он будет думать о том, о чем положено думать женатым мужчинам. А ты засранка, если замышляешь такие вещи.

– Я не замышляю. Я просто, как кукловод, дергаю ниточки твоей жизни – это забавно.

– Честность нравится мне в тебе больше всего, но иногда ты бываешь слишком откровенна, и я хочу тебя придушить. Так, слегка. Чтобы только глаза лопнули.

Деб крепче сжала мою руку:

– Ах, как мы мило болтаем!

Вдруг прямо на нас из-за угла выскочила какая-то синяя фигура, и горячая жидкость брызнула мне на шею, плечи и одежду, которая моментально промокла. Я оторопело растопырила руки.

– О господи! – воскликнул Джош. Одноразовый стакан для кофе, который он держал в руке, был почти пуст. – Пойду принесу холодной воды. Ты обожглась?

– Да, горячий кофе жжет мою плоть, капитан Очевидность, – ответила я, чувствуя, как темная жидкость стекает по подбородку.

Подняв голову и понюхав воздух, Джош скривился:

– Чем это пахнет?

– Я сейчас, – сказала Деб и, промчавшись по коридору, исчезла за дверью без таблички.

Я покачала головой, с трудом сдержав смех при мысли о ее перепачканном кеде. Едва взглянув на собственные штаны-карго и рубашку (на ней тоже было пятно), Джош стал искать, чем вытереть мой форменный балахон. Жжения я уже не чувствовала: кофе в больничном автомате редко бывал настолько горячим, чтобы кто-нибудь мог им обвариться. Так и не найдя салфетки, Джош решил использовать вместо нее собственные руки и принял неуклюже водить ими по моим плечам, животу и груди. Я почувствовала себя еще более неловко, чем в десятом классе, когда меня лапал Бобби Лоусон.

– Да ладно, все нормально, – пробормотала я, надеясь остановить процедуру.

– Этот кофе я нес тебе, – сказал Джош, не обратив внимания на мою попытку. – Правда, не для того, чтобы ты в нем искупалась.

Осторожно проведя большим пальцем по моему подбородку, он заглянул мне в глаза и огорченно вздохнул.

– Что? Гм... – Я слегка задрожала. – По-твоему, я виновата, что мы столкнулись?

Я старалась говорить холодно, хотя на самом деле совершенно растаяла. Доктор Розенберг нравился мне, но он никогда не смотрел на меня так, как сейчас смотрел Джош. Во взгляде этого парня сожаление смешивалось с восхищением и ожиданием чего-то. Теперь, когда он был так близко, я поняла, почему все женщины в нашей больнице теряли голову в его присутствии.

– Да нет, я просто говорю, что хотел тебя угостить. – Он сделал шаг назад и указал на свой стакан. – Когда мы привезли сюда предыдущего пациента, я увидел, что ты здесь, и, хотя не знал, когда кончается твоя

смена, решил принести тебе кофе...

Я улыбнулась краешком губ:

– Это совсем не в стиле Мак-Бабника.

– А? – Он наморщил нос и чуть наклонил голову набок, как делают озадаченные щенки.

– Я хотела сказать, что тронута твоей заботой, – поправилась я, забирая у него почти пустой стакан. На нем были потеки остывшего кофе, и я испачкала ладонь: теперь она гармонировала с шеей и одеждой. – Кстати, я уже ухожу.

– Вот! – сказала Деб, прижимая к моей шее что-то холодное. – Принесла из кладовки сухие и мокрые полотенца и спрей «Дермопласт». Обожглась?

– Пока нет. – Я помотала головой, продолжая с улыбкой смотреть на Джоша.

Он качнулся, когда я задела его плечом, проходя мимо. Я взглянула назад и увидела, как он усмехается, глядя в пол. Наверняка он много раз играл в эту игру, но я решила, что со мной номер не пройдет.

Я потянула Деб за собой, и она подчинилась, хотя и была сбита с толку. Она оглянулась на Джоша, потом недоуменно уставилась на меня.

– Эйвери, что с тобой? – спросила она с недоверием. – Ты только что пожирала влюбленным взглядом Розенберга!

– Я более свободен, чем Роз! – крикнул Джош. – И возможно, я более и в других отношениях.

Я хихикнула, причем слишком громко. Было не так уж и смешно. Парень острил, как двенадцатилетний, но я настроилась на флирт и не смогла остановиться. Я и раньше встречала Джоша в больнице, хотя он был новый человек у нас в отделении и, как мне говорили, вообще в городе. Сначала я про себя называла его Мак-Бабником, а теперь он *спас меня после аварии*. Это что-то да значило. Между нами возникла особая связь, и мне хотелось, чтобы он спас меня снова. Только вот от чего? *Возможно, от тринацатимесячной засухи?*

– Вот увидишь! – не унимался он. – Я по-прежнему жду, что вечерком мы выпьем виски и составим список вещей, которые ненавидим.

Открывая дверь на улицу, я обернулась:

– А кофе не будет?

Джош протянул руки:

– Принесу, если хочешь, солнце. Принесу все, что пожелаешь.

– Успокойся, Джош. Я не в своемкусе.

– Это точно, – приосанился он.

Еще несколько минут назад он нервничал и был расстроен, а теперь казался вполне довольным собой. От того, как быстро восстановилась его уверенность в себе, я, наоборот, почувствовала себя менее уверенно.

Чуть помедлив, я толкнула дверь и окунулась во влажный воздух теплой летней ночи. На улице было не меньше тридцати пяти градусов, но под мокрой одеждой меня пробрала дрожь. Пока Деб искала в сумочке ключи от машины, я кое-как собрала волосы в пучок.

– Знаю, о чем ты думаешь, – сказала я возле дверцы.

Красная «киа рио» была куплена всего лишь год назад, но ее уже «поцеловал» белый «бьюик», не успевший вовремя затормозить. Они обменялись частичками краски, на корпусе машины Деб осталась небольшая вмятина, заднее крыло слегка покосилось.

– Ты когда-нибудь ее отремонтируешь?

Миндалевидные глаза Деб расширились, она подняла брови:

– Может, поговорим о том, как выглядит сейчас твой «приус»?

– Меткий удар, – сказала я, оглядывая парковку. – Продолжай в том же духе!

Наконец звякнула сигнализация, и дверцы синхронно открылись. Мы уселись в тесный салон. Деб вставила ключ в замок зажигания и, прежде чем повернуть его, сказала:

– Я этого не говорила, но я рада, что с тобой все в порядке. Ты меня до смерти напугала.

Я улыбнулась: меня тронула эта нетипичная для подруги сентиментальность. Но улыбка сползла с моего лица, когда Деб добавила:

– Я подумала: кто же будет выходить вместо меня на дежурство? Кто будет приносить мне мороженое, когда я болею? Кто будет вместе со мной прикалываться над Майклз?

– Ты самый настоящий мешок с дерьямом!

– Ага. И все-таки я куплю тебе упаковку пива, чтобы отпраздновать твоё возвращение с того света и влюбленность в Мак-Бабника.

– Ты не должна его так называть.

Деб задним ходом выползла со своего парковочного места. Выезжая на дорогу, ответила:

– Не должна, но буду.

Глава 4

Джош

Не хотелось этого признавать, но боль в мышцах все же сильно осложняла работу. Тем не менее после смены я почему-то отправился не домой отдохнуть, а в отделение экстренной помощи больницы Святой Анны. Каждый шаг был мучением, но эти страдания возмещались возможностью увидеть медсестру Джейкобс. А она как будто и не думала страдать. Наше столкновение, неожиданно для нас обоих, все изменило.

Еще никогда мне не приходилось так стараться, чтобы закадрить девчонку, и отчасти в моих нынешних трудностях был виноват Куинн: его фокусы в баре произвели на Эйвери, мягко говоря, не лучшее впечатление. Я взглянул на него: он до сих пор дрых с похмелья у меня на диване.

Я ухватил его за лодыжку и потянул. Он бухнулся на пол.

– Черт! – пробормотал Куинн, глядя на меня чуть приоткрытым правым глазом. – Что за фигня?!

– Подъем! Вечеринка закончилась!

Он со стоном встал на четвереньки и только потом поднялся:

– Такое ощущение, будто меня сбила машина.

– Забавно. А знаешь, кто *действительно* попал в аварию?

Я ткнул себя пальцем в грудь и поморщился: невероятно, но даже такой пустяк причинил мне боль. Я не был слабаком и большую часть свободного времени проводил в спортзале. После разборки на заднем дворе школы в седьмом классе я понял, что лучше сбрасывать лишние эмоции при помощи тренажеров и штанги, чем ввязываться в потасовки и однажды попасть в отдел для несовершеннолетних правонарушителей.

– Вот этот парень, – уточнил я. – И он почему-то не напился до бесчувствия, не выставил себя полным идиотом и не завалился в спячку на целые сутки.

– Видно, просто не старался. – Наградив меня кривой ухмылкой, Куинн прошелепал на кухню и открыл холодильник. – Надо бы подкупить жратвы, приятель. Кто же так принимает гостей?

– Ты не гость. Кстати, если бы я жил у матери в подвале, то позаботился бы о собственных продуктовых запасах.

– Я просто живу с ней в одном доме. И ни в каком не в подвале.

– Она стирает твои трусы?

– Вопрос неуместен.

– Ну и фиг с тобой. Сейчас я переоденусь, а потом мы пойдем в «Тутиз» и купим яиц.

– На твои деньги?

Стиснув зубы, я бросил в корзину для грязного белья рубашку с кофейным пятном.

– Просто пошевеливайся, и все.

– Ладно, ладно, – ответил Куинн, натягивая джинсы. – Какой ты злобный!

Я вздохнул:

– Постарайся сегодня не говорить глупостей особям женского пола.

– А, так ты все еще сердишься из-за Джейкобс?

Я выдернул из петель ремень, сложил его вдвое и грозно уставился на Куинна. Он поднял руки:

– О’кей. Ты прав. Я облажался. Просто разнервничался и решил глотнуть жидкой храбрости.

– Ты глотнул ее столько, что превратился в жидкого осла.

– Ну, не так уж я был плох.

– Сначала ты утверждал, что Эйвери – с севера, а потом выблевал на асфальт суши и изюм.

Куинн повертел головой, пытаясь припомнить события прошлой ночи:

– Черт!

– Вот и я о том же. – Мне вспомнилось, какое у Эйвери было лицо, когда она рас прощалась со мной в больничном коридоре. Ей удалось взять верх, и она это знала. – Одевайся давай.

* * *

Слопал я столько, что хватило бы на небольшую деревню. Теперь я хотел только спать. Куинн не вернулся ко мне, а затащил меня к своей матери, чтобы задобрить яблочным пирогом. Мы помогли ей поднять на третий этаж спальный гарнитур, который она купила в магазине подержанной мебели.

– Старик, с тобой точно все в порядке? – Прислонясь к кухонной столешнице, Куинн уминал здоровенный кусок пирога.

– Жить буду.

Мой приятель только покачал головой. Он знал, что няньки мне не нужны. Несмотря на частые проколы, Куинн был хорошим парнем.

– Какие планы на вечер, мальчики? – спросила его мать, протягивая ему салфетку и стакан молока.

Я чуть не прыснул со смеху: в присутствии мамочки, вспыльчивой итальянки, Куинн становился совершенным размазней.

– У меня есть кое-какие дела. – Я махнул рукой и направился к двери. – Спасибо за пирог, миссис Чиприани.

Мой друг кивнул, не отрываясь от процесса поглощения пищи.

Чуть не валясь с ног от усталости, я вышел из старого кирпичного многоквартирного дома и поплелся в «Зуб за зуб» – маленький тату-салон, который видел каждый день по дороге на работу и надеялся, что долго не появится повод посетить это заведение. Однако имелось у меня что-то вроде суеверия, ритуала. Звякнув дверным колокольчиком, я вошел; сквозь очки в темной хипстерской оправе на меня глянул человек с ирокезом на голове. Рисунков и надписей на нем было не меньше, чем на газетном листе.

– Парень, я уже заканчиваю. Скоро освобожусь. Выбери пока, что будем набивать.

Он провел полотенцем по руке клиентки, размазав капельку чернил по молочно-белой коже. Я кивнул и подошел к стене, на которой, как в картинной галерее, висели рисунки, традиционные и более современные. Но мне не хотелось ничего особенно креативного. Для меня татуировки были как отметки на информационной доске. Я делал их, когда мне удавалось ускользнуть от смерти.

Поглубже засунув руки в карманы, я стал бродить по холлу, наблюдать. Увидел обнаженную женскую грудь – посетительница демонстрировала ее сотрудникам салона, беспокоясь, не подхватила ли она инфекцию, когда в сосок вдевали кольцо.

Касса захлопнулась, и татуировщик пригласил меня:

– Извини, что пришлось ждать.

Я развернулся и подошел к столу. Под стеклянной крышкой были разложены всякие стразы, цепочки и тому подобные безвкусные побрякушки.

– Выбрал образец?

– Сейчас покажу. – Я завел руки за голову и стянул с себя футболку. Монетка на цепочке упала мне на грудь. – Вот. – Я показал девять тигриных полос на ребрах. – Пора сделать еще одну полоску.

Мастер обошел стол и наклонился ко мне, чтобы лучше рассмотреть рисунок. Когда он снова выпрямился, я заметил, что он гораздо худощавее меня, но на несколько дюймов выше, хотя и мой рост – шесть футов.

– Надеюсь, ты не убитых считаешь? В таких случаях обычно выбирают слезу или несколько точек.

Татуировщик кивком указал на свое рабочее место.

Я рассмеялся:

– Нет, я считаю случаи, когда сам оказался на волосок от смерти.

– А я думал, только у кошек девять жизней. Видно, любишь ты искушать судьбу. Садись и расскажи.

Я плюхнулся в черное кресло, похожее на те, что стоят у зубных врачей, и описал случай с Эйвери. Конечно, я бывал и в более опасных передрягах. На этот раз все, в общем-то, вышли из воды сухими, но я боялся, что будет продолжение. Я содрогнулся при мысли о том, как Эйвери на моих глазах чуть не рассталась с жизнью. Это воспоминание мучило меня – как будто мне мало было картинок того дня, когда погибла моя сестра. Казалось, я с детства притягивал несчастья, и на меня накатывало чувство вины, когда я думал о том, как это эгоистично – всюду ходить за Эйвери. Ведь мое присутствие могло навлечь на нее новую беду.

Свою первую полоску я заработал в семь лет, хотя татуировку сделал в семнадцать. Мое проклятие заявило о себе, отняв у меня одного из самых дорогих мне людей. После этого моя жизнь стала нелепой и бесцельной.

* * *

– Можно, я возьму Кейлу с собой на рыбалку? – спросил я у мамы, когда она месила тесто для праздничного пирога: моей сестричке исполнялось три года, и наши родственники должны были съехаться на ужин со всего округа Либерти.

– Кейла! – крикнула мама и провела по лбу тыльной стороной руки, оставив на нем мучной след.

Сестренка показалась из своей комнаты и, топая, стала спускаться по лестнице. Ее маленькая ручка сжимала лапу желтого плюшевого медведя Оливера.

– Ты дашь мне пирога?

– Попозже, милая. Я позову тебя, когда он будет готов. А пока иди поиграй с братом. Джош, приглядывай за ней как следует.

Кивнув в ответ на мамин строгий взгляд, я взял Кейлу за свободную руку и повел к задней двери. Мне не нужно было напоминать, чтобы я смотрел за сестрой.

Выйдя во двор, мы оба во весь опор побежали к лодочным мосткам

(наш участок в Джорджии выходил на пруд). Кейла остановилась, как только носки ее теннисных туфель коснулись первой доски.

– Давай, ты уже большая девочка и можешь рыбачить. Учить тебя буду я, потому что папа занят.

Я взял две палочки, над которыми трудился целый день. К концу каждой была привязана старая леска и пластиковая наживка. Одну я протянул сестренке, и она улыбнулась от уха до уха.

– Идем, – позвал я и зашагал по мосткам.

За моей спиной раздавались мелкие частые шажки.

Мы сели, свесив ноги над водой. Жарко светило южное солнце. Поймать нам ничего не удалось: я знал, что мама рассердилась бы, если бы я взял для своих удочек отцовские крючки. Но сестренке это не было известно, и она все равно осталась довольна.

– Хочу есть, – сказала Кейла, надув губки.

Теплый ветер растрепал по ее лицу темные кудряшки, доходившие до плеч. Я обернулся: наш дом стоял совсем близко, за деревьями. Малышка могла пару минут посидеть одна, а я бы быстро сбежал в кладовую и обратно.

– Присмотри за моей удочкой, а я принесу нам крекеров.

Кейла кивнула. Передав ей свою палку, я встал и отряхнул штаны.

– Только сиди спокойно. Не танцуй и не прыгай, пока я не вернусь.

Просто держи удочки.

Кивнув еще раз, она подняла на меня большие сияющие глаза. Ее лицо, уже слегка порозовевшее от солнца, казалось очень счастливым.

– Заодно принесу тебе панамку, – добавил я и побежал через двор в кухню, радуясь тому, что скоро приедут гости.

Мама вздернула бровь и, не отрываясь от готовки, предупредила:

– Никакой синтетической гадости!

– Знаю, мама.

Схватив с полки коробку печенья, я открыл холодильник. В этот момент скрипнула передняя дверь: отец пришел с работы.

– Где моя именинница? – громко спросил он.

По голосу было слышно, что папа устал, но он все равно улыбался, чтобы порадовать Кейлу.

– На заднем дворе, играет, – ответила мама.

Наклонившись и поцеловав ее в щеку, отец посмотрел в окно:

– Где? На качелях никого нет.

– Она у пруда, папа. – Поднявшись на носочки, я показал пальцем на деревянные мостки. – Мы рыбачим.

Улыбка медленно сошла с моего лица: я искал взглядом сестру, но на досках валялся только желтый плюшевый мишка.

– Джон... – вопросительно проговорила мама, обращаясь к отцу.

Тревога сделала ее голос каким-то тяжелым.

– Я сказал ей, чтобы сидела спокойно, сказал, что скоро приду... – пробормотал я.

– Господи! – произнесла мама.

Отец уже вышел за дверь.

– Ее там нет! – вскричал он, бросаясь к воде через двор.

Миска выпала из маминых рук, и тесто для пирога забрызгало дверцы шкафчиков. Мама побежала за папой, а я беспомощно стоял и смотрел в окно. Казалось, что с того момента, когда они выскочили из дома, прошла целая жизнь. «Ох и попадет же девчонке за то, что не послушалась меня! – думал я и, чувствуя, как сводит живот от волнения, ждал, когда покажутся перепутанные темные кудряшки сестры. – Надеюсь, папа все-таки разрешит ей есть праздничный пирог. Если не разрешит, скажу, что это я во всем виноват. Не хочу, чтобы сестренка осталась без праздника».

На поверхности пруда показалась голова отца, по воде разошлись темные круги. И тут я увидел Кейлу. Папа держал ее маленькое тельце так, будто она снова стала младенцем. Мама, выбежавшая из дома босиком, едва не скользнула с мостков, беря девочку из рук отца, чтобы он мог подтянуться и влезть на старые доски.

Мою сестру положили на траву, папа стал яростно нажимать ей на грудь. Время от времени мама переставала плакать и наклонялась к лицу Кейлы. У меня по телу пробежал озноб. Я затрясся, поняв, что что-то не так: сестренка не притворяется, родители испуганы. Я никогда раньше не видел отца испуганным – даже тогда, когда два года назад, на Хэллоуин, Рэдли устроили у себя в гараже дом с привидениями.

– Ну давай же, Кейла! – пробормотал я себе под нос и, не в силах больше ждать, неловко дернул ручку задней двери.

Несясь по двору, я чувствовал, что должен что-то сделать, как-то помочь сестре. Но когда я подбежал к пруду, мама уже рыдала, закрыв лицо, а отец, поникший, сидел рядом. Его руки лежали на коленях, с подбородка капала вода.

– Папа, с ней все в порядке?

Он не ответил.

– Что я могу сделать? – спросил я, чувствуя, как меня обступает нечто ужасное. – Папа! Что я могу сделать?

Отец не выдержал, и его плач слился с маминым. Я опустился на

колени и взял холодную ручку сестры:

– Кейла, все будет хорошо.

Мама взвыла. Я молча думал, чем бы помочь малышке, но не знал, чего ей нужно. Все мы, трое, сидели возле Кейлы, совершенно бессильные. Ее милые мокрые кудряшки рассыпались по траве. Я ждал, когда она проснется, и слезы жгли мне глаза, потому что в глубине души я уже понял: она не проснется никогда.

– Кейла? – произнес я в последний раз, отирая лицо рукой.

Я не знал, почему мы не смогли спасти мою сестренку, но пообещал себе, сидя над ее телом, что больше не позволю себе быть беспомощным.

* * *

Я вернулся в свою квартиру с новой татуировкой, залепленной пластырем. Ужасно хотелось несколько часов поспать. Я знал, что Куинн скоро опять позвонит, пытаясь вытащить меня на очередную вечеринку. Честно говоря, я был не прочь ненадолго выпасть из реальности. В последнее время во мне проснулись воспоминания, которые я старался подавлять. Еще раз мысленно пережив смерть Кейлы, я меньше всего хотел, чтобы в памяти воскресло все остальное.

Повалившись на свою двуспальную кровать и закрыв глаза, я застонал: Декс запрыгнул на меня, потоптался по животу и уткнулся мне в бок. Я проспал полных четыре часа и проснулся, вспотевший от жара щенячьего брюшка. Удивительно, что такое мелкое существо грело, как электрическое одеяло. Я стянул одежду и вяло поплелся в ванную, чтобы принять теплый душ.

Пока я наносил мазь на новую тигриную полоску, от Куинна пришло сообщение. Он прислал мне фото с вывеской бара «Дыра на углу» и еще одно изображение. Я несколько секунд изучал его, прежде чем понял, что это затылок Эйвери, и, усмехнувшись, отписал: «Сейчас буду. Только переоденусь».

Выйдя на темную улицу, я зашагал так быстро, что даже сам застыдился. Здесь, на севере, мне нравилось одно: бары работали по воскресеньям. А вообще-то, Пенсильвания – странный штат, где спиртное продают только в кабаках да в государственных магазинах. Не купишь упаковку пива на заправке, как у меня дома, в Джорджии.

В «Дыре на углу» собралась обычная публика: отдежутившие врачи и медсестры, еще какие-то полуночники и просто местная пьянь. Я кивнул

Куинну. Он приветственно поднял свою бутылку и взглядом указал влево. Повернув голову, я увидел Эйвери: она рассмеялась над словами Деб и, заправив волосы за ухо, прикусила губу, чтобы сдержать широкую улыбку. Я смотрел на нее и не мог оторваться. Наконец Куинн шагнул в поле моего зрения:

– Не хочу показаться говнюком, но брюнетка моя.

Я посмотрел на Деб из-за его плеча. Она продолжала самозабвенно болтать с Эйвери, а та была как будто не слишком увлечена разговором и украдкой поглядывала на меня.

– Вперед, дружище!

Я похлопал Куинна по спине и направился к барной стойке, сдерживая смех: Деб была не девушка, а шаровая молния наподобие миссис Чиприани, но, возможно, только женщины этого типа и могли держать моего приятеля в узде.

Облокотившись на стойку, я показал официантке по имени Джинджер два пальца. Она кивнула, достала из холодильника два «Будвайзера» и сковырнула крышечки.

– Присмотришь сегодня за этим засранцем? – Она кивнула в сторону Куинна.

Он буркнул что-то неподобающее и взял пиво. Джинджер развернулась, взмахнув у него перед носом крашеными каштановыми волосами, и его ухмылка расползлась еще шире.

– Постараюсь. – Я вытащил из заднего кармана кошелек и выложил на стойку две двадцатидолларовые бумажки. – Еще я хотел бы угостить тех двух леди. Как обычно.

Джинджер посмотрела на меня, выгнув бровь, и подготовила две порции коктейля из виски со сливочным ликером. Я поднял свою бутылку пива, глядя на Эйвери. Она одобрительно улыбнулась. Деб взяла свой стакан, провела кончиком языка по губам и, подмигнув моему напарнику, одним махом проглотила напиток.

– Кажется, я ее сегодня бацну, – пробормотал Куинн. – А как насчет подружки и тебя?

Язык у него уже начинал заплетаться.

– А мы с ней уже бацнулись, не помнишь? – рассмеялся я.

Я почувствовал, как свежая татуированная полоска трется о ткань рубашки, и вспомнил момент, когда мне, вообще-то, было не до смеха.

Тяжелое чувство никуда не делось: продолжая общаться с Эйвери, я подвергал опасности нас обоих. Она могла получить новую травму, причем более серьезную, и это бы меня сокрушило.

Глава 5

Эйвери

Деб не переставая трещала о том, как Куинн пялится на нее через барную стойку. Но я половину пропускала мимо ушей: играла живая музыка, перед глазами маячил Джош Эйвери в облегающей футболке и с предутренней щетиной на щеках. Этот парень угостил меня коктейлем и теперь мог в любую минуту подойти – с улыбкой *трахни меня*, которую я много раз видела на его лице, когда он заигрывал с другими.

Было стыдно, что я позволяю играть с собой в эту игру, хотя наперед знаю каждый ход донжуана. Как многие девчонки до меня, я готова была поверить, будто теперь он изменится: прекратит бегать за женщинами, полюбит меня всем сердцем и будет хранить верность, пока смерть не похитит кого-либо из нас, а может, даже после. Надоело быть одной и мучиться в ожидании нового романа, хотя бы короткого.

Я взглянула на Деб. Сколько себя помню, я предпочитала большим компаниям тесный кружок близких друзей, но время шло, и кружок этот менялся, становясь все меньше. Не знаю, было ли со мной что-то не так, или я просто становилась мудрее.

– Деб, я рада, что ты здесь.

Она фыркнула:

– Вообще-то, это я тебя сюда привела, забыла?

– Ты знаешь, о чем я.

После смерти родителей я очень отдалилась от школьных друзей. Мне стало невыносимо слушать, как Шари жалуется на мать, которая не хочет покупать ей платье для предстоящей тусовки, а Эмма – на деспотические замашки отца. У меня теперь были другие заботы: оплатить похоронные счета, вступить в наследство, снять себе квартиру, попасть в медицинское училище.

С Деб мы подружились во время учебы и стали еще ближе, когда нас обеих приняли на работу в отделение экстренной помощи. С другими сокурсницами мы постепенно перестали поддерживать отношения по той или иной причине: Хетер обманула мужа, попалась и свалила вину на незамужних подружек, в результате чего ей пришлось проводить все свободное время в обществе семейных пар. Элизабет, будучи простой студенткой, любила дизайнерскую одежду и дорогие машины. Когда она

начала просить денег, чтобы заплатить долги, мы с Деб решили, что дружба с ней нам не по карману. Шэй умела нас рассмешить, любила повеселиться, но каждую неделю с ней приключалась какая-нибудь драма: ей казалось, что она беременна, ее преследовали бывшие бойфренды, кто-нибудь обижал. В нашей жизни было слишком много сложностей, чтобы еще и общаться со столь сложными людьми. Поэтому Деб и я оборвали связь с ними. Но друг за друга мы держались крепко.

Расставание со старыми друзьями далось мне легко: потеряв родителей, я едва замечала менее тяжелые потери. Я даже стала беспокоиться из-за того, что слишком легко отпускаю людей от себя.

– Очнись, а то я тебе глаз на жопу натяну!

Я сморщилась от отвращения:

– Как грубо!

– Вернись в реальность.

– То есть?

– Я не позволю тебе мучить себя из-за всякого безобразия в прошлом, которое от тебя не зависело.

Я улыбнулась: Деб поняла, что я плутаю в грустных воспоминаниях, – и прибегла к своему любимому методу. Он всегда срабатывал. Деб знала меня, а я знала ее.

Как и следовало ожидать, Джош оставил Куинна возле барной стойки и, пройдя мимо высоких столиков, начал пробираться сквозь толпу к темно-серому бархатному диванчику, на котором сидели мы. Поднеся свою бутылку к моей, он обворожительно улыбнулся и сделал глоток.

Я была не такой, как все. Просто Джош пока этого не знал.

В тот день, когда я очнулась в больнице, все изменилось. Прежняя Эйвери и близко не подпустила бы к себе такого парня, но теперь собственное это представления о приличиях значили для меня меньше.

Джош сел передо мной и указал горлышком бутылки на пирамидку опустошенных стаканов на нашем столе:

– Как вам коктейль?

– Бывает и лучше, – ответила я.

Джош скрочил физиономию:

– Ну почему ты всегда такая вредная? Я еще ни для одной девушки так не старался. Ты ранишь мое и без того хрупкое это, – пошутил он, прижав руку к сердцу, как будто его пронзила стрела.

Я усмехнулась:

– Вот и прекрасно.

Джош заслужил свое прозвище. Мак-Бабник просто переспал бы со

мной, но с Джошем Эйвери мы неспроста пережили ту аварию. Я не знала, ради чего мы уцелели в столкновении с грузовиком, но точно не ради одной ночи. Что бы это ни было: судьба, божественное пророчество или просто везение, – я хотела знать, почему именно мы оказались на том месте в то время.

Джош подсел ко мне поближе, явно заинтригованный:

– Так ты говоришь, нам стоит попробовать?

– Я говорю, что попробовала твой коктейль. – Я приподняла стакан. –

Он был так себе. Повышай ставку.

Его серые глаза сверкнули.

– Вызов принят.

Усмехнувшись, я потянула бутылку ко рту, но вдруг застыла: возле бара стоял доктор Розенберг и рядом с ним Майклз. Она все еще была в медицинской форме; волосы, собранные в дикий огненно-рыжий хвост, колыхались над головой, когда она говорила. Доктор почти на нее не смотрел и, судя по всему, чувствовал себя неловко. *Хорошо*. Она уговорила его выпить после работы! Майклз славилась приставучестью, а Розенбергу, наверное, надоели упреки в высокомерии. Я вздохнула, ненавидя себя за желание оправдать его. Осторожнее, с пьедестала, на который возводились мною мужчины, подобные Розенбергу, можно и упасть!

Джош тоже замолчал и обернулся посмотреть, что приковало мое внимание. Потом снова поглядел на меня, и мои щеки вспыхнули.

– У тебя с ним интрижка? – Джош с очевидным раздражением махнул рукой в сторону Розенберга.

Я не ожидала прямого вопроса и ответила, запнувшись:

– Господи, нет, конечно! Он ведь женат!

Видимо, Джош был из тех, кто никогда не подслащивает даже самых горьких пилюль.

– Тогда что?

Я нахмурилась. Он поднял руки и пожал плечами:

– Не то чтобы я это одобряю, но врачи иногда заводят шашни с медсестрами. Ничего сенсационного в этом нет.

– Доктор Розенберг – порядочный человек. Он не станет обманывать жену.

– Тогда все ясно.

Складка у Джоша на переносице разгладилась, он облегченно вздохнул.

– Что ясно?

– Ясно, почему этот врач так тебе нравится. Он безопасен. Думаешь,

будто он не может ответить на твои чувства, а значит, бояться нечего.

Я посмотрела на Джоша, прищурившись и облокотившись на диванную подушку:

– Любопытно, доктор Эйвери. Продолжайте разбор.

– Очевидно, у тебя какие-то проблемы, связанные с отцом.

– А у кого их нет?

Это было прямое попадание. Я постаралась припомнить, сколько лет прошло с того дня, когда я в последний раз хотя бы словом перемолвилась со своей теткой. Следующий выстрел последовал незамедлительно:

– Тебе нравлюсь я.

– Промазал.

– Ничего подобного! – отрезал Джош, приподняв брови, и отхлебнул из бутылки.

– И это предположение, конечно же, вписывается в концепцию о моей склонности к безответной любви.

– Так ты в Розенберга влюбилась? – Он даже не попытался скрыть отвращение.

– Нет, я этого не говорила.

– Тогда перестань на него пялиться.

Я заморгала, поймав себя на том, что и правда опять смотрю на доктора.

– Я не на него, а на Майклз…

– Потому что она с ним, и ты ревнуешь.

– Я не ревную, а… возмущена. Может, он и нравится мне самую малость, – когда я это сказала, Джош дернулся, – но я никогда бы не позволила, чтобы мое увлечение во что-то переросло, а Майклз только этого и хочет.

Джош понаблюдал за ней с минуту, а потом вынес вердикт:

– Да, она ни перед чем не остановится. Но Рози – большой мальчик, и не тебе за него решать.

– Он любит свою жену.

– Тогда почему он сейчас не с ней? Даже любящие мужья иногда изменяют женам. Мужчины – животные, Эйвери. Тот, кто семь лет трахает одну и ту же женщину, всегда готов уделить немножко внимания какой-нибудь симпатичной телочке, которая едва успела отпраздновать совершеннолетие.

– Не суди обо всех по себе, – фыркнула я. Доктор Розенберг снова возвысился в моих глазах. – Он не такой.

– Влей в него пару стаканов, и убедишься, что именно такой. Все мы

живые люди.

Вспышка разноцветных огней осветила бар, и я увидела, как Деб, хихикая, обнимает Куинна. Я даже не заметила, когда она встала с нашего диванчика. В «Дыру на углу» набилось полным-полно народа. На деревянном танцполе размером десять на десять футов вплотную друг к другу топтались смеющиеся и целующиеся парочки. Молодые женщины и мужчины знакомились, влюблялись... А мой рыцарь в сверкающих доспехах сидел передо мной и толкал речь в защиту супружеских измен. «Может, он просто циник? Из тех, кто носит шапочку из фольги, чтобы защитить мозг от вредных воздействий?» – подумала я, заглянув в длинное горлышко бутылки, и нахмурилась:

– Не все мужчины так безнравственны, как ты.

– Я никогда никого не обманывал, – обиженно ответил Джош.

Я посмотрела на него с сомнением:

– Потому что у тебя никогда ни с кем не было ничего серьезного.

– Да. Я не завязываю отношений, если не готов к ним. Или лучше связаться с кем-то, да еще и блудить?

Я сделала глоток и сказала:

– Ты мне... нравился. Секунды две. Пока не раскрыл рот.

Джош засмеялся и тоже отхлебнул из бутылки:

– Это потому, что ты меня не слушала. Ты из тех тело... – Я вытаращила глаза, и он поправился: – Из тех *девушек*, которые слушают, чтобы ответить, а не чтобы понять. Но я на тебя не в обиде. Для тебя это естественно, раз ты носишь юбку.

– Я не ношу юбку.

– Не важно. Дело в том, что под ней. – Джош подался вперед и понизил голос: – Если б ты меня туда пустила, может, я узнал бы тебя получше.

Я расхохоталась:

– Обычно такие шуточки прокатывают?

Высокомерная ухмылка сползла с его лица. Я отыскала взглядом Деб, но она даже не смотрела в мою сторону. Толку от нее как от подруги сегодня было мало.

– Давай потанцуем, – предложил Джош.

Я посмотрела на него, ожидая, что сейчас он скажет: «Шучу», но он не шутил. А я на этот раз не сообразила, как его остроумно отбить. Он встал и подал мне руку.

– Ну не под это же, – кивнула я в сторону музыкантов, которые играли что-то из альбома Элли Голдинг.

Посмотрев на солистку, Джош поднес два пальца к губам, набрал в легкие воздуха и свистнул так, что заглушил и музыку, и шум толпы. Потом указал на меня, певица кивнула своим ребятам, и мелодия плавно перетекла в более медленную.

– Ты ее знаешь? – спросила я.

Он пожал плечами:

– Я всех знаю.

Я встала и пошла за ним на танцпол. Он скользнул ладонью по моей спине и прижал меня к себе. Сквозь тонкую ткань кофточки я ощутила его тепло. Второй рукой он нежно обхватил мою и, медленно покачиваясь в такт музыке, стал напевать «*At Last*» Этты Джеймс. Мое напряжение растаяло.

– Мне нравится эта песня, – сказала я, когда Джош дотронулся щекой до моего виска.

– Хорошо, потому что теперь это *наша* песня.

– Наша? – Я улыбнулась.

– С этого момента – да.

Я подняла глаза: такого Джоша Эйвери не хотелось отпускать. Он смотрел на меня, будто желал получить прощение, которое могла дать ему только я, единственная из всех женщин.

– Ты бы мне нравился, если бы всегда был таким.

– И ты бы мне нравилась, если бы всегда была такой.

Я сжала губы, сдерживая улыбку. Джош хотел что-то сказать, но как будто передумал.

– Ты чего? – спросила я. Он покачал головой. – Да ладно, давай смелей.

Когда он, вздохнув, совсем чуть-чуть повернул голову, его губы коснулись моей щеки, и от этого легкого прикосновения я закрыла глаза.

– Я тут подумал... Может, мы на все наплюем, расслабимся и поиграем в свое удовольствие?

Я отклонилась, изучая лицо Джоша, и заметила в его глазах легкое напряжение.

– Первый ход за тобой, – сказала я неуверенно.

Он перестал танцевать, посмотрел на меня и, подумав, спросил:

– Поужинаем завтра?

– Жареные крыльшки с перцем чили, стриптиз и все такое?

Джош поглядел в потолок и громко вздохнул:

– Вообще-то, я предпочитаю без перца, но для тебя готов сделать исключение.

Уголок его рта пополз вверх. Я тоже невольно улыбнулась, хотя попыталась выглядеть строго.

– Хорошо.

– Серьезно?

Очевидно, он ожидал другого ответа, но я не была дурой. Была только упрямой. Радовало, что мне удалось удивить такого записного ловеласа. К тому же сейчас он казался иным, не тем, за кого я раньше его принимала.

– Завтра мне в восемь вставать, – улыбнулась я и, оставив Джоша на танцполе одного, жестом показала Деб, что ухожу.

– Эйвери, – приветливо сказал доктор Розенберг, подойдя ко мне.

Увидев меня, он словно почувствовал облегчение.

– Здравствуйте, доктор.

– Здесь я просто Рид. – Он огляделся по сторонам, а когда опять посмотрел на меня, я заметила в его глазах что-то особенное, но после танца с Джошем внимание Розенберга уже не было мне так приятно, как раньше. – Я надеялся вас здесь отыскать.

Я бросила быстрый взгляд на Джоша, который, скав губы в прямую твердую линию, внимательно наблюдал за нами. Потом я кивнула и вежливо улыбнулась:

– Рада была вас встретить.

С этими словами я пошла к выходу, все еще чувствуя телом прикосновение Джоша. Подруга взяла меня под руку:

– Джош лыбится. *Во весь рот.* Как восьмилетний ребенок рождественским утром.

Я тоже не сдержала улыбку.

– А Куинн смотрит мне вслед? – спросила Деб.

Я обернулась: он стоял у барной стойки и на его физиономии читалось разочарование.

– Ага. Раздавлен. Жаль, ты не бросила где-нибудь здесь свой обделанный кед, как сбрендившая Золушка.

– Куинн дал мне свой номер. Пни меня, если я спьяну решу отправить ему эсэмэску. Куда мы теперь?

– По домам. Завтра у меня десятичасовая смена, а потом свидание. Мне нужно восемь полных часов сна.

Деб отключила сигнализацию и отперла дверцы машины.

– Сколько ты выпила? – спросила я, прежде чем взяться за ручку.

Деб пожала плечами:

– Только тот коктейль, которым нас угостил Джош. Так свидание с ним или это доктор закидывает к тебе удочку?

Я поежилась:

– Я согласилась встретиться с Джошем, просто... Ну, не знаю... Чтобы он от меня отстал.

Обрисовав наш план в несколько искаженном виде, я постаралась сдержать глупую улыбку.

– Чтобы он от тебя отстал? Да я бы на твоем месте не возражала, если бы он схватил меня, как горилла – Эмпайр-стейт-билдинг. – Деб подвигала бедрами, и я смущенно отвернулась. – Он тебе действительно нравится, – сказала она, дразня меня и в то же время удивляясь. – Вообще-то, это классно, только мне казалось, ты его не переносишь...

Я села в салон и, подождав, когда Деб тоже сядет, ответила:

– Сама не знаю, в чем дело. Видимо, то, что он вытащил меня из расплощенной машины и держал на руках, пока не приехала «скорая», изменило мое отношение к нему.

– То есть, – скептически произнесла Деб, – его упругая задница тут совершенно ни при чем?

– А почему мы все еще здесь? Мне нужно скорее добраться до дома и решить, что я, черт возьми, завтра надену.

– Зачем? Ты ведь его продинамишь? – сказала Деб, заводя машину и включая плейер. – Ты всегда динамишь парней.

– Не в этот раз.

Но мои слова ее не убедили.

– Спорим на двадцать баксов: в половине восьмого ты ему позвонишь и скажешь, что приболела. Ты же *ненавидишь* свидания. Сейчас ты под впечатлением от Мак-Бабника, но завтра в последний момент опомнишься, и у тебя приключится понос.

Я вздернула подбородок:

– Ладно. Двадцать баксов так двадцать баксов. Я пойду на это свидание, как бы ни трусила.

Выезжая с парковки, Деб прищелкнула языком:

– Можешь отдать мне деньги прямо сейчас.

Глава 6

Джош

Договорившись с Эйвери о встрече, я был слишком взвинчен, чтобы заснуть, и потому сразу стал готовиться к свиданию.

За домом, в кирпичном гараже, слегка накренившемся влево, стояла Мейбелин – моя машина. Побитая и исцарапанная, все-таки она уцелела, в отличие от спичечного коробка Эйвери. Старые мощные автомобили гораздо прочнее современных, которые мнутся легче бумаги. Я каждый день видел подобные аварии, и далеко не всем везло так, как Эйвери. Эта девушка родилась в рубашке или... Я нащупал под футболкой пенсовую монетку, которую подобрал на полу в машине прямо перед столкновением.

Присев на карточки, я провел рукой по зеленоватой полоске, оставшейся на переднем левом крыле от соприкосновения с «тойотой приус». «Что она с тобой сделала?» – пробормотал я, старательно счищая частички краски, и, тяжело вздохнув, встал. Наши с Эйвери машины как будто породнились. Они были очень друг на друга не похожи, но авария их объединила. Я мог взять и перекрасить свою, но мне вроде бы даже нравилась отметина, напоминающая об Эйвери. Во мне самом эта девушка тоже оставила след.

«Похоже, надо прогуляться на свалку и подыскать для тебя новую фару, чтобы не стыдно было идти на свидание», – сказал я своей Мейбелин и, достав из кармана телефон, провел пальцем по экрану, чтобы проверить время. До открытия свалки оставалось еще несколько часов, к тому же я знал, что Бад не начнет разбирать машины, пока не выпьет кофейку со своей подружкой Дасти в магазине Эмерсона. Выехав пораньше, я мог по дороге взять кофе и заодно прихватить сэндвич, чтобы с его помощью заставить Бада шевелиться. На все про все у меня был только один день.

Но я не беспокоился. За прошедшие шесть лет я, можно сказать, собрал свою Мейбелин собственными руками. Я мечтал о ней с детства, и каждый дюйм ее корпуса был мне знаком. Я запросто мог сделать так, чтобы она выглядела как новенькая. Мне всегда нравилось работать руками: чинить вещи и помогать людям. К тому же возня в гараже была для меня дешевой психотерапией: машинное масло и тяжелый труд излечивали почти все.

Покрутив головой, я с наслаждением почувствовал, как разминаются

напряженные мышцы шеи. Мое тело все еще ощущало последствия аварии, и я удивлялся: Эйвери ведет себя так, будто у нее совершенно ничего не болит. Эту загадку я надеялся вскоре разгадать.

Самое сложное было распланировать нашу встречу. Вряд ли она ждала от меня многоного. Как любой уверенной в себе и рассудительной женщине, ей хватило одного взгляда на мои перепачканные руки и лицо, чтобы сделать неблагоприятный вывод. Но вывод этот был ошибочным.

Я открыл дверцу, сел и повернул ключ. Когда я нажал на педаль газа, двигатель зарычал: значит, машина, слава богу, получила только косметические повреждения.

До места я доехал совершенно спокойно. Бад владел большим участком сразу за чертой города. Филадельфия была близко, но казалась другим миром. Амиши^[5] на своих телегах тащились на овощные рынки, не обращая никакого внимания на палящее солнце. Проезжая мимо одной из повозок, я махнул рукой человеку с вожжами. Он кивнул, и его борода коснулась простой рубахи, шитой вручную. На лошади были шоры, позволявшие ей смотреть только прямо перед собой. Поэтому она не испугалась моей машины.

Я сбавил скорость и, проехав три невысоких холма, свернул на узкую грунтовую дорогу, что вела к свалке Бада. Я жил в Пенсильвании недавно, и этот парень оказался из числа первых моих здешних знакомых: в машине у меня текло масло, ночевать было негде. Он разрешил мне спать у него на диване, пока не найду квартиру и работу, чтобы начать все сначала.

– Я думал, ты еще дрыхнешь, – сказал я и, закрыв дверцу машины, направился через пыльный двор к ветхому сараю.

– Сбилась установка фаз распределения. – Бад вытер руки о мятую тряпку и показал на старый «шевроле». – Иди помоги.

Я сел в машину, завел ее и стал ждать сигнала. Бад, выругавшись, захлопнул капот. Я покачал головой и вылез.

– Чего приперся в нашу глушь в такую рань? – спросил мой приятель, даже не глядя на меня.

– Мейбеллин не в форме.

Когда мы подошли к моей машине, я наклонился и достал через окно два кофе и завтрак из фастфуда.

– Ни черта себе! Что ты с ней сделал?

Он выхватил у меня стакан и принялся пить, не потрудившись сказать «спасибо». Я подавил смешок, глядя, как кофе течет по его трехдневной щетине на старую серую футболку, на которой и так было предостаточно пятен.

– Она подралась с «приусом».

Бад вытаращил глаза и покачал головой:

– Не хотел бы я видеть, что стало с этим «приусом» после встречи с твоей зверюгой.

– Как думаешь, найдется для меня фара?

– Я скажу Расселу, чтобы подыскал, а ты в следующий раз заберешь.

– Вообще-то, мне нужно сегодня. Вечером у меня... планы.

– Видать, по уши втрескался, раз перед свиданием наводишь марафет на свою Мейбелин.

Промолчав, я глотнул кофе, чтобы замаскировать усмешку, и обжег губу.

– Ты сам знаешь, где что, – буркнул Бад и, взяв у меня из рук пакет с едой, удалился в полуразвалившийся вагончик на краю участка.

* * *

Я весь вспотел и перепачкался в машинном масле, но через пару часов Мейбелин снова стояла возле моего дома, похожая на себя. Я влез под душ и застонал, когда на усталое тело полилась холодная вода. Смывая с себя следы тяжелого трудового дня, я думал об Эйвери и предстоящем свидании. Возможно, она будет ко всему придиরаться, поэтому каждая мелочь должна быть в полном порядке.

Я уже подготовил ярко-голубую рубашку и темно-синие джинсы. Итальянских туфель, как у Розенберга, у меня не было, но и мои выглядели неплохо, если их как следует начистить. Побравшись, я стал почти таким, что в самый раз знакомиться с мамой невесты. *Почти.*

Я быстро собрался и, поставив на пол еду для щенка, вышел. После смены Эйвери будет уставшая, поэтому о танцах не могло быть и речи. А мне ужасно хотелось еще раз почувствовать, как ее тело прижимается к моему.

Черт! Я подъехал к больнице на двадцать минут раньше. Солнце уже исчезло за высокими домами. Приглушенное завывание сирены «скорой помощи» заглушало стук моего сердца. Я что – нервничаю? Раньше я никогда особо не беспокоился о впечатлении, которое произведу на девушки, и нынешнее волнение было мне внове. Я даже подумал, не бросить ли это дело. Но тут на крыльце появилась Эйвери в белом топе на бретельках и в джинсах, подчеркивающих плавные изгибы ее фигуры. Поняв, что отступать поздно, я прислонился к дверце машины, сунул руки

в карманы и стал ждать, когда Эйвери встретится со мной взглядом.

Заметив меня, она широко улыбнулась. На щеках появились ямочки. Ребята из «скорой» рассказывали мне, что человек чувствует, если в него попадает молния. Тогда я смеялся, но сейчас мои ощущения были именно такими. Прежде чем подойти ко мне, Эйвери замешкалась, будто тоже думала слинять. Поправив ремешок сумочки, она несколько секунд смотрела на меня, потом заморгала и опустила глаза. Сзади, в двух шагах, я увидел ее подружку. Она заметила, что я уже подъехал, и тронула Эйвери за плечо. Эйвери усмехнулась, Деб что-то прошептала и громко расхохоталась, попутно вручив ей какие-то деньги. Эйвери, цокая каблучками на длинных ногах, уверенно зашагала ко мне, но эта уверенность не гармонировала с выражением ее лица. Деб направилась к своей машине. Эйвери в последний раз бросила взгляд на подругу и остановилась в паре шагов от меня.

– Я не была уверена, что ты придешь.

Она посмотрела мне в лицо и наморщила нос, пожалев о собственных словах.

– Деб ставила против меня? – спросил я, глядя на бумажку, скомканную в руке Эйвери.

– Нет, против меня. Она думала, я пойду на попятный.

Кивнув, я прикинул, о чем это может свидетельствовать.

– Тогда давай поехали, пока ты не дала деру.

Я взял ее за талию, подвел к машине с другой стороны и открыл дверцу переднего пассажирского сиденья.

– Кто бы мог подумать, что ты такой джентльмен! – сказала Эйвери, проскользнув в салон.

Я закрыл дверь и заспешил на свое место, с трудом сдерживая себя, чтобы не побежать трусцой – так мне не терпелось начать наш вечер. Заведя машину, я поежился: из колонок грязнула «Эй-си-ди-си».

– Переключи, если хочешь, – пробормотал я, протягивая руку к плееру и уменьшая звук.

– Нет, мне нравится эта группа.

Выруливая со стоянки, я чувствовал на себе взгляд Эйвери. Когда мы проезжали мимо Деб, она провела пальцем по горлу, показывая, что меня ожидает, если я обижу ее подругу.

– Так... куда мы едем?

Я прокашлялся и, глядя перед собой, влился в поток машин.

– Ты проголодалась?

Эйвери кивнула.

Я понятия не имел, что ей нравится, но наше свидание могло оказаться первым и последним, поэтому мне хотелось включить в программу все. Эйвери взглянула на заднее сиденье и заулыбалась еще шире:

– Надеюсь, ты не сам готовил?

– Разве ты не видишь, что брови до сих пор при мне?

Когда Эйвери удивленно на меня посмотрела, я опять прокашлялся, внезапно занервничав. Я ехал на свидание с девушкой, которой нравились мужчины вроде Розенберга. Правильно: я должен был удвоить усилия.

– Нет, мэм. Сам я не готовил. Не сегодня.

Мы выехали из города и покатили по деревенским дорогам среди невысоких холмов. Когда я остановился у задних ворот автосвалки Бада, Эйвери напряглась и вытянула шею, оглядывая бесконечные ряды искалеченных машин:

– Я так и знала. Ты привез меня сюда, чтобы убить.

Рассмеявшись, я припарковался и выключил двигатель. Как только мои фары погасли, луч яркого света упал на белую простыню, абы как наброшенную на груду искореженного металла.

– Идем. – Открыв свою дверь, я взял с заднего сиденья таинственную коробку и другую простыню, похожую на ту, что висела перед нами.

Эйвери, поколебавшись, тоже вышла из машины. Я расстелил ткань на клочке травы перед машиной и сел.

– Я подумал, что, раз мы оба не любим, когда чья-то болтовня мешает нам смотреть кино, это для нас почти идеальный вариант. На целых тридцать акров вокруг ни души.

– Сказал серийный маньяк, – отрезала Эйвери.

Я поджал губы, но обижаться на нее, когда она так на меня смотрела, было трудно.

– Здесь никто не будет разговаривать.

Эйвери моргнула и, кивнув, огляделась по сторонам.

– Ты, Джош, и правда очень предусмотрительный.

Мы помолчали, слушая, как где-то вдалеке трещат сверчки.

– Погоди, – усмехнулся я. – Еще не все готово. – Когда я вытащил из коробки завернутую в полиэтилен тарелку с пирогом миссис Чиприани, у меня заурчало в животе. – После фильма выберешь себе машину.

– Что? – Эйвери сморщилась, окинув взглядом горы ржавого хлама.

– Не обращай внимания на вид. Я могу починить любую так, что будет как новая. Они, наверное, не раз переходили из рук в руки, но если отнестись к ним с любовью, они ответят тем же. Тебе нужно что-то, что тебя защитит. А не какая-нибудь дорогая, но ненадежная ерунда.

Эйвери приподняла брови:

– Мы по-прежнему говорим об этих машинах?

Меньше всего мне хотелось напоминать ей о Розенберге. Я представлял себе, как выгляжу в сравнении с ним и ему подобными – зрелыми состоявшимися людьми. Сам я не дозрел пока даже до того, чтобы связать себя кредитом на новую машину. Не говоря уж об отношениях с девушкой.

– Ну да. А еще мы собирались составить список вещей, которые ненавидим. Помнишь?

– Тут все просто, – рассмеялась Эйвери. – У меня следующий пункт – Рождество.

– Не любишь праздновать день рождения малыша Иисуса?

Она фыркнула:

– Нет, мне просто не нравятся приготовления к нему. Потом все равно что-нибудь обязательно идет не по плану.

– Жизнь – вообще малопредсказуемая штука, – согласился я. – Но объясни поподробнее: нетрудно догадаться, что за этим твоим заявлением стоит какая-то детская травма.

– После… – Улыбка исчезла с ее лица, и она мысленно унеслась куда-то очень далеко. – В последнее время я встречаю Рождество в одиночестве. Думаю, не стоит говорить об этом на первом свидании.

– А как было раньше?

– Моя мама была еврейкой. Другие дети в школе не переставая болтали о елках, и я им, наверное, немножко завидовала, – призналась Эйвери.

Ее губы сжались, но через секунду она расхохоталась, и смех эхом разнесся по свалке автомобильного хлама. Это оказалось заразным: скоро у меня самого заболели щеки от улыбок.

Я раскрыл рот, чтобы спросить еще что-нибудь, но фильм начался, и мы оба повернулись к импровизированному экрану. Я откинулся назад, опервшись на локти, а Эйвери прилегла на бок. Заглянув под целлофан, она увидела на тарелке домашний яблочный пирог и расплылась в широкой улыбке. Как и у меня, у нее не было постоянного распорядка дня. И она тоже жила одна. Значит, ей часто приходилось, сидя перед телевизором, поедать ужин, принесенный из ресторана.

– Вот за это спасибо.

Она попробовала пирог и блаженно замычала.

Еще ни одна женщина не казалась мне такой прекрасной, как Эйвери, сидящая на старом покрывале посреди свалки, причем с радостной

улыбкой на лице.

– Куинн, когда приставал к тебе, обещал кусок маминого пирога. Будет справедливо, если ты его получишь. Только верни тарелку, а то миссис Чиприани меня убьет.

Эйвери хихикнула, прикрыв рукой набитый рот, и нотки ее смеха украсили песню сверчков.

Глава 7

Эйвери

— Прекрати, — потребовала Деб.

— Не могу.

— Прекрати, а то я сбрею все волосы со своего тела и пришлю их тебе.

Я развернулась в кресле. Стоя возле микроволновки, моя подруга с раздражением смотрела на меня. В комнате отдыха персонала смешивались всевозможные сильные запахи, причем ни один из них не казался аппетитным. Я хрустела бутербродом с арахисовым маслом, джемом и яблочными дольками. Это было единственное, что доживало в моем шкафчике до обеденного перерыва. Деб разогревала нечто похожее на пластиковый муляж курицы с брокколи, картофельным пюре и подливой, а Майклз сидела в углу, потягивая диетическую колу.

Я уже больше часа не выглядывала на улицу, но, когда я смотрела в окно в последний раз, сгущались тучи, лил дождь, сильнейший ветер трепал навес над въездом для машин «скорой помощи». Я подумала, не работает ли сейчас Джош где-нибудь под открытым небом и захочет ли он со мной встретиться, проторчав целый день под таким водопадом.

— Я вижу: ты мечтаешь о нем, — тоном обвинителя сказала Деб.

— Он выручает меня с машиной. — Моя хмурая гримаса сменилась широкой улыбкой. — Ведь свою я получу только через месяц, если не через два, а пока...

— Ты грязная маленькая потаскушка, — заявила Деб, сядясь напротив меня за круглый столик.

Таких столиков здесь стояло пять. Обои, которыми была оклеена западная комната отдыха, напомнили мне утро пробуждения после аварии, и мысли снова переключились на Джоша. Я начинала раздражать себя. Деб подалась ко мне, будто ждала, что я открою ей пикантный секрет, и прошептала:

— Так вот почему ты не попросила тебя подвезти! Сегодня ты приехала с ним, да?

— Я... Это не твоего ума дело.

— Занимались оральным сексом в машине?

Скривившись от омерзения, я украдкой взглянула на Майклз. Она делала вид, что не слушает, но все знали: она была в числе первых

медсестер, оказавших Джошу теплый прием, когда он только приехал в Филадельфию.

– Боже мой, какая гадость!

Деб закатила глаза:

– И угораздило же меня подружиться с такой правильной фифой! Вы хоть поцеловались как следует?

– Нет.

– *Hem?!* – Ее голос взмыл на целую октаву вверх. – Помогите! Я умираю от скуки. Своей сексуальной жизни нет, и послушать даже не о чем!

– А как у тебя с Куинном? – спросила я, надеясь сменить тему. – Он звонил?

Последовал нудный пересказ их телефонного разговора со всеми нелепыми шутками и неприличными намеками. Чем дольше Деб тараторила, тем яснее я понимала: они с этим парнем созданы друг для друга.

Честно говоря, я была рада, что мне не пришлось рассказывать, как закончилось мое свидание с Джошем. Вечер был чудесным, тихим и волнующим начиная с того момента, когда мы отъехали от парковки, и кончая минутой, когда он подвел меня к моему дому. Тысячи бабочек словно вырвались из коконов и запорхали внутри меня, заполнив мое тело от макушки до кончиков пальцев на ногах. За несколько часов Джош Эйвери превратился из больничного донжуана в того самого мужчину, которого я всегда ждала. Мы не поцеловались, но обнялись, и его щека коснулась моей.

Тогда у него вырвались те слова, как будто он уже просто не мог держать их в себе. Шесть слов, которые все изменили: «*Мне нужно опять тебя увидеть. Завтра*». Я ответила: «Хорошо», он повернулся, сел в машину и уехал. Казалось, предложив встретиться на следующий же день, он удивился не меньше моего. Я переваривала произошедшее, пока его машина с зажженными фарами не скрылась за поворотом.

Джош не сказал: «Я хотел бы тебя увидеть», как сказал бы любой, и это было бы вежливо и приятно. Нет, у него вырвалось: «*Мне нужно тебя увидеть*». Он чувствовал потребность со мной встретиться, ему нужно было об этом сказать. Слова хлынули из него, как вода через разрушенную плотину.

– Так вот, – продолжала Деб. – Я говорю ему: «Ты нарцисс». Потому что, если я соберу в театре «Мерриам» все больничное руководство, а сама выйду на сцену и пукну, это будет в его стиле. Но я не знаю... Мне он такой

даже нравится, – заключила моя подруга, опустив подбородок на руку.

– Романтично, – сказала я.

– Кстати, о романтике. Вы трахались?

– Деб!

– Выкладывай!

– Нет, – прощедила я сквозь зубы.

К счастью, у Майклз уже заканчивался пятнадцатиминутный перерыв, и она направилась к двери.

– Сколько раз тебе пришлось дать ему по рукам?

– Ни разу.

– *Ни разу?!*

– Да, Деб. Он вел себя как джентльмен.

– Ох, это паршиво. Сочувствую, Эйвери.

Я вздохнула, заранее жалея о вопросе, который собиралась задать. Но мы остались вдвоем, и ситуация располагала к тому, чтобы поковыряться в извращенных мозгах моей подруги.

– Почему ты мне сочувствуешь?

– Ну... – она задумалась, – ты на него вроде как запала, а он...

– Что?

– А он не... Ладно, Эйвери, я прямо скажу.

– Давай!

– А он на тебя нет.

Я выпрямилась:

– С чего ты это взяла? Тебе Куинн что-то такое сказал?

– Нет, но он даже не попытался с тобой переспать, хотя спал с Кариссой Эштон, а это... О господи! Это все равно как если бы он воткнул свою палку в прогнившую тушу кита. И дело не только в том, что она толстая. – Деб провела руками по собственной пышной груди. – Ты же знаешь, я всегда жалею вас, плоских вешалок. Но Эштон толстая и отвратительная сука. Ты в курсе, почему уволили Мак-Хейл? Эштон пообещала ей выйти в ее смену и не вышла, а потом сказала, что первый раз об этом слышит. Мак-Хейл просто улыбнулась Джошу. Просто улыбнулась. И Эштон так ее подставила. Завистливая, противная, грязная...

– Деб, замолчи! – рявкнула я.

Она растерялась:

– Да я же просто называю вещи своими именами. Ты знаешь, Эйвери: я всегда так делаю. Я это люблю и...

– *Нет.* Не говори больше о Джоше и других медсестрах.

Деб поглядела на меня расширенными глазами:

– Bay! То есть... Извини, Эйвери. Я не понимала, насколько сильно он тебе успел понравиться. Уже.

– Раз тебе так интересно, сегодня мы опять встречаемся. Если я не партнерша на ночь, это вовсе не значит, что я ему неинтересна. А теперь, пожалуйста, давай закроем тему.

Она улыбнулась:

– Он сразу пригласил тебя на следующее свидание? Здраво!

– Да, – выдохнула я. – Да. Действительно здорово.

– Рад это слышать, – вдруг произнес глубокий голос у меня за спиной.

Я сжалась. Джош стал легко массировать пальцами ноющие мышцы плеч. Мои щеки вспыхнули, взгляд остановился. *Что же он успел услышать?* Деб коротко кивнула и, подняв глаза, одарила его самой фальшивой из своих улыбок:

– А у нас тут как раз обед заканчивается.

– У меня тоже. – Джош не казался ни обиженным, ни шокированным. И то и другое обнадеживало, но я до сих пор была не в состоянии обернуться. – Решил просто заглянуть, чтобы поздороваться.

Я не ответила. Мозг не мог выдать ни единого слога.

– Так я заберу тебя в половине девятого?

– Да, – выдавила я, и, слава богу, меня не вырвало. – Было... было было отлично.

Я зажмурила глаза, радуясь, что Джош стоит у меня за спиной и не видит стыда на моем лице. Он чмокнул меня в макушку, а потом Деб кивком просигнализировала мне, что он ушел, и, вздернув бровь, сказала:

– Ты парня даже не поцеловала вчера на прощание, а руки у него так и чешутся.

– Нельзя было меня предупредить? – простонала я.

Она подняла ладони:

– Честное слово, я не слышала, как он вошел. Дверь открыта настежь. В любом случае он был в восторге от того, что услышал. Ты бы видела его сияющую физиономию! Нет, я, конечно, ошиблась: ты определенно ему нравишься. Джош Эйвери никогда так не бегал вокруг медсестер. Он... Черт! – прошептала Деб, садясь прямо и напуская на себя чинный вид.

– Он – черт?

– Док Роз, – произнесла она одними губами.

– Эйвери, – сказал доктор Розенберг.

Поставив на стол белую коробку, он открыл полупрозрачный пакетик и достал пару палочек и салфетку. Из коробки пахнуло соевым соусом. У врачей своя комната отдыха, и обычно Розенберг за обедом не терся бок о

бок с нами, простолюдинами.

– Это выглядит посимпатичнее, чем моя резиновая курица, – сказала Деб, вставая, чтобы достать из микроволновки свое замороженное безобразие.

– После аварии вы не испытываете какого-нибудь дискомфорта? Голова не болит? – Доктор протянул руку и нежно помассировал мое плечо возле шеи. – Выглядите вы хорошо, но я подумал, вдруг вас что-то беспокоит, а вы не жалуетесь, чтобы не пропускать работу?

Он посмотрел на меня. Голубизна его больших глаз перекликалась с серебром на висках. Такого красивого врача можно было снимать в сериалах. Раньше в подобной ситуации я начала бы запинаться, но теперь нисколько не раз волновалась.

– За неделю все прошло, спасибо. – Я пошевелила плечом, чтобы Розенберг убрал руку.

Он оглянулся, потом снова посмотрел на меня и тихо сказал:

– Если честно, я очень о вас беспокоюсь. Простите, что лезу не в свое дело, но я слышал, что вы стали проводить свободное время с одним парамедиком и...

Я прервала его:

– Доктор Розенберг, думаю, нам не стоит...

– Понимаю. – Он подмигнул.

Несколько дней назад я хлопнулась бы от этого в обморок. А сейчас едва сдерживалась, чтобы не поморщиться.

– Однако ходят слухи, – продолжал он. – Я считаю вас своим другом. Мы проработали вместе почти два года, и... я просто не хочу, чтобы вас обидели. А Джош Эйвери *обидит*. Он здесь недавно, но уже заработал определенную репутацию. Просто... будьте осторожны. Я волнуюсь за вас.

У меня отвисла челюсть, но я захлопнула рот. Доктор Розенберг всегда был со мной дружелюбнее, чем с другими медсестрами, но сейчас от него исходило не просто дружелюбие.

– Спасибо. – Я моргнула и выпрямилась.

Деб вернулась за стол. Доктор посмотрел на часы:

– Упс! Я забыл, что у меня встреча. Приятного аппетита, Хамата.

Он встал, взял свой обед и оставил нас вдвоем. Деб слегкнула. Она явно была взволнована.

– В чем дело? – спросила я.

– Ты когда-нибудь замечала, что ты единственная медсестра, которую он называет по имени?

– Ну и?

– Ну и ничего. – Она положила в рот кусочек курицы и, жуя, продолжила: – Я просто говорю что есть: похоже, его беспокоит твоя дружба с Джошем. С тех пор как ты попала в аварию, Розенберг стал разговорчивым, а когда тебя привезли... – она замолчала, и я вопросительно посмотрела на нее, – он нашел предлог, чтобы выйти из кабинета, потому что был слишком расстроен.

– Слишком расстроен? Ты серьезно?

– Он ведет себя странно. Видимо, осознал свои чувства к тебе, а ты уже начала встречаться с Джошем.

Я закатила глаза и откинулась на спинку стула:

– Заблуждаешься, Хамата. Совершенно ни к чему все это драматизировать.

– По-моему, нагнетать страсти не в моем репертуаре, и ты это знаешь, – обиженно ответила Деб.

– Может, авария помогла ему понять, что мы друзья и коллеги, а теперь он просто беспокоится за меня. Кстати, основания для беспокойства есть. Репутация у Джоша действительно так себе. А у Розенберга дочь-подросток. Он хочет меня предостеречь, и, мне кажется, это очень мило.

– Ты возвела его на пьедестал, и скоро он шлепнется оттуда на задницу, а твоё наивное сердечко разобьется. Но поглядеть на это будет весело.

В комнату вошли несколько человек: медсестры и техник МРТ. Деб запихнула в рот последние два кусочка курицы и сказала:

– Все. Пора работать.

– Надеюсь, ты никого не будешь посвящать в свои теории? А то обо мне, похоже, и так уже болтают.

– Эйвери, ты меня обижаешь. Правда.

Она вышла. Оставшись одна, я нервно заерзала. Мне еще никогда не удавалось рассердить Деб. Я вообще не знала, что такое возможно. Но она вдруг снова заглянула в комнату:

– Это была шутка. На самом деле хорошо, что ты меня предупредила. Я ведь собиралась всем рассказать, что док Роз хочет усадить тебя в гинекологическое кресло и трахать, пока ты не закричишь.

– Ненавижу тебя, – сказала я, выходя вместе с ней в коридор.

Остаток дня прошел скучно. Джош и Куинн привезли к нам в отделение пациента, но, как только у нас с Джошем появилась возможность перекинуться парой слов, ему пришло ехать по новому вызову.

Перед отъездом он поцеловал меня в щеку, из-за чего в сестринской поднялась волна гневного шепота. Едва новость дошла до Эштон, она

незамедлительно посягнула на мое личное пространство. Как только я отчиталась перед начальством в конце смены, эта стерва возникла передо мной и, наматывая волосы на палец, с фальшивой непринужденностью спросила:

– Так, значит, ты и Джош?

По ее физиономии расплылась ухмылка Чeshireского Кота.

– Нет.

– Нет? Значит, это неправда? Он тебя не целовал?

– Нет, – повторила я.

Она облегченно вздохнула:

– Хорошо. А то ведь мы с ним уже несколько месяцев... Ну, ты понимаешь. Я бы не хотела, чтобы ты подбирала за мной обедки.

– *Нет* – значит нет. Я не намерена обсуждать с тобой свою личную жизнь. Не хотелось бы тебе это говорить, Эштон, – сказала я, дописывая историю болезни, и, захлопнув тетрадь, подняла глаза, – но обедки – это ты сама. Ты и все другие медсестры в этом городе, которые спали с Джошем Эйвери.

Эштон фыркнула и поджала губы. Ее пухлые щеки залились краской.

– Сожалею, если он тебе нравится. Джош есть Джош. У него харизма от природы, и кажется, что он со всеми флиртует. Но на самом деле он встречается со мной с тех пор, как сюда приехал. Так что не будь ревнивой сучкой.

Я сощурилась:

– Ты забываешься, Эштон. Мы на работе.

– Я выше тебя по должности.

– Это не дает тебе права называть меня сучкой.

Двери отделения распахнулись со свистом, и выражение ее лица изменилось.

– Джош! – воскликнула она и, возбужденно оскалившись, качнулась на каблуках.

– Привет, Эштон, – ответил он и улыбнулся мне: – Ты готова?

– Да, только вот заполню последнюю карту. – Я достала большую коричневую папку.

– Хм... – произнесла Эштон, теребя волосы. – А что происходит?

Джош нисколько не смущился:

– Мы с Эйвери едем ужинать.

Эштон захлопала глазами, ее лицо вытянулось.

– То есть как? Какого черта? Ты ведь в прошлый раз собирался провести вечер со мной!

Он вздохнул:

– Это *ты* собиралась, а я сказал «нет».

– Ты ничего не говорил мне об Эйвери, – захныкала она.

– Боже мой! Ну прямо мыльная опера «*Дни нашей жизни*»! – Я закрыла папку и посмотрела на Джоша: – Поехали?

Он повел меня к дверям раздевалки. Я заскочила туда забрать сумочку и вымыть руки, а выйдя, опять увидела Эштон: она стояла перед Джошем, и глаза у нее были на мокром месте.

– Карисса, уж не знаю, как сказать еще яснее. Я четыре месяца говорю тебе одно и то же.

– Что говоришь? Я не понимаю!

– Это случилось один раз. И если б я знал, как ты все воспримешь, ничего бы не было вообще. Пойми же наконец: я не хочу поддерживать с тобой отношения. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Эштон надулась от негодования. Губы у нее задрожали. Напоследок она метнула в меня злобный взгляд и ушла, громко топая.

Джош приподнял брови, а потом сложил губы буквой «О» и выдохнул:

– Трудный случай...

– Кажется, ты разбил ей сердце.

– Прежде чем войти в ее квартиру – кстати, там грязно и пахнет баклажанной икрой, – я сказал ей, что отношения мне не нужны. Она сказала, ей тоже.

– Последовательностью Эштон никогда не грешила.

– А ты последовательна. Разумна и знаешь себе цену, не вешаешься на всех подряд... Мне это нравится в тебе.

Я усмехнулась:

– Звучит ужасно скучно.

– Нисколько не скучно, – ответил он, открывая передо мной дверцу машины.

* * *

Мы подъехали к многоквартирному дому в каких-нибудь трех кварталах от моего. Когда Джош выключил двигатель, я взялась за ручку, но, прежде чем выйти, задумалась.

– Ты здесь живешь?

– Да. Мне нужно взять кошелек. Я его второпях забыл. – Улыбка, которой он меня ослепил, наверняка была самой обворожительной в его

арсенале. Он вылез, обошел машину и открыл мою дверцу: – Можешь не входить, если не хочешь.

– А у тебя тоже пахнет баклажанной икрой?

Джош рассмеялся:

– Нет.

Он взял мою руку и неохотно отпустил ее только на крыльце. Но не успел он вставить ключ в дверь подъезда, как та распахнулась сама.

– Ой! – воскликнула какая-то девушка: чуть моложе меня, с пучком волос мышиного цвета и в толстых очках.

– Мы вовремя! – сказал Джош.

– Кто это? – спросила она, делая шаг в сторону, чтобы мы смогли пройти.

– Это, – Джош с гордостью показал на меня, – Эйвери Джейкобс.

Девушка поправила очки:

– Медсестра?

Джош усмехнулся и на секунду опустил глаза:

– Да, Синда, она медсестра.

– Приятно познакомиться, – кивнула Синда. – Джош, твоего мохнатого малыша я навещала три раза. Он погулял, поиграл, и – сожалею, что вынуждена об этом сообщить, – его вырвало у тебя на кухне.

– Чем ты его накормила? – Джош скорчил рожу.

– Поделилась с ним мясом по-луизиански.

– Синда, я же тебе говорил, что он этого не переваривает!

Она подавила смешок:

– Но ему так нравится! Ты бы видел! Кухню я помыла с хлоркой и проветрила. Посуду помыла тоже, а то...

Джош скривился:

– Нет у меня никакой посуды!

Синда задумалась:

– Значит, я вымыла посуду у кого-то другого. Вы у меня все смешались. Ну ладно, я побежала на работу.

– По-прежнему сидишь с близнецами Рэмзи?

– Как видишь, они меня еще не убили.

Она вышла. Закрыв за ней дверь, Джош снова взял меня за руку. Мы прошли два лестничных марша и остановились перед второй квартирой слева.

– Здесь живу я, – он взялся за дверную ручку, – а здесь, напротив, Синда. Если она дома, я понимаю это по детским крикам.

– У нее дети? – насторожилась я.

Джош усмехнулся:

– Нет, Синда профессиональная няня, и у нее всегда полно работы. К ней постоянно приводят детей. Даже на ночь. Зарабатывает будь здоров. – Он открыл дверь своей квартиры. – Мне она тоже помогает, поскольку я подолгу не бываю дома, а у меня щенок. Наверное, мне не стоило его брать, но Куинн отказался, и я решил побыть добрым самаритянином...

Джош замолчал, и мы вошли в квартиру. Она оказалась такой же пустой, как моя. Вся меблировка гостиной состояла из паршивенького дивана, кресла и шкафчика. Я потянула носом воздух: пахло не рвотой и не баклажанами, а средством для мытья полов, мятой и одеколоном Джоша.

– Давно ты здесь живешь?

– Нет. Пару месяцев. Подыскал жилье наскоро, чтобы больше не мотаться по впискам, случайным знакомым.

– А почему тебе приходилось мотаться по впискам?

– Потому что у меня во всем городе никого не было, я только переехал.

– Почему?

– Черт! – Он ухмыльнулся. – Я не был готов к допросу.

Я обхватила себя за плечи. Кондиционер работал на полную мощность.

– Я с тобой наедине в твоей квартире. Думала, мне не помешало бы что-нибудь о тебе знать.

– Замерзла?

– Тут мясо хранить можно.

– Мне так лучше спится.

– Как же ты расплачиваешься за электроэнергию?

Джош зашел в комнату и вышел, держа в руках серый джемпер с капюшоном.

– Надень. – Он бросил вещь мне. – Теплая штука.

Я окинула взглядом собственную одежду:

– Думаю, не стоит надевать это поверх больничной униформы.

– Бери, не бойся. Я тоже целыми днями купаюсь в физиологических жидкостях. Сошлифуется. Надевай, пока не обледенела.

– Сошлифуется? Странное выражение.

Джош пожал плечами:

– Царапину можно убрать с машины при помощи шлифовки. А мой отец так про все неприятности говорил. Мы любили повозиться в гараже. Время от времени мне обязательно нужно засовывать руки по локоть в машинное масло. Это успокаивает, помогает навести порядок в голове.

Я взяла джемпер с зеленым адидасовским логотипом на груди и надела

через голову. Мне показалось, я никогда не держала в руках более мягкой ткани.

– Ух ты! Классный!

– Нравится? Это мой любимый.

«Любимый джемпер. И он дал мне его поносить», – удовлетворенно отметила я про себя, а вслух сказала:

– Верну, как только постираю.

– Это не к спеху... А вот и кошелек! – Джош достал бумажник из комода и запихнул в задний карман. – Можем идти. Извини за задержку. Декс! – Он подозвал щенка и наклонился, чтобы его погладить.

– Ужасное имя. Как у серийного убийцы.

– Ужасное имя? – Джош притворился обиженным. – А ты бы что предложила?

– Что? Да нет, я просто...

– Я серьезно. – Джош выпрямился и скрестил руки на груди. – Если эта кличка тебе не нравится, придумай другую.

– Вроде уменьшительного имени?

– Ну да. Давай.

Щенок тоненько заскулил, и я, нагнувшись, провела рукой по жесткой черно-коричневой шерстке.

– Диди. Это похоже на то, что ему привычно, и я не собью его с толку.

Джош поморщился:

– Эйвери, он все-таки мальчик.

– Ладно. Тогда просто Ди.

– Пускай будет Ди, – согласился Джош и потрепал щенка по голове. – Я скоро вернусь.

Когда мы направились к двери, песик снова захныкал. Мне стало его жалко: он казался таким одиноким, а это чувство было мне знакомо.

– Раз уж ты дома, может, тут и останемся?

– Уверена?

– Да. Можем заказать еду и посмотреть какой-нибудь фильм.

– Никаких фильмов. – Он покачал головой. – Сегодня меня допрашивает инквизиция, и мне это вроде даже нравится.

Он подбежал к двери, открыл ее и схватил телефон. Щенок потерся о лодыжки хозяина, потом подбежал ко мне. Я взяла его на руки и села на диван.

– «Джей-Вок»? Привет, это Джош. – Я улыбнулась: он тоже частенько звонил в мой любимый китайский ресторанчик. – Мне как обычно. И со мной Эйвери. Да, жареную курицу с рисовой лапшой и малосоленым

соевым соусом. – Он вопросительно посмотрел на меня, проверяя, все ли правильно. Я кивнула. – С доставкой. Спасибо, Коко.

– Если бы моя машина не разбилась, я бы попросила, чтобы ты научил меня менять масло. Это сэкономило бы мне кучу денег.

– Давай я буду тебе его менять, – пожал плечами Джош. – Без проблем. Я холодно на него посмотрела:

– Нет, я хочу научиться. Чтобы делать это самостоятельно, когда ты скажешь мне, что перестал со мной водиться.

Он огляделся по сторонам, подошел ко мне и сел рядом на диван:

– Если честно, я об этом не подумал.

– Неудивительно, – отрезала я.

Я не считала нужным ради его удобства изображать наивность. Хотела оставить при себе если не гордость, то хотя бы человеческое достоинство. И так не слишком приятно было угадывать, что говорят другие медсестры, когда Джош привозит в отделение пациентов и мы с ним строим планы на вечер. Я и сама еще недавно спорила с Деб, пытаясь угадать, после скольких коктейлей Мак-Бабник затащит в постель еще кого-нибудь из наших девушек и сколько дней потом она будет плакать.

Если начать играть правильно, дальше пойдет легче.

– Я думал, мы не станем этим заниматься.

– Чем?

– Играть в игры.

– Если не ошибаюсь, в баре ты предложил поиграть в свое удовольствие. Играют обычно во что-то.

– Я не то имел в виду. Ты же знаешь. – Джош нервно замялся. – Просто ты сама тогда сказала: «Давай смелей». Я подумал, у нас все будет просто и прямо, без метаний взад-вперед, без попыток угадать следующий ход партнера. По-моему, лучше сразу все разгрести, чтобы потом быть честными, не боясь показаться... чем-то не тем.

– Ладно, – неуверенно проговорила я.

– Ты мне нравишься, – признался он. – Очень. Я обратил на тебя внимание еще до аварии, а она вообще все во мне перевернула. Мне хочется поближе тебя узнать. Только я вел себя немного по-свински с тех пор, как сюда переехал, и ты, наверное, не веришь ни единому моему слову.

– Я не то чтобы верю, но слушать твои излияния довольно забавно. Продолжай.

Он улыбнулся:

– В моем джемпере ты потрясающе красива... Эйвери?

– Что?

– Можно мне тебя поцеловать?

– Хм... Да.

Он положил руку мне на затылок, нежно пропустив сквозь пальцы пряди моих волос, и подался вперед. Я закрыла глаза и вдруг услышала поскуливание. Ди запрыгнул на меня и принял лизать мой подбородок. Взвизгнув, я откинулась назад и вытерла лицо рукавом джемпера.

– Ну перестань, дружище! – рассмеялся Джош и поставил своего питомца на пол.

– Он по тебе соскучился.

– Ай-ай-ай! – Он покачал головой и погрозил кудрявому комочку пальцем, стараясь не хохотать, а потом повернулся ко мне: – Спроси у меня что-нибудь.

– Что угодно? На все вопросы ответишь?

– Почти.

– О чем я не должна спрашивать?

– Да ладно тебе, давай!

– Ты сказал, чтобы я спросила что-нибудь. Я уже спросила. Отвечай.

– Я не очень люблю говорить о прошлом.

– Ты такой не один.

– Надо же! – ухмыльнулся Джош. – У Эйвери Джейкобс есть скелеты в шкафу?

– Они есть у всех. А с тобой, получается, почти все темы закрыты, раз о прошлом ты говорить не хочешь.

– Спрашивай. Даже если я не смогу ответить сразу, обещаю, что отвечу потом.

Я немного подумала.

– Почему ты переехал в Филадельфию?

– Дед пристроил меня в службу «Лайф-Нет».

Я кивнула:

– Он здесь живет?

– Жил некоторое время после того, как женился на бабушке. Потом она забеременела, и они уехали в Эбботстаун. Но у него остались кое-какие связи, и он сказал, что это место мне подходит.

– Почему?

Джош поморщился:

– Потом.

Я кивнула.

– Ты всегда был таким... харизматичным?

– Милая формулировка. Знаешь, раньше мне не приходилось этого

стесняться, но сейчас ты меня вроде как смущила...

– Нечего смущаться. Я тоже не девственница.

– Правда?

По выражению его лица ничего нельзя было понять. Сделав вид, что от этого вопроса мне просто стало скучно, я вздохнула:

– Боже мой! Мне двадцать четыре года. Ты знаешь хоть одну девственницу в таком возрасте?

– Ты, например.

Я хмыкнула.

Джош уселся поудобнее и спросил:

– Тогда сколько их было?

– Черт возьми! Ты издеваешься? Разве у женщины на втором свидании спрашивают, со сколькими мужчинами она спала?

– Если называть это свиданием, то мне за себя стыдно. Мы просто проводим вместе время, чтобы... получше узнать друг друга. Пока я узнал только одно: мне нравится, когда ты ругаешься. У тебя это получается очень сексуально.

– Хорошо. Мой папа любил крепкое словцо. «Черт побери!» – было первым предложением, которое я произнесла.

– Так сколько?

– Сначала ответь сам.

– Не знаю, – честно сказал он.

– Если будешь жульничать, я не играю.

Он рассмеялся:

– Клянусь богом, не знаю. Ну, может быть, сорок с чем-то. Может быть.

– Тогда ты ходячее пособие по венерическим заболеваниям.

– Ничего подобного. Я самый безопасный из всех мерзавцев, которых ты встречала. Проверяюсь каждые три месяца, как часы.

– Скорее, как проститутка.

Джош разинул рот:

– Эй, полегче!

– Да уж, легкости тебе точно не занимать, – парировала я и призналась: – Двое.

Улыбка исчезла с его лица.

– Двое.

– Да. А что?

– Ну, не знаю, – нахмурился он. – Понимаю, насколько это нелогично, но мне неприятна мысль о том, что ты была с кем-то другим.

– Правда? Мое однозначное число тебя напугало?

– Да. Кто они? Может, я захочу полазить по их страницам в «Фейсбуке».

– Имен ты не получишь. Просто смирись с тем, что невинность я уже потеряла.

Его брови почти совсем сошлись на переносице.

– Нет. Это меня просто бесит. Я все равно буду думать о тебе как о девственнице.

Я закатила глаза:

– Только не говори, что ты из тех парней, которые переспали с половиной города, а от женщины ждут непорочности.

– Вовсе нет. Просто начинаю понимать, что, кажется, я ревнивый.

– Откровенное заявление!

– А разве мы не договорились быть откровенными?

– Вроде договорились, – сказала я. – Что в шкафу? Почему он заперт?

Джош бросил взгляд на дверцы и ящики, покрытые облезающей белой краской, и, подумав, ответил:

– Здесь я держу спиртное. Для экстренных случаев.

– Какие случаи ты считаешь экстренными?

– Моя мама алкоголичка. – Он опять посмотрел на шкаф. – Поэтому я лазил туда только дважды за все время, что живу здесь. Оба происшествия были связаны с детьми. Первый раз я выпил стопку виски после того, как полуторагодовалый ребенок погиб при столкновении машины с поездом. Это было в мае. А в прошлом месяце я опрокинул две стопки после случая с автобусом.

Я нахмурилась:

– Помню. Я сама тогда так напилась... А ты ограничился двумя стопками?

Джош пожал плечами:

– У меня правило: пить только в барах. Звучит глупо, я знаю, но у мамы все началось именно с домашних возлияний.

– Нет, это как раз очень разумно.

Джош посмотрел мне в глаза, и мне показалось, что ход нашей беседы ему нравится. Снизу позвонили. Джош встал, подошел к маленькому серебристому квадратику на стене возле двери и, нажав черную кнопку, открыл подъезд. После этого достал кошелек, разговаривая со щенком, резвящимся у его ног. Через несколько секунд в дверь постучали, Джош открыл.

Джереми из китайского ресторанчика зашел в холл, передал Джошу

еду и, выглянув из-за его плеча, помахал мне. Я помахала в ответ.

– Спасибо, старик, – сказал Джош.

– Коко просила передать, чтобы ты постарался не облажаться.

– До свидания, Джереми.

Джош закрыл дверь и, скинув туфли, снова сел на диван.

– Пока у тебя два попадания из двух. – Я открыла большой белый пакет и заглянула в коробочку с лапшой. – Два замечательных вечера.

– Два лучших вечера за все время, что я живу в Филадельфии.

Я сжала губы, чтобы сдержать идиотскую улыбку, и кивнула, уставившись на контейнер с едой.

– Теперь моя очередь спрашивать, – сказал Джош. – Что ты еще не любишь, кроме Рождества и людей, которые болтают в кино?

– Встречаться с засранцами, – ответила я, не раздумывая.

– Это я тоже учту.

Глава 8

Джош

Вода капала с моего подбородка, голова опущена, руки вцепились в колени. Пытаясь восстановить дыхание, я считал про себя: «Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь... Черт, да не раскисай же! Девять. Десять».

Нам удалось спасти малыша, упавшего в бассейн возле дома, и теперь моя грудь болела от тяжести воспоминаний: вместо темноволосой головы спасенного мальчика перед глазами всплывали кудряшки сестры. Я потер ладонью мокрую рубашку, стараясь успокоиться. Мать ребенка обвила руками мою шею и, насколько я уловил при своем скучном знании испанского, поблагодарила меня за спасение сына.

Снова переживая прошлое, я едва заметил, как Куинн оттащил женщину прочь от меня. Голос напарника то исчезал, то прорезался, как звук неисправного радио. Его фонарик светил мне в лицо, точно фары грузовика, несущегося прямо на меня. От этого я вспомнил милое лицо и мягкие руки Эйвери.

– Да все со мной нормально, черт возьми! – Я отмахнулся от Куинна и выпрямился. – Просто устал.

– Эйвери всю ночь не давала спать? – ухмыльнулся он.

Я расправил плечи. Мы с Куинном частенько болтали о женщинах, но когда речь шла об Эйвери, шутки казались неуместными.

– Она не из таких, – отрезал я и, стащив с себя мокрую рубашку, бросил ее на виниловое сиденье в машине «скорой помощи».

Порывшись в своей спортивной сумке, я выудил оттуда запасную футболку.

– Она тебя отшила?

Я сердито посмотрел на приятеля, натянул одежду и, отвернувшись, направился к задним дверям машины.

– Я даже не пытался.

Не успев произнести эти слова, я о них уже пожалел.

– Сочувствую, – сказал Куинн, хотя на самом деле нисколько мне не сочувствовал. – Ты что, отрастил себе матку?

Я остановился и повернулся к нему лицом. Его физиономия чуть не ткнулась мне в грудь. Куинн нормального роста, но я как минимум на

полфута выше.

– Просто если она у тебя появилась, тогда покажи. Не будь жадиной-говядиной.

Я покачал головой и, толкнув напарника плечом, прошел на место водителя. Куинн снаружи захлопнул задние двери и трусцой подбежал к переднему пассажирскому сиденью. Усевшись, он откинулся и низко надвинул кепку на лоб. Я повернул ключ в замке зажигания, машина зарычала.

– А ты, я смотрю, полон впечатлений от встречи с Деб, – сказал я, выруливая на дорогу.

– У нее язык как у матроса, только... у этого матроса есть титьки и все остальное.

Я тряхнул головой и усмехнулся:

– Ну, знаешь ли, женщины иногда тоже бывают моряками.

– Как думаешь, она наденет для меня сексуальный матросский костюмчик?

– Деб? Она наденет для тебя даже штаны из болоньи, если тебе это покажется прикольным.

– Ты прав. – Куинн задумчиво поглядел в окно. – Она идеальная.

* * *

Работа высосала из меня все соки, но, оказавшись возле дома Эйвери, я снова взбодрился. Она всегда так на меня действовала. Я привез ее из больницы всего час назад, в грязной униформе и с растрепавшимся пучком на голове. Она исчезла за дверью спальни и появилась оттуда в летящем сиреневом платье с открытыми плечами, длиной чуть выше колена. Я сразу почувствовал себя неловко в джинсах и серой рубашке поло.

– Какие у нас на сегодня планы?

– Конечно, трудно изобрести что-то, что затмит пикник на автосвалке и допрос в моей квартире, но, по-моему, я нашел одну вещь, которая может тебе понравиться. Вот, держи.

Я разжал потную ладонь и, молясь, чтобы Эйвери не расхохоталась мне в лицо, протянул ей маленькую коробочку из синего бархата. Она взяла ее в свои изящные пальчики, нахмурилась и насмешливо, с ямочками на щеках, сказала:

– Надеюсь, это не предложение руки и сердца. Потому что для поездки в Вегас у меня чемоданы не собраны.

– Пока нет, – ответил я и, не успев вовремя остановиться, добавил: – Да и вообще нет.

«Господи! – подумал я. – Что за бред я несу! Будто снимаюсь в фильме „Изгоняющий дьявола“».

Эйвери посмотрела на меня удивленно. Я инстинктивно выставил вперед руку, словно защищаясь от возможного удара в пах, и простонал:

– Я ничего такого не хотел сказать. Просто уже открои наконец эту чертову штуковину.

Подавив смешок, Эйвери подняла крышку квадратной коробочки, взяла с атласной подкладки тонкую шариковую цепочку и с прищуром на нее посмотрела. Перед сияющими зелеными глазами покачивалась та самая пенсовая монетка, которую я подобрал у себя в машине в тот вечер. Было видно, что Эйвери теряется в догадках и ждет объяснений.

– Это на удачу. Счастливая монетка. Я нашел ее перед аварией.

Она выгнула брови:

– Видимо, удачу мы понимаем по-разному.

Я взял у нее из рук цепочку и раскрыл застежку:

– Ты стоишь здесь целая, верно?

Она повернулась ко мне спиной и подняла длинные волосы. Кожа на ее шее была безупречно белой и мягкой.

– И я стою рядом. – Опустив монетку ей на грудь, я принялся возиться с замочком.

Мои пальцы оказались недостаточно тонкими и ловкими, чтобы его застегнуть. Воспользовавшись этим, я наклонился, вдохнул медовый запах волос Эйвери и прошептал:

– Мне кажется, я счастливейший человек на земле.

Ее плечи слегка вздрогнули. С третьей попытки застежка все-таки замкнулась, и волосы снова упали, накрыв мои пальцы. Я еле сдержал желание провести ладонью по их нежному шелку.

Эйвери повернулась ко мне и взяла монетку в руки:

– Очень трогательно, Джош. Правда.

Я скривился, заподозрив, что она иронизирует:

– Ты уже говорила нечто подобное.

– Но я действительно так думаю.

Я пожал плечами. Кажется, я выставил себя в нелепом виде.

– Цветы умирают, а смерть мы и так слишком часто видим на работе. Я подумал, что эта монетка, может, поможет тебе, когда меня нет рядом, когда я не могу вытащить тебя из-под обломков.

Она мягко усмехнулась. Я поддел пальцем ее подбородок и приподнял

его, чтобы наши взгляды встретились.

– За этот пенсовик я хочу узнать твои мысли.

Эйвери прикусила нижнюю губу:

– Ты меня... удивил. С виду ты таким не кажешься.

– Каким? – спросил я, стараясь заглушить ревность.

Я знал, какого она была мнения обо мне и кто ей нравился до меня.

– Ну... – Она взяла монетку и, нахмурив брови, заглянула в дырочку, просверленную посередине. – Не думала, что ты мастер на все руки. Чем еще ты увлекаешься? Вклеиваешь в альбом вырезки из газет или рисуешь на стенах облачка?

* * *

Я вцепился в руль до боли в пальцах. Еще никогда я так не суетился ради того, чтобы произвести впечатление на женщину. Улучив удобный момент и взглянув на Эйвери, я немного успокоился. Она рассеянно теребила монетку.

– Ты как будто нервничаешь, – заметил я, сбавляя скорость перед поворотом с Мильтон-авеню на Бродбек-стрит.

– Может быть, – призналась Эйвери.

Я приосанился.

– Да я не к тому, – вздохнула она, закатывая глаза для большей выразительности.

– Чему – тому?

– Я просто... понимаю, как ты обычно общаешься с женщинами. Вижу, как они на тебя смотрят, и... догадываюсь, скольких ты использовал.

– Боишься, что я с тобой просто играю? Заберусь в твои старомодные трусики, а потом исчезну?

– Ну да... Погоди, что? Я *не ношу* старомодных трусиков! Кто тебе такое сказал? Деб?

Я усмехнулся:

– Знаю, какая у меня репутация, и не буду врать, что не заслужил ее. – Припарковав машину, я посмотрел на Эйвери: она съежилась, сцепив руки на коленях. – Но я никогда никому ничего не обещал. Все те женщины точно знали, чего я от них хочу.

– Мне ты тоже ничего не обещал. – Эйвери произнесла эти слова почти шепотом, но я все равно расслышал в них слабый отголосок обиды. – Так что, если все это часть *игры*, я играть не хочу. Я не такая, как другие

медсестры.

Я протянул руку и, поколебавшись, заправил Эйвери за ухо медовые волосы. Она повернулась ко мне, в глазах читалась тревога. Чем бы ни было это непонятное чувство, она тоже его ощущала. И оно до смерти пугало нас обоих.

— Эйвери, ты думаешь, это меня смущает? Наоборот: именно это мне в тебе и нравится.

Я видел: она все еще сомневается, но ей хочется мне поверить, хочется дать шанс. А больше я ни о чем и не мог просить. Когда она потеряла сознание и я взял ее на руки, что-то изменилось. Теперь я не мог причинить ей боль. И не должен был допускать, чтобы это сделал кто-то другой.

Эйвери перевела взгляд с моего лица на деревья за окном:

— Ты привез меня... в лес?

Она нахмурилась, а я не сдержал смеха:

— Да.

Я вылез, обошел машину и открыл дверцу Эйвери. Прежде чем подать мне руку и встать, она задумалась:

— Вообще-то, я оделась не для загородной прогулки. Надо было меня предупредить. Я бы надела что-нибудь другое.

— Ты выглядишь идеально. Доверься мне.

Сплетя пальцы Эйвери со своими, я повел ее вглубь зеленых зарослей.

Под ногами захрустели сосновые иголки. Когда среди ветвей замигали огоньки, она крепче сжала мою руку и спросила:

— Что это?

Эйвери зашагала быстрее: теперь не я вел ее за собой, а она меня. Я не смог спрятать улыбку: мы подошли к живой рождественской елке, принадлежащей лично Эйвери Джейкобс. Точнее, это была сосенка, вокруг которой я расчистил небольшой пятак земли. Труднее всего оказалось раздобыть елочные игрушки в середине лета. После смерти сестры у нас в семье толком ничего не праздновали, а переехав, я вовсе позабыл обо всех традициях.

Эйвери ахнула, я улыбнулся. На прошлом свидании я этого не сказал, но у меня тоже были основания не любить Рождество. Стараясь вытеснить ее тяжелые воспоминания приятными новыми впечатлениями, я нуждался в этом и сам. К счастью, у матери Куинна оказалось достаточно гирлянд, шаров и мишуры. Чего только она не напихала мне в коробку! Даже пенопластового снеговика положила для полноты картины. Потом мне пришлось проявить изобретательность: чтобы на земле вокруг елки было достаточно «снега», я опустошил все больничные измельчители бумаги.

Хозяин елочной фермы одобрил мою затею только при условии, что потом я уберу все до последнего клочка.

Я потянул за шнурок, свисающий с ветки, и из картонной коробки через отверстия в днище посыпались искусственные снежные хлопья. В Интернете я прочитал, что в этом качестве можно использовать полиакрилат натрия – наполнитель подгузников. Видя, как Эйвери изумлена, я испытал огромное удовольствие. Снег получился не идеальным – он падал комками, – но она, похоже, оценила мой жест.

– Джош... – Услышав свое имя из ее уст, я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. – Это невероятно!

– Чуть не забыл!

Я достал телефон, нашел в нем нужную песню и сунул один наушник себе в ухо, а другой протянул Эйвери. Она взяла его, и ее глаза засияли: зазвучала мелодия «*White Christmas*». Широко улыбаясь, она опять вложила свою руку в мою, склонила голову мне на плечо и прошептала:

– Рождество – это, оказывается, не так уж плохо.

Краем глаза я увидел отсветы елочных лампочек в ее сияющих зрачках.

Эйвери подняла голову, и наши взгляды встретились.

– А почему нет омелы?

Меня потянуло к ней как магнитом. Единственное, чего я сейчас хотел, – это обнять ее и прикоснуться губами к ее губам.

Даже с закрытыми глазами я видел наше будущее. В тот момент я испытал все, что слышал о влюбленности и первых поцелуях. Фейерверки, электрические разряды, музыка, беспринципное счастье, даже колокольный звон – все это обрушилось на меня. Эйвери разомкнула губы, и кончик моего языка скользнул внутрь. Она сжала мою руку, чуть не лишив меня самообладания. Отслонившись, я поглядел на наши ноги, утопающие в искусственном снеге, и выдохнул:

– Ух ты!

Эйвери выбрала «снежинки» из волос и огляделась по сторонам. С каждой секундой она казалась мне все более красивой и счастливой.

– Еще мне не нравится, что, когда я улыбаюсь, у меня над верхней губой появляется маленькая складочка. – Она указала пальцем. – Ты и это можешь изменить?

Я покачал головой:

– В тебе я ничего менять не собираюсь. Какой следующий пункт в твоем списке антипатий?

– Дальные поездки.

Я чуть отстранился и вопросительно на нее посмотрел:

– Серьезно?

– Терпеть не могу колесить. Но с этим, наверное, ничего не поделаешь.

– Что идет по списку далее?

Притворяться крутым, надменным и труднодоступным было ни к чему. Эйвери не хотела играть в игры, а я, вне всякого сомнения, хотел, чтобы Эйвери стала моей. Я был готов на все и надеялся, что она со мной искренна, ведь иначе мои собственные попытки быть откровенным ни к чему бы не привели.

– Глобальное потепление, запах кокоса, сигаретный дым, белые мужские майки в рубчик... Не люблю привлекать к себе внимание, не люблю переспелые бананы, пауков, бейсбол, кричащих детей, бекон, слюни, рвоту, слизь, крошки, телешоу Говарда Стерна и плохие стрижки. Не люблю, когда одежда электризуется, когда в «Костко» заканчиваются крендели, а еще не люблю слово «локоть».

– Это все? – спросил я невозмутимо.

Эйвери усмехнулась:

– А что произойдет, когда мой список закончится?

Мне многое пришло в голову, но я не хотел все разрушить, озвучив хотя бы одну из своих идей. У меня до сих пор звенело в ушах после нашего поцелуя. Думать в таком состоянии было невозможно.

– Что-нибудь придумаем.

Я взял Эйвери за руку и повел к расчищенному участку леса.

– Уже уходим? – спросила она, слегка выпятив нижнюю губу.

Я рассмеялся:

– Я пытаюсь быть джентльменом, Эйвери, а джентльмен не спланирует вечер так, чтобы даме потом пришлось вытаскивать из мягкого места сосновые иголки.

Я подмигнул ей, она ответила широкой понимающей улыбкой:

– Пожалуй, мы могли бы выпить горячего шоколада у меня дома.

Мой взгляд притянулся к ее мягким губам, она подняла брови. Я хотел быть хорошим парнем, таким, как нужно, но это становилось во многих отношениях все труднее и труднее.

Эйвери тихо охнула, когда я повернул ее на триста шестьдесят градусов и прижал к машине. Дверца защелкнулась, Эйвери вздрогнула, мы оба засмеялись. Потом я наклонился и снова поцеловал ее сладкие губы.

Неохотно отстранившись, я задал себе вопрос: «Неужели так бывает со всеми?» Чем дольше мы были вместе, тем прекраснее она становилась. Я прижался лбом к ее лбу, и мне не хотелось просыпаться от этого сна. Но тут

с неба посыпались тяжелые капли и разрушили волшебство момента. Улыбнувшись, Эйвери посмотрела вверх. Мы принялись торопливо собирать елочные украшения миссис Чиприани, и с каждой снятой игрушкой наш смех становился все громче.

– Держи. – Я передал Эйвери ящик, а потом стал отцеплять и осторожно перекидывать ей стеклянные шары.

Она ловила их, радостно улыбаясь. Когда все было снято, я забрал коробку и поцеловал Эйвери в лоб.

– Горячий шоколад сейчас был бы не лишним, – прошептала она.

Из-за дождя воздух остыл, ее платье и волосы промокли и прилипли к телу.

Я убрал влажную золотистую прядь, упавшую ей на глаза:

– Поехали.

* * *

Когда мы подъехали к дому Эйвери, у меня свело живот. Всю обратную дорогу она молчала: видимо, сомневалась, что поступила правильно, пригласив меня к себе. Такой парень, как я, должен вести себя аккуратно с такими девушками, как она, не рисковать.

Припарковавшись у тротуара, я быстро вышел из машины и открыл Эйвери дверь. Вставая, она застенчиво улыбнулась и одернула платье.

Видя, как она нервничает, я взял ее руку в свои и нежно сжал. Мы поднялись по лестнице. Подведя меня к своей квартире, Эйвери неловко повернула ключ в замке и чуть не упала, когда тяжелая металлическая дверь наконец качнулась вперед.

– Заедает, – пробормотала она.

– Я починю, – пообещал я, закрывая за собой задвижку.

Эйвери покраснела:

– Ты не должен этого делать.

– Но мне хочется.

Я подошел к ней и, проведя пальцами по ее теплым щекам, притянул ее к себе. Она напряглась, но, как только наши губы соприкоснулись, это ушло. Эйвери скользнула теплыми ладонями по моей груди, разгладив по ней мокрую ткань, и я судорожно втянул воздух. Мне захотелось прижать это хрупкое тело к своему и проследить за каждым его изгибом.

Я снянул рубашку и бросил на пол. Окинув взглядом мой торс, Эйвери пробежала пальцами по татуировкам на моих ребрах и нахмурилась. С ее

губ готов был сорваться вопрос, но в тот момент мне не хотелось вопросов. Наговориться мы могли позже. Я хотел, не отвлекаясь, наслаждаться каждой секундой ее оцепенения, пока она не пришла в себя и не поняла, что достойна кого-то получше, чем я.

Моя рука потянулась к лямкам, завязанным у нее на спине. Я медленно распустил узел и коснулся пальцами позвонков. Меня пробрала дрожь. Губы Эйвери застыли, она отпрянула и, вскинув руки, придержала платье на груди. Я подался к ней:

– Боже мой! Эйвери, я не хотел...

Я поспешил. *Черт возьми! Опять я поспешил!* Девушки, с которыми я обычно проводил темное время суток, позволяли себя раздеть, не придавая значения тому, сколько часов мы знакомы. Но с Эйвери все было по-другому. Она не собиралась заниматься со мной сексом в надежде, что я буду часто за этим приходить и постепенно к ней привяжусь. Наоборот, это я постоянно на что-то надеялся.

– Нет. Все нормально. – Ее голос дрогнул. – То есть...

Свободной рукой она откинула волосы на спину. Я шагнул вперед и снова завязал лямки у нее на шее. Эйвери продолжала смотреть мне в глаза, дыша через нос. Она так смутилась, что казалась сокрушенной. Я дотронулся до мягкой кожи ее щек.

– Эйвери, я ничего не жду. Абсолютно ничего. Вечер был замечательный, и, если сейчас мы рас прощаемся, у нас в запасе еще много времени.

«Вечность!» – мысленно прибавил я и продолжил:

– Я боюсь все испортить и не стану спешить.

Я не знал, будет нахальством или глупостью, если я скажу Эйвери то, что чувствую на самом деле. Я хотел не только встретиться с ней завтра. Я хотел гораздо большего. Хотел, чтобы она была рядом всегда. Каждая секунда, проведенная без нее, растягивалась в моем сознании, прорывая бреши в ткани пространства и времени.

– Уж не собираешься ли ты околачиваться здесь, пока я не дозрею?

Она подняла на меня глаза и чуть улыбнулась, но потом ее взгляд упал мне на грудь. Я взял ее за подбородок:

– Скажи, что тебя беспокоит.

Эйвери вздохнула и через силу выговорила:

– Я просто... Джош, я видела женщин, за которыми ты бегал. Я не такая, как...

Она умолкла и скривилась от смущения. Воспользовавшись паузой, я сам постарался принять спокойный вид и, переварив ее слова, хохотнул:

– И слава богу. Этим ты мне и нравишься.

Большим пальцем я провел по ее щеке, и румянец на ней разгорелся ярче.

– Я, наверное, не умею делать... многих вещей.

Я покачал головой, не сумев подавить смешок. Тревога на лице Эйвери сменилась досадой. Она отстранилась от меня: я уже успел усвоить, что ненавижу такие моменты.

– Тебе смешно?!

– Боже мой, Эйвери! И это тебя беспокоит? В наших отношениях для меня тоже многое ново. Я бы с радостью стал для тебя первым. Но если в чем-то я уже не могу быть первым...

Я стиснул зубы, набираясь храбрости.

– Тогда что?

Эйвери уже не сердилась, но в ее взгляде опять сквозила тревога. Нужно было подбирать слова тщательно. Если бы я повел себя как прежний Джош, она бы от меня отшатнулась. Скажи я правду, она отшатнулась бы все равно.

– Нет, – вздохнул я. – Я имею в виду... Черт, скажу наконец: ты для меня важна. Это новое для меня чувство, и оно меня прямо пугает. Даже не знаю, что делать, если ты не испытываешь ко мне того же.

Губы Эйвери приоткрылись, она сделала маленький вдох. Казалось, прошло ужасно много времени, прежде чем она ответила:

– Я... испытываю.

– Правда? – спросил я, чуть расслабившись.

Она кивнула:

– Мне жутко не по себе, но я тоже этого хочу. Хочу *тебя*.

Я сдвинул брови, выдохнул и припал губами к губам Эйвери, как к единственному источнику кислорода в горящем здании. Я согласился бы погибнуть в том огне, который бушевал между нами. Обвив мою шею руками, она прижалась ко мне, и платье упало.

Я легко поднял ее и понес через гостиную в спальню. Не прерывая поцелуя, Эйвери обхватила меня ногами за талию. Я с трудом заставил себя опустить ее, чтобы она встала на носки.

– Что такое? – спросила она.

– Это для меня новость.

– Что?

– Спальня.

Эйвери прикусила нижнюю губу и усмехнулась. Я медленно провел рукой по ее спине и кое-как расстегнул лифчик. Она отпустила меня только

для того, чтобы стряхнуть его на пол, и снова крепко ко мне прижалась. Мне уже было больно оттого, что грубая ткань джинсов сдавливала член, но с Эйвери я не хотел торопиться. Ее руки осторожно заскользили по моему животу, и от этого прикосновения мышцы сами собой сокращались.

– Джош, – прошептала она, нырнув пальцами под ремень.

Я быстро расстегнул и сбросил джинсы, потом пинком отшвырнул их в сторону. Эйвери засмеялась, не отрывая губ от моего рта, и схватила меня за плечи. Я опустил ее на кровать. Наши тела запутались в складках пушистого покрывала, на которое мы упали.

Мы не спешили. Мне хотелось ощутить вкус каждого дюйма ее кожи от впадинки над ключицами до мягких изгибов груди. Я повел дорожку поцелуев вниз по животу, который поднимался и опадал от неровного дыхания. Тонкие пальцы Эйвери утонули в моих волосах.

Ее тело напряглось, когда я прижался губами к полоске бледно-розового кружева с маленьким бантиком. Мои грубые пальцы скользнули под ткань, трусики поползли вниз по ногам до накрашенных ногтей и исчезли где-то в темноте. Я хотел было поцеловать бедра Эйвери, но поднялся выше: мне не терпелось накрыть ее всю своим телом.

Она была небольшого роста, но ноги, обхватившие и сжавшие меня, казались невероятно длинными. Губы, мягкие и чуть-чуть липкие от помады, остановились на открытом пятаке за моим ухом. Задев чувствительную кожу зубами, она провела по ней теплым языком. Мои мышцы налились, и я двинулся бедрами вперед. Глотнув воздух, Эйвери издала мягкий протяжный стон. Я напрягся.

– Продолжай в том же духе, и это кончится прежде, чем мы успеем начать, – пошутил я.

Она ответила мягким смешком, пощекотав мое ухо дуновением. Я прижался щекой к щеке Эйвери и закрыл глаза. Нужно было успокоиться, чтобы не потерять контроль над собой, не перевернуть ее и не взять одним из тех диких способов, которые я выдумывал со дня нашей встречи в китайском ресторанчике. Эйвери заслуживала лучшего. С ней мне недостаточно было быстро перепихнуться. Я хотел видеть ее глаза. Впервые в жизни выражение лица женщины в тот момент, когда я в нее войду, стало для меня так же важно, как собственные ощущения при этом.

– Не двигайся! – Я не столько предостерегал, сколько умолял.

Соскользнув на край кровати, я принялся шарить в карманах джинсов. И произнес беззвучную молитву со словами благодарности в конце, когда из кармана на мою ладонь упал целлофановый квадратик. Неприятно было думать о том, что несколько дней назад я положил его в кошелек на случай,

если внезапно окажусь в постели с какой-нибудь малознакомой девушкой. Теперь я не мог представить себя ни с кем, кроме Эйвери Джейкобс. Я не знал, что наше свидание закончится в ее спальне, но тем не менее чувствовал себя виноватым. Я вел себя как один из засранцев, с которыми Эйвери не хотела встречаться, а она лежала совершенно раздетая и нетерпеливо на меня смотрела. Вроде бы все разрешилось, и тем не менее я помнил: моя жизнь – сплошная череда несчастных случаев. Рано или поздно Эйвери от меня уйдет.

Ее рука остановила меня, когда я зубами разорвал целлофановый квадратик. Мое сердце упало: неужели она прочла мои мысли и поняла, какую ошибку совершаю?

Эйвери взяла пакетик из моих рук и легко толкнула меня в грудь, уложив на подушку. Ее гладкие бедра обхватили мои. Я лежал, широко раскрыв глаза и надеясь, что мне хватит терпения. С моими прежними подружками не приходилось особенно тормозить. Я знал цель и всегда достигал результата. То, что Эйвери задавала темп сама, казалось непривычным и очень возбуждало.

Она достала презерватив из пакетика и надела на меня; не удержавшись, я провел пальцами по ее шелковистой коже. Я думал, завестись еще сильнее уже невозможно, но Эйвери улыбнулась такой улыбкой, какой я раньше не видел: уголки губ лишь слегка приподнялись в лукавом и радостном ожидании. Она провела языком по моему животу, покрыв его множеством маленьких поцелуев. Защита была на мне, и ждать я уже не мог. Перевернув Эйвери на спину, я устроился между ее ног.

Не отводя от меня взгляда, она сделала резкий вдох. Я стал вжиматься в нее с болезненной медлительностью, давая ей возможность ко мне приспособиться. Ногти Эйвери впились в мою кожу, убедив меня в том, что я не сплю: девушка, о которой я мечтал, действительно моя. Тишину комнаты не нарушало ничто, кроме похрустывания матраса, нашего неровного дыхания. Тихий стон сорвался с губ Эйвери, когда я вошел в нее до конца.

– Все в порядке? – спросил я, уже тяжело дыша.

Она кивнула, и наши губы встретились. Я почувствовал огромное облегчение, поняв, что она хочет этого так же, как я, и что мы доверяем друг другу. Впервые в моей жизни секс был не просто сексом. Еще ни с кем я не позволял себе становиться таким уязвимым: это и пугало меня, и приводило в восторг. Никогда еще у меня не было такой ночи. Я подался назад, потом снова двинулся вперед – медленно, в ритме наших поцелуев.

Я не привык к такой нежности. Обнимая Эйвери, я боялся, что эта

красота сломается и рассыплется подо мной, оставив мне лишь горстку сожалений.

Ее бедра приподнялись навстречу моим, и она, не отрывая от меня губ, прошептала мое имя. Опершись лбом о ее лоб, я увидел то единственное, что на ней осталось: маленькую монетку, зажатую между нашими телами.

Наше дыхание сбилось и стало казаться оглушительно громким, заполнив собой пространство маленькой комнаты. Эйвери задрожала подо мной. Мы оба покрылись тонкой пленкой пота. Я с силой поцеловал ее, и мои движения участились. Тело Эйвери подстроилось под новый темп. Услышав мягкий возглас наслаждения, я утратил контроль над собой и, толкнувшись в последний раз, облегченно зарычал. Мы остановились, тяжело дыша.

Я убрал с лица Эйвери влажные волосы, мой большой палец скользнул по изгибу ее брови. Медленно отстраняясь, я видел в ее глазах то же сожаление, какое чувствовал сам.

По лицу Эйвери расплылась лукавая усмешка.

– Если я добавлю секс в список вещей, которые ненавижу, то, может, мы это повторим?

– Так-то ты ненавидишь секс? Какой же ты бываешь, когда тебе хорошо?

Я наклонился, осыпал мелкими частыми поцелуями ее щеку и шею, остановился на губах. Она выдохнула, внезапно показавшись мне смущенной и беззащитной. Я погладил Эйвери по лицу и постарался сказать что-нибудь, что рассеет ее тревогу:

– Будет очень по-дуряцки, если я прямо сейчас приглашу тебя на следующее свидание?

Покачав головой, она расслабилась, легла удобнее и хотела спросить: «Когда?» – но я ее опередил:

– Как можно скорее. Завтра же. Утром. Кстати, может, я... просто останусь у тебя?

– Хочешь спать здесь?

Я пожал плечами:

– Проснуться рядом с тобой... Звучит обалденно!

Эйвери притворилась, что раздумывает, а потом потянулась ко мне и тронула губами мои губы:

– Да.

Несколько секунд я изучал ее глаза, потом встал и направился в ванную, чтобы снять презерватив. Щелкнув выключателем и зажмурившись от яркого света, я наклонился над раковиной и, не глядя на

свое отражение, плеснул себе в лицо холодной водой. Вдруг я подпрыгнул от неожиданности: изящные руки Эйвери обвили мою талию.

Наши взгляды встретились в зеркале. Ее волосы были соблазнительно растрепаны, тушь под изумрудными глазами расплылась. Когда она пробежала пальцами по моим татуировкам и коснулась самой свежей из них, мои мышцы напряглись.

– Эта полоска выглядит как новая.

– Она и есть новая. Еще не совсем зажила. Кстати, я заработал ее благодаря тебе.

Едва успев это сказать, я закрыл глаза и стиснул зубы: «Черт! На фига я это ей говорю?!» Стараясь отвлечь Эйвери от сказанного, я развернулся к ней и протянул руки. Она зажалась:

– Благодаря мне? То есть... ты рисуешь на боку полоску каждый раз, когда тебе удается... – Она закрыла лицо руками. – Ты был уверен, что это произойдет, и... О господи!

Я не сразу понял, чем она так огорчена, и, наклонившись, заглянул ей в глаза, но она не хотела на меня смотреть.

– Эйвери, что такое?

Наконец до меня дошло, и я нахмурился:

– Боже мой! Да нет же, я не считаю тех, с кем спал! Я был бы самоуверенным козлом, если бы сделал на себе очередную отметину заранее.

Она осторожно поглядела на меня сквозь разжатые пальцы и, отняв ладони от лица, указала на мой бок:

– Тогда как это связано со мной?

Мне вдруг стало тяжело дышать. Ее рука опять скользнула по чернильным полоскам, и я окаменел. Правда давила на меня. Что Эйвери подумает, если я расскажу ей о своем прошлом? А ведь она имела право хотя бы отчасти знать, кто я такой. Идиот, раз уж я открыл рот, то деваться было некуда. Я сам ляпнул, что сделал татуировку из-за Эйвери, теперь она ждала объяснений. Она заслуживала того, чтобы понимать, чем рискует, встречаясь со мной.

В горле у меня пересохло. Я слглотнул, как будто заново переживая два десятилетия неуверенности и злобы. Кейла утонула из-за меня, по моей вине наша семья распалась. Родители до сих пор меня не простили.

Разве можно было требовать понимания от Эйвери? Она положила руки на мои обнаженные бедра, притянула меня к себе и, снизу вверх заглядывая в мои глаза, повторила слова, которые я произнес пару часов назад:

– Скажи, что тебя беспокоит.
Я прокашлялся:
– Сколько спиртного у тебя в запасе?

Глава 9

Эйвери

Я потянулась, лежа в кровати у северной стены своей комнаты. Волосы перепутались, все внутри приятно болело. Кругом было разбросано белье, знакомое казалось незнакомым. От постели пахло сладкой смесью моего лосьона, одеколона Джоша, пролитого дешевого вина иекса. Я взглянула на часы: к счастью, у меня был выходной.

Джош уже ушел. Я не знала, во сколько у него начиналась смена, но, прежде чем я успела предложить ему остаться, он сказал, что ему не так повезло, как мне.

Я взяла его подушку, которая раньше была лишней, прижала ее к груди и, перевернувшись на спину, посмотрела в потолок. Прошедшая ночь вспоминалась в мельчайших подробностях: стук его ботинок по полу моей квартиры, вкус его кожи, прикосновение его рук к тем частям моего тела, которых давно никто не касался. Я помнила, как вжимались в меня подушечки его пальцев, как он заполнял меня собой, толчками скользя животом по моему животу, как напряглись его руки и как он застонал в конце.

Отпустив подушку, я скатилась с кровати и поплелась в ванную. Когда я повернула ручку в крошечной душевой кабинке, в трубах что-то загремело и завыло. В мусорном ведре валялся использованный презерватив. Мыльница лежала не на месте. Раковина была забрызгана водой. В моей квартире кто-то хозяйничал: видя доказательства этого, я ощущала странное радостное волнение.

Встав под воду, я пожалела, что приходится смыть следы прикосновений Джоша. Всю ночь мы не отпускали друг друга. После аварии не прошло и месяца, но за это время из чужих людей мы успели превратиться во влюбленных.

Вода была горячей, но я задрожала. Только одно пугало меня больше, чем возвращение Джоша к той жизни, за которую его прозвали МакБабником. Он слишком сильно изменился за слишком короткий промежуток времени. Раньше я знала о нем мало, но от всего, что было мне известно, он отказался ради меня. *Почему?* В медицинском училище нам рассказывали об эффекте Флоренс Найтингейл^[6]: спасая человека, можно в него влюбиться.

Я помылась, выключила душ и осталась стоять, слушая, как с меня стекает вода. Опять я была одна. Нет, паранойя меня не мучила. Просто все это казалось неправдоподобно прекрасным, и в любой момент я могла проснуться. Голова разболелась. «Надо бы найти ибупрофен», – подумала я, заворачиваясь в мохнатое белое полотенце.

Радостное возбуждение, с которым я проснулась, постепенно сменялось ощущением пустоты. Джош вел себя не так, как я ожидала, потому что это был другой Джош. Девушка, с которой он пофлиртовал по пути с работы, столкнулась с грузовиком. Он вытащил ее из машины и держал, пока не подоспела помощь. Такие впечатления травмировали бы кого угодно. Самое печальное заключалось в том, что он даже не понимал, в чем дело.

В дверь трижды постучали. Подскочив от неожиданности, я заправила за уши мокрые волосы, вышла из спальни, прошлепала мимо дивана с кофейным столиком и приотворила дверь, оставив ее закрытой на цепочку. Передо мной стоял Джош с двумя стаканами кофе в руках и улыбался. На нем были черные ботинки со шнурками, темно-синие штаны и футболка с белой эмблемой.

– Привет! – кивнул он. – Все хорошо?

– Я... хм... Почему ты здесь? Разве тебе не нужно быть на работе?

– Принес нам завтрак. Извини, что пришлось рано исчезнуть. Я мог бы привезти свою одежду, но, знаешь... я не хотел ничего форсировать и не собираюсь... У меня дежурство, но мы только что доставили пациента в вашу больницу, я заскучал по тебе и... – сбивчиво бормотал Джош. Вдруг, увидев выражение моего лица, он сам переменился в лице: – Что такое, Эйвери? Что-то не так?

– Все нормально. – Я попыталась улыбнуться, но вышло неубедительно.

– Давай поговорим.

Проканировав меня всю от подбородка до лодыжек и обратно, глаза Джоша остановились на моих мокрых волосах, с которых по рукам стекала вода. Он наклонился вбок, заглядывая внутрь квартиры. Напрягся, обозначились желваки.

– Все нормально, правда. У меня просто голова болит.

– Эйвери. Впусти меня.

Я открыла замок до конца. Джош тут же распахнул дверь и огляделся. Пройдя мимо меня, он заглянул в спальню, потом в ванную и, вернувшись в гостиную, споткнулся о коврик перед диваном.

– Что ты ищешь?

Он чуть заметно дрожал. Его ноздри раздувались, глаза смотрели дико.

– Ты сердишься? – спросила я.

Джош отвернулся, сжав зубы. Не раздумывая, я сдернула с шеи цепочку, которую он мне подарил, и протянула ему. Он разинул рот: можно было подумать, я ударила его по лицу.

– Эйвери, погоди секунду. Давай притормозим и все обдумаем.

Я упрямо выгнула бровь, продолжая держать монету на цепочке в нескольких дюймах от его груди.

– Ты надо мной изdevаешься, да? – спросил он, впиваясь в меня взглядом.

– Прошу, – спокойно сказала я. – Так просто ты от меня не отdevаешься. – Я приподнялась на носочки, набросила цепочку ему на шею и встала, подбоченившись. – За этот пенсовик я хочу узнать твои мысли.

Положив маленькую медную монетку на свою большую ладонь, Джош молча на нее посмотрел. Тень улыбки появилась на его губах и тут же исчезла. Он вздохнул, признавая поражение, но битва еще только началась.

– Я подумал...

– Что ты подумал?

– Нет ли здесь кого-нибудь...

– Что?! – взвизгнула я.

С момента его ухода в квартире ничего не изменилось, не считая меня самой. И как такое могло прийти ему в голову? Платье, которое он с меня снял, до сих пор свисало с деревянного кофейного столика, кружевной лифчик валялся на пороге ванной, а трусы – где-то в простынях.

Джош выдохнул, стараясь успокоиться:

– Ты выглянула из-за двери через щелку, а потом оставила меня стоять в коридоре, как будто я человек с улицы, которого небезопасно впускать. Ты нервная и ведешь себя странно. Что еще я мог подумать?

Он повысил голос. С каждым словом его раздражение нарастало.

– По-твоему, в моей квартире кто-то мог быть наутро после того, как мы... Ты это *серъезно*?

У меня подвело живот. Видно, какая-то девушка с ним так поступила. Теперь он был бдителен и оделся в броню, которую я лишь слегка поцарапала. Его глаза расширились: наверное, он понял, что я о многом догадалась.

– Ну ладно. – Джош протянул мне стаканы с кофе. – Давай начнем сначала. – (Я скрестила руки под грудью.) – Эйвери, что с тобой происходит? Это из-за ночи? Ты не уверена... во *мне*?

Я покачала головой и выставила ладони вперед:

– Прекрати.

Джош посмотрел на часы и вздохнул, издав грудной звук, похожий на рычание.

– Мне пора идти. Пожалуйста, скажи, что не так. А то я весь день буду сходить с ума.

– Из-за чего? – Я уронила руки и раздраженно застонала.

Он наморщил нос:

– Что?

– Из-за чего тебе волноваться?

На лице Джоша выразилось такое напряжение, будто я разговаривала с ним на иностранном языке:

– Эйвери, какого черта?

– Ты изменился.

– Ты тоже! – рявкнул он в ответ.

– Но ты... Я ведь встречалась с молодыми людьми и раньше... Ты...

Он спросил, прищурившись:

– Когда?

– Джош Эйвери, – обиженно нахмурилась я, – я родилась не в день первой встречи с тобой.

– Не говори ерунды!

– Если что-то в тебе изменилось, то точно не твоя самонадеянность.

– Такой ты еще ни с кем не была. Я это знаю. И ты знаешь. Перестань морочить мне голову. Что, черт возьми, с тобой творится? Я в игры не играл, все выложил как есть, а ты теперь... Эйвери, что ты делаешь? Хочешь меня оттолкнуть?

– Нет. – Слезы уже начинали жечь мне глаза. С каждым его новым словом в груди становилось теснее. – Подумай сам. Почему ты так легко на это идешь? Почему со мной ты стал вести себя совершенно не так, как с другими? У тебя что, озарение свыше?

– Да, черт подери, озарение! – прокричал Джош. – Ты-то чем недовольна?

Я слогнула. На языке вертелся вопрос, но я боялась, что, произнеся его вслух, разрушу свой сон.

– Все это произошло с тобой из-за аварии? – все-таки спросила я. – Из-за того, что ты видел меня, когда мне нужна была помощь?

– Да, – ответил он, не колеблясь.

Я охнула: эта реакция была непроизвольной, как коленный рефлекс. От такого признания мне стало даже больнее, чем было в момент той аварии, с которой начались наши отношения.

– Эйвери! – Джош поставил кофейные стаканы на столик. – Таким засранцам, как я, иногда везет: некоторые из нас просыпаются. Я проснулся, когда взял тебя на руки после аварии. Дело не в том, что я тебя пожалел или возомнил себя божеством. – Он усмехнулся. – Я каждый раз умоляю тебя о новом свидании и стою у тебя под дверью с кофе в руках, потому что изменился. А изменился я потому, что не хочу быть тем, за кого ты меня принимала.

– Ты не засранец, – пробормотала я.

– Я был им, но изменился, причем резко. Не спорю. Надо было начать меняться раньше. Много времени ушло впустую, и я понял это, когда чуть не потерял тебя.

Я прикусила губу, ожидая, что он придет к другому заключению. Все было слишком реально, происходило слишком быстро, и я боялась отдать сердце тому, кто знает, как его разбить.

– Эйвери, детка. – Он опять посмотрел на часы, и его подбородок дрогнул. – Мне пора на работу.

– Хорошо, – кивнула я. – Не надо было мне начинать этот разговор.

– Скажи мне, что с тобой все в порядке. Что с нами все в порядке.

Я еще раз кивнула. Он подошел ближе и привлек меня к себе. Как только я вдохнула его запах, мне полегчало. Это была не игра, не борьба, не психологическая травма. Он действительно беспокоился обо мне, и я очень хотела верить, что достойна чьей-то заботы.

– Подожди до вечера. – Джош поцеловал меня в висок. – Я приду, и мы договорим.

– Со мной действительно все в порядке, – ответила я, чувствуя себя глупо. – Просто что-то нашло.

Джош запустил руку в мои мокрые волосы и, когда я подняла глаза, запечатал мне рот долгим настойчивым поцелуем. Отстраняясь, он прикусил мою нижнюю губу. На коже остался след.

– Увидимся через восемь часов. – Джош, еще не остывший после нашего спора и поцелуя, взял свою чашку, вышел и захлопнул за собой дверь.

Я закрыла задвижку и, пятясь, вернулась в гостиную.

– Обалдеть! – выдохнула я, наткнувшись голыми икрами на кофейный столик.

* * *

Меня накрыло. Я чувствовала это, когда слонялась по квартире и покупала еду в ресторанчике «Джей-Вок». Это чувство сидело на пустом стуле напротив меня, когда я доедала свою жареную курицу с рисовой лапшой в комнате отдыха. Я наполнялась этим с каждым кусочком пищи, с каждым глотком воды, с каждым входящим или выходящим человеком. Я запала на Джоша Эйвери – Мак-Бабника, парамедика, которого невозможно приручить.

– Я тебя люблю, но ты дура, – сказала Деб, сидя передо мной и облизывая жирные пальцы. – Да-да, я имею в виду Джоша.

– Он не глупый.

– Конечно. Вкус на женщин у него есть. По крайней мере, с прошлого месяца появился. А то чертова Эштон была небось, как кошачье дермо под соусом из грибковой слизи.

Я подавила рвотный позыв, подступивший к горлу при мысли о подобном блюде.

– Деб, как тебя терпят люди, не работающие медсестрами? По-моему, твое общество может выдержать только тот, кто способен одной рукой убирать говно, а другой держать блевотный пакетик.

– Так ты это умеешь, – ответила она, кусая чизбургер.

Я закатила глаза и швырнула в нее упаковку соевого соуса:

– Все, ухожу.

– Перерыв еще не закончился! – прокричала Деб мне вслед.

Покинув комнату отдыха, я прошла по коридору и нажала на кнопку лифта. Он открылся. В кабине мне составил компанию нервный папаша с новехоньким детским автомобильным креслицем в руках.

– Забираете малыша домой? – спросила я.

– Ага, – широко улыбнулся он.

Я посмотрела на креслице: оно было бежево-коричневое. По расцветке пол ребенка не угадаешь.

– Мальчик или девочка?

– Девочка, – сказал он, не переставая улыбаться.

– Поздравляю.

Лифт подъехал к родильному отделению и раскрыл двери. Я пропустила счастливого папашу вперед, потом вышла сама и остановилась у широких окон палаты новорожденных. Больше половины кроваток было занято.

В коридоре показался яркий халат медсестры Джорджии. Ее темно-русый конский хвостик растрепался, покрасневшие глаза смотрели устало.

– У вас почти аншлаг? – спросила я.

— Это еще что! — произнесла она так, как говорят на берегах Миссисипи. — Сегодня полнолуние. Заскучаешь в неотложке — приходи сюда. Я покажу тебе настоящую запару.

Я усмехнулась. Она подмигнула мне и, шурша халатом, направилась в родильную палату.

— Милые, правда? — вдруг раздался у меня за спиной голос доктора Розенберга. — Я часто сюда прихожу, чтобы сосредоточиться и получить положительный заряд.

— А я просто спасаюсь от Деб, — пошутила я.

Он рассмеялся:

— Что-то вас в последнее время не видно в баре. Заняты, наверное?

— Занята, — сказала я, с улыбкой глядя через стекло.

Малыши и правда были милые, но думала я не о них, а о Джоше.

Вдруг я посерезнела и подняла глаза на доктора:

— А вы теперь завсегдатай «Дыры на углу»? Давно?

— С тех пор, как стал реже вас видеть.

Я улыбнулась, приподняв краешки плотно сжатых губ:

— Да. Вечерами я действительно занята.

— И как успехи?

Я не хотела вздыхать, но вздохнула. Меня прорвало, и я не смогла остановиться даже тогда, когда вежливое лицо доктора озадаченно вытянулось.

— Ну что ж, отлично, — сказал он так, как разговаривал с Деб и другими медсестрами, если они пытались с ним поболтать. — Желаю вам всяческого счастья.

— Всяческого счастья? — повторила я с нескрываемым отвращением.

В глазах Розенберга снова мелькнула искра.

— Я это к тому, что вы не воспользовались моим советом, а значит, вряд ли будете помнить о нем в дальнейшем.

— Вы о чем? О каком совете?

— О совете держаться подальше от Джоша Эйвери. Общение с ним не сулит вам ничего хорошего. — Огляделвшись по сторонам, доктор ласково взял меня за руку и завел за угол: — Все-таки позвольте мне сказать. Ведь раньше мы были друзьями.

— Разве?

— Я думал, что да. — Он как будто обиделся.

Розенберг дотронул кончиками пальцев до моего лица. Я отстранилась и посмотрела вокруг: в десяти футах от нас стоял Джош. В его глазах горела убийственная ярость. Я, вздрогнув, попятилась:

– Вы видели, что он здесь!

– Конечно нет, – сказал доктор Розенберг. – Здравствуйте, Джош.

Тот ответил кивком. Доктор буркнул: «Извините, мне пора» – и направился к лифту. Когда Джош подошел, я ткнула пальцем туда, где секундой раньше стоял Розенберг:

– Ничего не было. Доктор действительно вел себя странно, но я не... – Подбирай слова, я заметила, что Джош сжал зубы. – Я догадываюсь, как это выглядело со стороны.

– Ну и как же? – процидил он наконец, с трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться.

– Понимаю, ты сердишься. Но я на работе, а Розенберг мой начальник.

Джош сунул руки в карманы и пожал плечами:

– Эйвери, что, черт возьми, это значит?

– Не надо повышать на меня голос! – прошипела я, подавшись к нему, и попыталась уйти, но он поймал меня за руку.

Я повертела головой, проверяя, не было ли у этой сцены свидетелей, и снова посмотрела на Джоша:

– Пусти меня, пока нас кто-нибудь не увидел.

– Ты по-прежнему влюблена в него?

Я разинула рот:

– Никогда я не была в него влюблена! Он женат. За кого ты меня принимаешь?

Джош нахмурился:

– Хватит, малыш, открай наконец глаза: он тебя хочет.

Я опять огляделась, прежде чем ответить:

– А даже если так, что с того? Раз красавец-доктор, от которого без ума все медсестры, мной заинтересовался, я, по-твоему, должна немедленно брякнуться на спину? Зря ты так мало мне доверяешь, Джош. Если я на тебя запала, это еще не значит, что я наивная дурочка.

Он заморгал, не зная, чувствовать себя польщенным или обиженным:

– Как это понимать?

– Понимай, как хочешь. Мой перерыв закончился.

– Я провожу тебя вниз.

– Там ты можешь столкнуться с доктором Розенбергом, а тебе, пожалуй, лучше держаться от него подальше.

– Для него это точно будет лучше, он возражать не станет.

– Нравится тебе или нет, но я с ним работаю. Научись мне доверять.

– Тебе-то я доверяю, а вот ему – нет.

– Джош, – сказала я предостерегающе, – я люблю свою работу. А ты,

если не можешь отбросить эмоции, лучше не приближайся к доктору Розенбергу, не создавай мне проблем.

Явно не сумев его убедить, я направилась к лифту. Через несколько секунд Джош обернулся и окликнул меня, но двери уже начали закрываться.

Глава 10

Джош

По пути на работу я чувствовал себя так, будто под кожей кто-то ползает. Нужно было сходить в спортзал, чтобы освободить голову, но времени не хватало. Пропустить дежурство я не мог, а свободные часы казались спущенными в унитаз, если я проводил их не с Эйвери. Бессонные ночи и утренние дежурства грозили меня доконать, но я на это плевал.

После того как мы поговорили о моей сестренке, на душе стало тяжело. Эйвери не закричала и не убежала от меня, но я увидел боль в ее глазах, когда сказал, что несчастье произошло по моей вине. Не знаю, почему она осталась со мной и как меня терпела. Может, причиной был алкоголь. Тогда следовало ожидать, что сегодня Эйвери одумается.

К счастью, мне не пришлось подробно рассказывать о каждой полоске на боку, а то я еще глубже завяз бы в деръме. Обычно женщины думали, будто татуировки я делаю просто для красоты, и мне не приходилось объяснять, что они значат. Ну а если бы кто-нибудь и спросил, я бы все равно не ответил. Эйвери обезоружила меня тем, что не только задала вопрос, но и захотела выслушать ответ.

– Эй, Джош, прием! – Куинн помахал рукой перед моим лицом. Я отбил ее, он усмехнулся: – Хорошо тебя обработала эта девчонка!

Я покачал головой. В этот момент на парковку вышел док Роз. Обходя машину «скорой помощи», я встретился с ним взглядом. Он натянул излюбленную самодовольную улыбочку, а глаза, как всегда, остались холодными. Я кивнул, изо всех сил постаравшись спрятать усмешку.

– Этот тип тебе не нравится, да? Он что, продолжает подкатывать к Эйвери?

Я закрыл задние двери машины и вытер руки о штаны:

– Не знаю. Если и да, то вряд ли она сказала бы мне.

Куинн хохотнул и покачал головой:

– Ее винить нельзя. Придется тебе набраться терпения.

– У него же все есть, – я махнул рукой в сторону доктора, – жена, дети и так далее – американская мечта! Как он может это отбросить?

– Телки – такая вещь... Тебя самого-то вон как перекорежило.

– Не говори так об Эйвери! – угрожающе произнес я, и Куинн поднял

руки.

Я принял разминать шею, пытаясь обуздать свою злобу.

– Потом, с чего ты взял, что американская мечта – это дети? Я бы, например, не хотел, чтобы вокруг меня бегала мелюзга.

– Этого, брат, никто не хочет, – согласился я.

Куинн посмотрел на меня, но через секунду заметил на парковке что-то, заставившее его перевести взгляд:

– Легка на помине!

Я поднял глаза: Эйвери, радостно улыбаясь, шагала к нам с бумажным пакетом в руках. При виде знакомого красного логотипа я почувствовал урчание в животе, но мое внимание быстро переключилось на обтягивающие джинсы и простой белый топ. Я не знал другой женщины, которой удавалось бы так потрясно выглядеть, не прикладывая никаких усилий.

Стерев с лица глупую улыбку, я скрестил руки и прислонился к машине: не хотелось показывать, как я возбужден.

– Подумала, что ты не откажешься поесть. – Эйвери остановилась в нескольких шагах от меня и протянула пакет из ресторана.

Я подошел ближе, обнял ее за талию, привлек к себе и поцеловал. Поднявшись на цыпочки, она приоткрыла губы. Я застонал – до того не хотелось отрываться от нее. За последние дни Эйвери стала мне еще нужнее, чем раньше, и я не знал, нормально ли, что я чувствую себя так, будто у нас осталось мало времени.

– Ты ко мне присоединишься?

– Конечно. – Она широко улыбнулась и кивнула Куинну. – Только схожу поздороваюсь с Деб и выйду. Погода слишком хорошая, чтобы сидеть в помещении. И лето скоро кончится: надо успеть насладиться последними недельками.

– Скажи Деб, что я тоже с удовольствием *поем на свежем воздухе*. – Куинн подмигнул и облизал нижнюю губу. – Она поймет.

Эйвери подавила смешок и направилась к зданию. А я хлопнул Куинна по груди и спросил с досадой:

– Какого черта с тобой сегодня творится?

Куинн рассмеялся:

– Эта девчонка тебя захомутала!

Эйвери исчезла за стеклянными раздвижными дверями своего отделения. Я посмотрел ей вслед и не нашел, что возразить Куинну. Меня самого пугало происходящее, но я не мог остановиться, хотя в глубине души знал: это плохо кончится.

До встречи с Эйвери я совершил ошибки, за которые мне было стыдно. Если бы я рассказал ей о них, она бы смотрела на меня совсем иначе. Рассеянно проведя рукой по ребрам, я вспомнил большую серую дверь, за которой несколько коротких лет назад пряталось мое будущее.

* * *

– Брук! – крикнул я, вбегая в больничный вестибюль.

Я понял, где она, как только увидел у двери Дэниела. Он окинул меня взглядом и с силой толкнул плечом в грудь, не давая войти. Мы с ним дружили, но сейчас я был готов двинуть ему в челюсть, чтобы он убрался с дороги.

– Джош, успокойся, – сказал Дэниел. – Тебе нельзя видеть ее такой. Ей нужно, чтобы ты держал себя в руках.

Я схватил его за воротник:

– Что произошло? Я обещал ей вернуться завтра. Так в чем дело, черт возьми? Я же всего на день уехал!

Я уставился на дверь, зная, что уже поздно. Трясясь всем телом, я рванулся вперед, но Дэниел удержал меня, упервшись рукой мне в грудь:

– Джош, стой. Ты об этом пожалеешь.

Я посмотрел вниз, потом яростно вытаращился на него:

– Ты мне друг, Дэниел, но, если не уберешь руку, я все пальцы тебе, к чертовой матери, переломаю!

Он вздохнул:

– Ты же знаешь, я не могу. Если ты сейчас туда ворвешься, она тебя возненавидит.

– Думаешь, я не знаю, что ты сделал? – процедил я сквозь стиснутые зубы. – И чего ты теперь добиваешься?

Я сделал шаг назад. Вообще-то, одолеть Дэниела было бы нетрудно, но сейчас я чувствовал себя таким опустошенным, что не находил сил для осуществления собственных угроз. К тому же, наверное, я понимал, каковы будут последствия. Непроизвольно я напрягся и потер шею. Наверное, Брук не ошиблась, когда назвала меня эгоистичным ублюдком.

– Ей нужно, чтобы я был рядом.

– Если бы ты был рядом, она бы здесь не оказалась, – ответил Дэниел, как будто плонув.

В одно мгновение я прижал его к стене. Он попытался отпихнуть меня, но я даже не шелохнулся. Невысокая полная женщина в очках на

цепочке тронула мою руку:

– Сэр, если вы не успокоитесь, я попрошу вас уйти.

Я оглядел ее: голубые штаны и блузка, гладкие волосы, собранные в пучок. Мешки под глазами свидетельствовали о многолетнем тяжелом труде. Не хотелось, чтобы из-за меня он стал сегодня еще тяжелее. Эта женщина была медсестрой и просто выполняла свои обязанности.

– Угомонитесь или выйдите, – повторила она, глядя на мои руки, вцепившиеся в Дэниела. Ей полагалось следить за порядком, но угрызения совести, которые читались в моих глазах, явно вызывали у нее сочувствие. – Не вынуждайте меня приглашать охрану.

Я отпустил Дэниела, толкнул его напоследок и, тяжело дыша, отошел.

– Надо было мне выехать раньше, – сказал я, меряя шагами коридор, – не попал бы в пробку.

– Это ничего не изменило бы. Она приняла решение.

Я только что вернулся в колледж из дома. Авария на трассе I-95 на несколько часов меня задержала. Конечно, глупо было отключать телефон, когда Брук была в нескольких милях от меня – испуганная и беременная.

– Я только сегодня утром получил ее сообщение.

Дэниел перестал притворяться, что хочет меня утешить. Он приехал в больницу ради одного: чтобы стать тем плечом, на котором Брук будет плакать, когда уничтожит то единственное, что связывало ее со мной.

– Мы поругались, – сказал я.

– Знаю.

– Еще бы! – огрызнулся я. – Тебе это только на руку, правда? Чтобы она плакалась тебе, какой я эгоистичный козел. Мне надо было навести порядок в голове, Дэниел. – (Он слушал меня вполуха, не спуская глаз с двери, за которой осталась Брук.) – Я знал, что она просто напугана. Знал, что она это не всерьез. Но мне и самому было страшно, – сказал я в никуда. Дэниел повернулся ко мне спиной. – Я боялся не справиться. Боялся, что случится какая-нибудь беда... с ней или с ребенком... из-за меня. Из-за моего прошлого. Я же чертов магнит для несчастий – ты знаешь!

– Какая ирония судьбы! – сказал Дэниел, ничего уже не изображая. – Ты убежал, потому что боялся, как бы с ними не случилось беды. Теперь Брук за той дверью: делает то, чего поклялась не делать. Стоит тебе на секунду отвернуться, и кто-нибудь умирает. Как Кейла.

– Пошел ты! – проговорил я, сползая на корточки, и уронил голову на руки.

Мне вспомнилась ужасная поездка домой. Я хотел передохнуть от Брук и той неразберихи, которую создал. Вместо этого родители весь вечер на меня кричали. Они сказали, что не винят меня в гибели сестры, но мамино дыхание, смешанное с виски, и ее стеклянные глаза говорили об обратном. Я умудрялся рушить все для всех, кто оказывался рядом. Я был проклят.

— Пожалуйста, мне очень нужно ее увидеть, — сказал я медсестре.

Она грустно на меня посмотрела:

— К сожалению, нельзя. Доступ разрешен только родственникам.

Ее горькие слова заглушили шум открывшейся двери. Я вскочил на ноги: появилась Брук. Не так давно мы были совершенно чужими. А в последние два месяца ускоренными темпами пытались узнать друг друга, ведь она сказала мне, что беременна и ребенок мой.

Ее карие глаза покраснели и припухли, платиновые волосы перепутались. Увидев меня, она обхватила живот руками.

— Все? — спросил я, почувствовав, как кровь отхлынула от лица.

Брук кивнула и затряслась в новом приступе рыданий. Я захотел обнять ее, но подумал, что это было бы фамильярностью по отношению к женщине, с которой я всего лишь раз спьяну провел ночь.

— Джош, мне пришлось это сделать. Я не готова стать матерью.

Я кивнул и, сцепив руки за головой, протяжно выдохнул. Сказать хотелось многое: я не понимал, почему Брук повела себя так, почему не дождалась моего ответа, чтобы все со мной обсудить. Но я не сердился. Мы оба очень перепугались, и теперь я не понимал, что чувствую. Так или иначе, она сделала выбор, и ничего уже нельзя было изменить.

Брук бросилась в объятия к Дэниелу. К Дэниелу, не ко мне. А я стоял и беспомощно смотрел. Он заранее позаботился о том, чтобы она стала искать утешения именно у него, и теперь я чувствовал себя ненужным свидетелем семейной сцены. Пожалуй, я действительно не имел права им мешать. После того как я переспал с Брук, Дэниел признался мне, что влюблен в нее со школы. А когда я сказал ему про ребенка, пошел к ней и пообещал быть рядом вне зависимости от моего решения.

Накануне вечером она плакала, и этот звук до сих пор стоял у меня в ушах. Брук заявила, что не знает меня, не доверяет мне и что, пока она сидит дома, беспокоясь о будущем, я занимаюсь копанием в собственных чувствах. Это было правдой, и я не упрекал ее за то, что она сказала это вслух.

У Брук подогнулись колени. Дэниел подхватил ее и стал гладить по голове. Он смотрел на меня, как на непрошеного гостя.

– Брук, мне уйти? – спросил я.

Она повернула голову, не отрывая щеки от плеча Дэниела, и, посмотрев на меня, всхлипнула:

– Ты свободен, Джош. Мы оба свободны.

* * *

Раздвижные двери со свистом открылись, и я быстро поднял глаза: из здания, весело улыбаясь Куинну, выскользнула Деб. Все это время я так крепко сжимал пакетик с едой, что костяшки заболели. Посмотрев на руку, я подумал: «Слава богу, это простой бумажный мешок, а не то, что до сих пор является мне в черно-белых снах».

– Все нормально, старик? – спросил Куинн, встав возле заднего бампера машины.

– Да. – Я снова переключил внимание на Деб: – Где Эйвери?

– Разговаривает с доктором Розенбергом.

Мои ноги сами собой понесли меня через парковку, но, как только я приблизился ко входу, двери распахнулись, и Эйвери, смеясь, вышла мне навстречу. Оглянувшись через плечо, она посмотрела на доктора, который шагал за ней. Его рука касалась ее поясницы, но она либо не замечала этого, либо не возражала.

Увидав меня, Розенберг улыбнулся так, будто поздравил себя с победой. Кровь во мне закипела, и я с огромным трудом сдержался, чтобы не сделать неверного шага, после которого невозможно было бы остановиться. Они разошлись: док Роз направился к своей машине, а Эйвери – ко мне.

– Вот и я, – прошептала она и, привстав на цыпочки, чмокнула меня в губы.

Я понадеялся, что она сделала это специально, чтобы всем показать, кто ей просто друг, а кто не просто. Моя злоба немного улеглась, я обнял Эйвери и, приподняв от земли, поцеловал крепче. Когда я ее опустил, она зарделась. Я усмехнулся.

– Как это понимать? – спросила она.

Я пожал плечами, взглянув поверх ее головы на Розенберга. Он дернул дверцу своей машины и злохнулся в салон, явно раздраженный. *Вот урод!*

– Что это? – Я взглянул на книгу, которую Эйвери сжимала в руках.

– Ах, это Роз дал мне почитать.

– Правда? – Я взял у нее книгу и перевернул, чтобы прочесть

аннотацию на задней стороне обложки. Что ж это за хрень? – Хм... Интересно. Можно, я первый прочту?

- Ты? – Эйвери с подозрением вздернула бровь.
- Думаешь, я свинья безграмотная?
- Нет, просто боюсь, что ты собрался бодаться с доктором.
- Проголодалась? – спросил я.

Эйвери скривила губки, будто решая, стоит ли позволить мне соскочить с неприятной темы или лучше меня дожать. Наконец она кивнула, тряхнув конским хвостиком:

- Умираю от голода.
- Аппетит у тебя просто умопомрачительный!
- Я говорила тебе, что меня заводит, когда ты употребляешь такие длинные слова?
- Кроме слов, я иногда употребляю еще кое-что длинное, – сказал я, передавая ей пакет с едой.

* * *

Долгая смена наконец-то закончилась. Я потянулся со стоном. Не терпелось скорее увидеть Эйвери. Но сначала надо было кое-что уладить. Я бросил взгляд на книгу, уже две недели торчавшую из моего бардачка. Пришла пора вернуть ее доктору Розенбергу. Засранец всеми правдами и неправдами старался подползти к Эйвери поближе, и я уже не мог это молча терпеть. Когда он подошел к ней сзади и схватил за бедра, мне пришлось мобилизовать всю силу воли, чтобы не выкинуть его из комнаты.

В тот раз я сдержался: не хотелось одновременно потерять и работу, и Эйвери. Но если док Роз хотел игры без правил, я готов был принять вызов. Я включил радио и, барабаня пальцами по рулю, поехал по трассе I-95 в северном направлении – к Алапокусу.

Определенного плана я себе не составил. Просто доктору тоже было что терять, и если он об этом забыл, то я собирался напомнить. Несколько недель назад он перестал таскаться за Эйвери и теперь только наслаждался пересудами, которые вызвал. Я всю жизнь имел дело с такими высокомерными паразитами, как он, и готов был поклясться, что не позволю ему разрушить мои отношения с любимой девушки.

Остановившись на обочине и выключив двигатель, я окинул взглядом жилище доктора: это оказалось кирпичное строение в шейкерском стиле^[7] – обыкновенный пенсильванский загородный дом. Я представлял

себе, что Роз живет в викторианском особняке, как те, которые стоят в центре Геттисберга, но, к своему удивлению, увидел нечто гораздо более скромное.

На втором этаже мигнул свет, и я успел заметить в окне силуэт. Весь первый этаж был освещен так, будто в доме вечеринка. Я бы этому порадовался: хотелось навтыкать Розенбергу на глазах у его же богатеньких друзей. «Неслабые у тебя, наверное, счета за электричество», – буркнул я себе под нос и, выйдя из машины, зашагал по широченной подъездной аллее к небольшим воротам. Постучал. Осмотрелся: солнце уже опустилось за крыши домов и в поселке стемнело. Теперь мой визит выглядел еще более зловеще.

Мне открыла женщина в тонком голубом свитере.

– Чем я могу вам помочь? – улыбнулась она, с любопытством глядя на меня.

За ее спиной послышалось жужжание чего-то электрического: на газон выехала девочка-подросток в красном инвалидном кресле. Женщина подвинулась, заслоняя ее от меня.

– Вы заблудились?

Я с усилием сглотнул, уже пожалев, что приехал.

– Пиццу привезли? – Это был глубокий голос Розенberга.

Доктор вышел к воротам и стал рыться в кошельке. Когда он наконец на меня посмотрел, усталость в его глазах сменилась тревогой. Увидев во взгляде соперника испуг, я тут же отбросил сомнения: ублюдок действительно был виноват.

– Здравствуйте, Джош. – Розенберг прокашлялся, чтобы скрыть удивление, и положил руку жене на плечо: – Это ко мне, дорогая. По работе.

Он поцеловал ее в макушку, она скользнула в дом. Девочка поехала за мамой. Док Роз закрыл калитку и, заметив книгу в моей руке, слегка кивнул:

– Не знаю, что Эйвери вам сказала, но она, видимо, неправильно меня поняла.

Я опять сглотнул, избавившись от чувства вины и желания извиниться за непрошеное вторжение.

– А как она должна все это понимать, док? – спросил я, изо всех сил скимая книгу, чтобы не врезать ему по самодовольной физиономии.

– Эйвери – хорошая девушка. Милая и еще очень молодая. Она видит во мне что-то особенное, а не просто человека, который нянчится с больными.

– Вы что, хотите, чтобы я вас *пожалел*? Имейте совесть! Да о такой жизни, как у вас, большинство только мечтает!

Он усмехнулся и покачал головой. Я знал: такие типы, как он, не ждут препятствий на своем пути, но жизнь – жестокая штука, и никогда не угадаешь, откуда нагрянет подвох. Мне это было известно не понаслышке. Плохое иногда случается с хорошими людьми. Бог может нацелить лупу на самого большого из своих муравьев, только чтобы посмотреть, как он корчится.

– Не всегда легко смотреть на вещи оптимистично.

– У вас жена, дети, дом и шестизначная зарплата. Чего еще вы хотите? – спросил я, постаравшись не повысить голос. Доктор посмотрел мне в глаза, и я приосанился. – Не трогайте Эйвери!

– Вы мне угрожаете? – ухмыльнулся он.

– Нет. Потому что с двумя переломанными руками вы будете плохим врачом, – сказал я и, ткнув его книгой в грудь, добавил: – Да, черт возьми, я вам угрожаю.

Еще секунду мы смотрели друг другу в глаза, потом я развернулся и быстро зашагал к машине. Чтобы не потерять рассудок, мне нужно было срочно увидеть Эйвери.

Глава 11

Эйвери

С клена перед домом слетел золотистый лист и упал мне на ботинок. Я поплотнее завернулась в форменный жакет и стала ждать, когда появится машина Джоша. Он закинул меня домой после работы и сказал, что скоро вернется, но его не было уже полчаса.

Начинало темнеть. На нашем крыльце зажгли фонари из тыкв, с деревьев вдоль тротуара свисали пластиковые привидения. На западе собирались вечерние тучи, ветер становился холоднее. Наступал Хеллоуин – один из моих любимых праздников. Но осень в том году была какая-то не такая. Я сама толком не понимала, в чем дело, но в этот раз прохладный воздух и жутковатые украшения не помогли мне избавиться от ощущения, будто время от меня ускользает.

Передо мной остановилась старая машина. Посигналила. На вид она была сильная и злая, салатного цвета с толстой черной полосой на боку – такая яркая, что почти светилась. Вряд ли кто-нибудь мог бы в нее случайно въехать, как в мою «тойоту».

Джош заглушил двигатель и вскочил из салона, улыбаясь от уха до уха:

– Бегает!

Похлопав ладонью черный капот, он вскочил на тротуар, притиснул меня к себе и окинул четырехколесную зверюгу взглядом гордого родителя.

– Классная, – сказала я.

Джош заглянул мне в лицо и нахмурился. Когда я увидела две черточки между его бровей, у меня, как всегда, слегка закружилась голова. В ту пору наших отношений каждая мелочь, которую он делал, казалась мне волшебством и придраться, как правило, было совершенно не к чему. Но сейчас он почему-то смотрел на меня так, будто я отняла у него последнюю любимую печенюшку.

– Классная, и все? Эйвери, она твоя! С меня сто потов сошло, пока я ее для тебя ремонтировал.

– Это мне? – удивилась я.

– Не понимаю, откуда недоверие в голосе, – сказал Джош, все еще хмурясь.

Я подняла руку и разгладила морщинки, которые так любила:

– Ты показывал мне развалюху цвета авокадо. А это – сияющая... хм... Кстати, что это?

– Это, моя недогадливая, но обожаемая леди, – светло-зеленый «додж челленджер» семидесятого года. По-моему, это получше цвета детской неожиданности, в который был выкрашен твой расплющенный «приус». Осталось только придумать красавице имя.

– Но это... это слишком.

Джош взял мое лицо в ладони и поцеловал меня в лоб:

– Любимая! Договорная плата в три девяносто девять плюс безвозмездный труд твоего супермастеровитого бойфренда – и офигенный блестящий «додж» твой.

Я еще раз посмотрела на машину, по-прежнему не вполне веря собственным ушам:

– Перестань. Это не смешно.

– Разве я не обещал тебе, что ко дню рождения у тебя будут колеса?

– Да, но... мой день рождения только на следующей неделе, – пробормотала я, потрясенная и восхищенная.

То, что я подползаю к середине третьего десятка жизни, меня немножко угнетало, но передо мной стоял Джош с самым шикарным подарком за всю мою жизнь. Это помогало смириться с цифрой «24». Когда я почувствовала в ладони холод ключей, у меня отвисла челюсть.

– О боже... – произнесла я, продолжая таращиться. Наконец я моргнула, и мои руки обвили шею Джоша: – О боже! Так у меня теперь есть машина?

Я чуть отстранилась и заглянула ему в глаза. Он кивнул. Я снова его обняла.

– У меня есть машина! Я все-все тебе верну! До последнего пенни! – Я схватилась за свой амулет-пенсовик. – Я ее обожаю! Обожаю!

– Обожаешь машину? Кажется, я начинаю ревновать, – усмехнулся Джош, и на его щеке, поросшей вечерней щетиной, наметилась складочка.

Я заглянула ему сначала в один глаз, потом во второй, как делают девушки в фильмах. Трудно было выбрать, кому глазу сказать правду. Хотелось смотреть сразу в оба.

– Не ревнуй. Тебя я люблю дольше, чем эту машину.

Джош хохотнул, но ничего не ответил, ожидая, что я скажу: «Шутка». Чем дольше он молчал, тем сильнее я нервничала. Прошло несколько секунд, прежде чем он сощурился и, повернув голову, выставил вперед ухо:

– Ты меня любишь?

Я съежилась, потому что не знала, какой ответ он посчитает

правильным:

– Да...

Джош глубоко вздохнул, а потом вдруг разразился смехом. Его руки обхватили меня, он зарылся лицом мне в шею и, не отнимая от нее губ, пробормотал:

– Дай я подержу тебя минутку. Это... это для меня новость!

– Я на тебя не давлю. Можешь не отвечать.

Он посмотрел на меня:

– *Не отвечать?*

– То есть не говорить мне того же самого. – Я покачала головой. Меня начинало мутить. – Ты понимаешь, о чем я.

Джош поцеловал меня раз, потом другой, и его легкие медленные поцелуи что-то значили.

– Эйвери, я говорил это тебе постоянно. Просто ты не слушала.

Я подняла на него глаза, не в силах сдерживать глупую улыбку. Быть влюбленной гораздо проще, когда ты ничего из себя не изображаешь, не боишься, что тебя осудят или отвергнут.

– Хочешь обкатать? – спросил Джош, отпуская меня.

Звякнули ключи. Их было два: один побольше и поновее, серебристый, и маленький старый, желтого цвета.

– А этот от чего?

Джош почесал затылок, как часто делал, если нервничал:

– Я... хм... подумал, что ты могла бы приходить ко мне в квартиру, когда захочешь. Уверен, Декс был бы рад видеть тебя почаше. Да и вообще, колечко с одним ключом выглядело бы глупо.

– Ты даешь мне ключ от своей квартиры?

Он беспокойно переступил с ноги на ногу:

– Ну... да.

– Чтобы твой пес не скучал и чтобы ключ от машины не болтался на кольце один?

– Нет. – Он взял мои руки в свои. – Потому что я хочу, чтобы он у тебя был. Это как бы... Следующая ступенька, что ли. Раньше я думал, мы стремимся именно к ней.

– К этой ступеньке?

Джош отпустил меня и покачал головой:

– Нет, теперь мне это кажется глупым. Все не так, как я ожидал.

Я повертела ключи в руках, глядя, как металл отражает солнечные лучи:

– Мне еще никто никогда не дарил таких потрясающих подарков.

Джош просиял:

– Я рад, что тебе понравилось. Сначала я боялся не справиться с колымагой, но потом все-таки добился своего. – Он выпрямился: – Вещей, которых я не мог бы починить, не так-то много.

Я схватила его за рубашку. Она была голубая, на пуговицах, с короткими рукавами, из-под которых выглядывали длинные рукава белой термофутболки. Осознавая, насколько странно, что меня заводит такой простой предмет гардероба, я потащила Джоша к дому.

По его лицу расплылась хитрая улыбка.

– Детка, но мы ведь через полчаса встречаемся с Куинном и Деб.

– Ага, – сказала я, пялясь.

Продолжая идти задом наперед, я поднялась на одну ступеньку, потом на следующую и так далее. Когда я дотянулась до двери и открыла ее, Джош взялся за косяк:

– Эйвери, – мягко начал он, но замолчал, когда я закрыла ему рот своими губами.

Я дернула его за руку, и мы, войдя в подъезд, поднялись по лестнице. Рубашка на нем была уже расстегнута, а как только моя спина уперлась в дверную панель, я потянула вверх белую футболку. Джош улыбнулся, не прерывая поцелуя, взял у меня ключи и завел руку мне за поясницу, чтобы открыть замок. Потом приподнял меня и, когда я обхватила его ногами, занес в квартиру. Дверь громко захлопнулась, мы повалились на пол, яростно дергая друг на друге одежду. Моя кожа загорелась, когда Джош небрежно и резко стянул с меня джинсы. Это нравилось мне в нем больше всего: он никогда не сдерживал эмоций. Все чувства, которые он выказывал, включая страсть, были сильными и свежими.

Я одним движением сняла с себя форменную блузу. Теряться в его объятиях – в последнее время это стало моим любимым занятием. Не тратя времени, Джош сдернул с меня топик на лямках и взял холодной рукой мою левую грудь. Дрожащими пальцами я принялась искать пуговицу его джинсов: мне не терпелось, чтобы он скорее избавился от сковывающей одежды. Но едва я нашупала металлический кругляшок, Джош накрыл мою руку своей:

– Погоди, детка...

Он прижал губы к моей щеке и стал спускаться вниз, целуя шею. Я нетерпеливо застонала, он усмехнулся, пощекотав мне кожу.

– Ты что, садист? – спросила я полуслышащим полусерьезно.

Джош посмотрел на меня и невинно улыбнулся, углубив ямочки у рта, а потом вытянул шею и чмокнул кончик моего носа.

— Эйвери, — прошептал он мне в щеку, — я хочу сделать с тобой то, чего еще никогда не делал.

Я сглотнула, подумав о вещах, которые были бы мне неприятны:

— Например?

Он нахмурился, приподнявшись надо мной на вытянутых руках:

— Ты хочешь, чтобы мы сначала это обсудили?

— Да, — быстро ответила я. — Мне немного неспокойно. Вещей, которых мы не делали, не очень-то много.

Он на секунду отвернулся, коснувшись подбородком плеча, и, подумав, снова посмотрел на меня:

— Я хочу никуда не торопиться. Хочу заниматься с тобой любовью, глядя тебе в глаза.

— Здорово, — искренне сказала я и тронула его лицо. — Но может, не сейчас? — Он поморщился, явно раздосадованный. Я просунула руку к нему в джинсы. Он задержал дыхание. — Мне нужно, чтобы ты вошел внутрь меня. Давай попробуем сделать это медленно в другой раз, когда я буду не так сильно гореть.

— Эйвери, — произнес он, затрудненно дыша.

Я осторожно сжала руку:

— Пожалуйста!

Скривив губы в хитрой усмешке, он приподнялся. Его крепкие пальцы схватили меня за бедра с такой силой, что наверняка останутся синяки. Одним быстрым движением он перевернул меня на живот: теперь мои колени упирались в толстый серый коврик, а ладони лежали на деревянном полу.

Деревья за моими замерзшими окнами давно сбросили листву и выстлали ею землю, но в квартире был разгар лета. Руки, прижатые к доскам, стали мокрыми, капли пота выступили на лбу у волос.

Лязгнули зубы молнии. Джош поддел мои трусы и разорвал их, а потом снова взял меня за бедра и подвинул к себе, так что я вся оказалась на коврике. Его пальцы пробежали снизу вверх по моему позвоночнику. Когда он нажал мне между лопаток, я опустила щеку на мягкий ворс.

Теплое тело Джоша накрыло мое. Почувствовав кожей спины скользящий поцелуй, я нетерпеливо вцепилась в коврик и с силой закусила губу, чтобы не закричать. Когда Джош опустился на меня животом и грудью, я подумала, что сейчас он в меня войдет, но вместо этого он легко коснулся губами моего уха.

Чем острее я ощущала потребность в его прикосновениях, тем труднее мне было дышать. Внутри все болело. Наконец я почувствовала, что не

могу больше терпеть, и сама рванулась к нему. Он едва успел отслониться.

– Боже, Джош, пожалуйста!

– Ты так сильно этого хочешь, детка? – Он щекотнул мне ухо своим дыханием, и по моему телу, которое он крепко сжимал, забегали мурashki.

– Да, – простонала я, снова толкнувшись.

– Тогда скажи мне.

– Я хочу тебя.

– Только меня?

– Конечно, только тебя, – сердито фыркнула я.

Джош, смеясь, поцеловал меня в щеку:

– Эйвери, скажи еще раз. Скажи, что любишь меня.

Я повернула голову и посмотрела на него. Он убрал мои растрепавшиеся волосы с лица на спину и поцеловал меня в обнаженное плечо, терпеливо ожидая ответа. Теперь, когда я была абсолютно беззащитна, ему хотелось видеть, как я скажу важные для него слова. И я сказала их, не сомневаясь:

– Джош, я люблю тебя.

Стиснув меня еще крепче, он быстро и до конца вжался внутрь. Я вскрикнула, думая, что он отстранился и толкнется опять. Но он одной рукой провел по моей спине, а другой сжал мне бедро, оставаясь погруженным в меня и наслаждаясь этим. Только через несколько секунд он задвигался – медленно и осторожно.

– Мне нравится, как мы с тобой совпадаем. – Толкаясь вперед, Джош целовал меня между лопаток. – Мне нравится, как твое тело вторит моему. – Он отстранился и медленно в меня вошел. Я заскулила, выгнув спину. Джош лизнул мою кожу под ухом и сделал новое, более быстрое движение. – Мне нравится, как ты кричишь и хнычешь, когда мы занимаемся любовью.

В его голосе слышалось напряжение. Не я одна испытывала приятные мучения. Сбившись с дыхания, Джош застонал. Он был на пределе.

– Что еще? – пропыхтела я, ритмично покачиваясь вместе с ним.

– Ты, Эйвери, – выдохнул он. – Я люблю тебя… Черт возьми, я так тебя люблю!

Прежде чем я успела бы возразить, Джош перевернулся на спину и снова подался вперед. Поднеся руку к моей щеке, он посмотрел мне в глаза, а потом наклонил голову и с силой прижался губами к моим губам. Казалось, этот поцелуй совершенно поглотил его.

Когда Джош, перестав дрожать, отстранился, на его лице была усталая улыбка. Он еще раз поцеловал меня и, продолжая смотреть мне в глаза,

опять в меня вошел. Подцепив одной рукой мое колено, он напрягся и вжался глубже. Его бедра совершили кругообразные движения. Чувствительные участки моей кожи заныли от желания. Я невольно закатила глаза и вздохнула:

– Как мне хорошо...

При таком темпе я не могла испытать оргазм быстро, но я чувствовала, как внутри постепенно закипает что-то, с чем я, может быть, не смогу совладать.

Джош трогал языком и губами мою шею, целовал мой рот. Я сцепила ноги у него на пояснице, позволив ему войти еще глубже, и он простонал:

– Черт, кажется, я сейчас кончу еще раз.

Разгоряченная этими словами, я дернулась и крепче обняла его, чтобы он задвигался быстрее и резче. Мы одновременно вскрикнули.

Немного успокоившись, Джош поднял брови и, тяжело дыша, сказал:

– Офигеть! Такого у меня еще не было!

На меня нахлынули эмоции, и я закрыла лицо руками. После лучшего секса в моей жизни мне захотелось плакать. Было стыдно, но сдержаться я не смогла.

– Эйвери?

Я покачала головой, чувствуя, как по вискам льются горячие слезы.

– Детка, – Джош отнял мои руки от лица, – что случилось?

– Ничего. Пожалуйста, не обращай внимания. Я такая глупая!

Он поцеловал костяшки моих пальцев:

– Скажи мне.

– Ты когда-нибудь был так счастлив, что не знал, смеяться тебе или плакать?

Он покачал головой и спросил:

– А у тебя когда-нибудь было что-нибудь настолько прекрасное, что ты боялась это потерять?

Я кивнула и всхлипнула. Слова Джоша выразили мои чувства, которых я сама не смогла объяснить.

– Я никуда не уйду, – сказал он, большим пальцем вытирая мои слезы.

Почувствовав его руку в своей, я вдруг вспомнила аварию:

– Ты говорил это до... нет, после столкновения.

Джош на секунду задумался, а потом тихо усмехнулся:

– Ну вот видишь! Я держу слово.

– Даже если тогда ты не знал, что оно означает?

– Я знал. – Он наклонился и поцеловал меня в губы. – И сейчас готов это повторить.

Я улыбнулась:

– Ты не первый, кто обещает женщине ошиваться возле нее. Но иногда, хочешь ты этого или нет, приходится отпускать людей.

– Только не мне. – Джош указал на фотографию, стоявшую в рамке у меня на прикроватной тумбочке: – Почему ты о них никогда не говоришь? Вы созваниваетесь?

Я всерьез задумалась, прежде чем ответить. Отдать другому человеку часть себя – не то же самое, что подарить ему машину и дать ключи от своего дома. Это еще более решительный шаг.

– Папа вез нас с мамой в ресторан, чтобы отпраздновать мой выпускной. Мы смеялись, говорили о будущем. А потом что-то ярко вспыхнуло. Больше я ничего не помню.

Джош склонил голову, нахмурил брови:

– Ты сильно пострадала?

– Сотрясение. Пробыла без сознания минут двадцать.

Видя, как он огорчен, я дотронулась до его лица:

– Ну что ты?

– Я представил тебя после аварии одну с... с родителями.

– Их выбросило на дорогу. Мама умерла сразу же, папа вскоре. Я увидела их, только когда пожарные вытащили меня из машины.

– Не буду говорить, что ты везучая, но...

– Вот и правильно. Не надо. Терпеть не могу, когда мне такое говорят.

Он поцеловал меня в лоб:

– Ладно. Тогда скажу, что повезло *мне*. Ты выжила. Дважды. И ты здесь.

Я закусила губу:

– Не обязательно постоянно говорить все эти прекрасные слова. Просто оставайся рядом.

Он внимательно посмотрел на мое лицо, как будто хотел собрать по кусочкам все, что было разбито.

– Я буду делать и то и другое.

* * *

– С днем рождения тебя! – пропела Деб, протягивая мне крошечный тортик, покрытый розовой глазурью.

Я понюхала его:

– Песочный с клубникой?

– Как ты любишь! – подмигнула она.

– Спасибо, Деб.

Я остановилась посреди коридора и зажмурилась.

– Что такое? – насторожилась Деб.

– Мне придется либо пользоваться прокладками, либо носить с собой запасные трусы.

– Это тебе подарок от Джоша? – сморщилась она. – Может, хватит уже служить ему контейнером для спермы?

– Вообще-то, он подарил мне шарфик и брелок-сердечко. Принес завтрак в постель, – обиженно сказала я. – А две недели назад, между прочим, ты больше всего желала слушать интимные подробности.

– Это потому что я спала одна. А теперь у меня свои сексапады, так что спасибо тебе большое.

Я направила на нее указательный палец:

– Ты и Куинн? И с каких пор?

– С того одного раза.

– С одного раза... – повторила я.

– Чувствуешь?

– Что?

– Что ты завидуешь моей потрясающей регулярной половой жизни. О'кей. Продолжай в том же духе. Мне это даже приятно.

– Я... э... пошла на четвертый этаж.

Деб посмотрела на меня с отвращением:

– Думаю, в родильном отделении ты отлично покайфуешь. Особенно если учесть твою ненависть к детям.

– Нет у меня к ним ненависти. Глядя на них, я даже вроде как успокаиваюсь. Гадаю, кем они станут, когда вырастут, и какие проживут жизни.

– Ну ты и странная! – сказала Деб и направилась в приемную.

Я подошла к лифту и нажала кнопку. Доктор Розенберг был уже в кабине. От его высокой термокружки с кофе шел пар, и он разгонял его, размахивая пачкой документов. Как только мы встретились взглядами, он смущился и шагнул в сторону, освобождая для меня пространство.

– Доктор, – сказала я. Он кивнул, притворившись, что просматривает свои бумаги. – Все в порядке?

– Да, конечно.

Он продолжал глядеть в документы, но не читал их: они были перевернуты вверх ногами.

– Я вас чем-то расстроила? – спросила я, прокручивая в голове

варианты.

Может, он сердится из-за того, что мы с Джошем продолжаем встречаться? Или утром я что-то не так сделала, когда у пациента остановилось сердце? Больше ничего в голову не приходило.

– Рид? – тихо добавила я.

Он посмотрел на меня. В этот момент лифт звякнул и двери открылись. Выйдя в коридор, доктор Розенберг остановился у стеклянной стены детской палаты. Там никого не было, кроме новорожденных, которые размахивали ручками или спали.

– Я хотел бы вам кое-что сказать, но не знаю, стоит ли.

– Это личное?

– Да. Это касается Джоша.

Я вздохнула:

– Доктор...

– Эйвери, он приезжал ко мне домой. Сказал, чтобы я держался от вас подальше.

Я резко повернула голову: Розенберг продолжал смотреть на детей. Его лицо было так безучастно, как будто он говорил со мной о погоде.

– Вы лжете!

Я сразу ощутила жгучее желание оправдать Джоша и даже не попыталась смягчить тон.

– Спросите мою жену. Или дочь. Они ему открыли.

Я заморгала и тоже неподвижно уставилась за стекло, чувствуя себя глупо. Внутри бурлило столько всего, что я не могла проанализировать свои чувства. В горле образовался ком.

– Мне очень жаль, – с трудом выговорила я.

– Я должен держаться от вас подальше, но, поскольку вы мне небезразличны, скажу вам это в последний раз: Джош стал опасен. Он непредсказуем, эмоционально незрел, у него ярко выражен собственнический инстинкт. Если вы позволите ему продолжать в том же духе, эта смесь может оказаться взрывоопасной. Понимаете меня?

Я кивнула, не сумев заставить себя взглянуть доктору в глаза. Мои щеки вспыхнули.

– Со мной он не такой, он...

– Они всегда не такие, пока такими не станут. Вы не хуже меня знаете, что это процесс. Мы каждый день видим примеры у нас в отделении. Думаете, женщины, которые поступают к нам с травмами, избивают на первом свидании? Думаете, мужья сразу же начинают мешать женам общаться с близкими и друзьями? Вам известно, как это бывает. И вы

слишком умны, чтобы дать себя в обиду. Больше всего я жалею, что ничем не могу вам помочь. У меня семья, о которой я должен заботиться. И Джош сделал все, чтобы я не смог поддерживать с вами дружеские отношения. – Доктор повернулся и грустно на меня посмотрел. – Желаю вам всего наилучшего. Это искренне. Удачи вам.

Я хотела ему сказать, что он ошибается, но его слова не были лишены здравого смысла. Я не могла спорить и в глубине души спрашивала себя: «А вдруг это правда?»

– Спасибо, – промямлила я.

Доктор Розенберг зашагал по коридору, как будто ничего не произошло. Как будто он только что не вырвал из груди мое сердце.

Глава 12

Джош

Захлопнув за собой дверь моей квартиры и шмякнув ключ на столешницу, Эйвери посмотрела на меня расширившимися глазами, полными огня. Я в то время готовил мясной рулет по рецепту матери Куинна – Эйвери попросила. Торт был уже готов и даже кое-как покрыт глазурью. Получилось не идеально, но настоящий именинnyй песочный пирог с клубникой в магазине не купишь, поэтому пришлось выяснить в Интернете, как такой испечь. Я прикрыл свое творение чистым полотенцем.

– Был неудачный день, детка? – Я бросил прихватку на стол и, прислонившись к обшарпанной пластиковой панели, сложил руки.

– Как посмотреть. Может, по-твоему, унижение – это удача, Джош?

Я отвел взгляд, пытаясь сообразить, что этот вопрос означает на женском языке.

– Э... Нет.

– Но, видно, ты не принял этого во внимание, когда заявился в дом к доктору Розенбергу?

– Черт!

Я потер скавшиеся челюсти и подумал: «Убью гада!»

– То есть мы начинаем друг другу лгать?

– Я тебе не лгал.

– Ты намеренно скрыл от меня правду. Умолчание – тоже ложь.

– По крайней мере, я не хотел, чтобы ты узнала об этом сегодня. – Я вытер руку и потянулся к ней. – Все не так плохо, как ты могла подумать. Я завез ему книгу, и мы немного поболтали. Вот и все. Я не предполагал, что он окажется слюнтяем и побежит жаловаться. Да еще и в твой день рождения.

Эйвери скрестила руки на груди. Я приготовился к бою, но она не нападала, а только смотрела на меня, и в глазах ее читалось разочарование.

– Послушай, – сказал я, подойдя к ней, – если хочешь, я с ним поговорю.

– Ты уже поговорил. Или ты имеешь в виду, что извинишься?

Я стиснул зубы, чтобы не произнести слов, которые вертелись у меня на языке.

– Нет.

– *Нет?!* – Она сердито на меня посмотрела и отдернула руки.

– Я борюсь за то, что мы имеем, и не намерен за это извиняться.

– За то, что ты действительно имеешь, тебе бы и бороться не пришлось, – парировала она, закипая. – Господи, Джош, мы уже об этом говорили!

Я не собирался выбрасывать белый флаг из-за такой ерунды. Я ведь только защитил наши отношения, дав Розенбергу понять, что не позволю ему их разрушить. Эйвери потопала в гостиную, я за ней.

– Мне жаль, если я тебя огорчил. Ты права: я должен был сам тебе сказать. Но он пересек черту, и я, возможно, оказал ему услугу. Продолжая в том же духе, он мог бы потерять семью.

Эйвери повернулись: в ее глазах блестели слезы, углы рта были опущены. Она всхлипнула:

– Черт! Я тебя защищала, а доктор был прав.

– Что?

– Джош, мы уже не дети. Ты не должен грозиться его избить, если он засмотрелся на твою игрушку.

Мое лицо скривилось от отвращения:

– Эйвери, ты не игрушка, черт побери! Я никогда так к тебе не относился. А он не просто на тебя заглядывался, хотя у него жена и ребенок. Ты бы видела, как он мне лыбился, когда оказывался рядом с тобой! Он думал, это игра. Но я с тобой не играю. Ты дорогой мне человек. Может, он воспринимает семью как нечто само собой разумеющееся, а я так *не могу*!

У Эйвери дрогнула нижняя губа:

– Мне это не нужно.

– Тебе я не нужен. – Я произнес эти слова без эмоций, стараясь оставаться спокойным, но моя ярость все-таки прорвалась наружу: – *Какого черта, Эйвери?* А знаешь что? Пускай. Мое любви к тебе хватит на нас двоих.

– В том-то и проблема, – выпалила она, – ты иррационален. Ты не обдумываешь своих поступков. Мы с тобой вместе недавно, и, похоже, все развивается слишком быстро. Надо притормозить.

Она сняла с шеи монетку на цепочке и, сжав зубы, протянула ее мне. Я почувствовал себя разбитым. Как будто вмиг все потерял.

– Хочешь узнать мои мысли?

– Нет. Не хочу знать ни того, что ты думаешь сейчас, ни даже того, что подумал тогда.

Она положила пенсовик на столешницу. Я покосился на него, как на ядовитую змею.

– Эйвери. – Я сглотнул, борясь с внезапно начавшейся паникой. – Ты не можешь... не можешь сказать мне, что любишь меня, а потом слянить при первой же неприятности.

Эйвери задумалась над моими словами, и я немного расслабился, но она покачала головой и, вытирая щеки внутренней стороной запястья, ответила:

– Тебе ведь нравятся такие девушки, как я? Рассудительные и уважающие себя? Мы поступаем именно так, Джош. Мы обращаем внимание на тревожные сигналы, а ты, черт возьми, огромный красный флаг.

Она развернулась на каблуках и вышла, хлопнув дверью. Прорычав «Черт!» – я опрокинул кофейный столик, бросился навзничь на диван и закрыл лицо руками. Я никогда никого так близко к себе не подпускал, как Эйвери, а теперь потерял ее. Да, заявившись к Розенбергу, я сделал глупость. Потому-то я об этом и промолчал. Но даже если я ошибся, Эйвери не должна вот так меня бросать. «Значит, не любит», – подумал я.

Я поднял перевернутый столик, подобрал цепочку с монеткой. Мне захотелось отвлечься при помощи хозяйственных хлопот, но на каждом шагу попадались вещи, напоминающие об Эйвери. Подушка пахла ее шампунем. В душевой кабине лежала ее бритва, в стакане стояла ее щетка. Даже мыльницу я поменял, потому что Эйвери зеленый цвет нравится больше голубого. Я двигался быстро и с силой нажимал на тряпку, но все без толку. Я не переставал думать о боли, которую видел в ее глазах перед тем, как она ушла, и меня мучили угрызения совести.

Моя квартира стала как никогда чистой и как никогда пустой. Декс принял обнюхивать мои ноги: почувствовал неладное. Я достал телефон из кармана, встал и начал расхаживать по комнате, стараясь не споткнуться о пса, которому не терпелось завладеть моим вниманием. Занеся палец над экраном, я задумался: «Кому позвонить? Если позвоню Эйвери, а она не ответит, я сойду с ума».

Я набрал номер Куинна. Не хотелось оставаться со своими мыслями наедине. После трех гудков он снял трубку.

– Старик, – сказал я и, не переставая ходить туда-сюда, провел рукой по спутанным волосам, – я в полной заднице.

Послышался стон: Куинн спал. Протяжно зевнув, он спросил:

– Что ты на этот раз отмочил, придурок несчастный?

– Эйвери меня бросила. Она бросила меня к чертовой матери!

– Что? – крикнул он.

Рядом с ним недовольно забубнила какая-то женщина.

– Там у тебя Деб?

После короткой потасовки на другом конце линии кристально четко зазвучал голос подруги Эйвери:

– Она самая. Иначе твой приятель был бы полным идиотом, если понимаешь, о чем я.

– Пожалуйста, передай трубку Куинну. – Я прикрыл глаза и постарался говорить тихим ровным голосом.

Деб сердито фыркнула, послышался какой-то шум, после чего телефон снова оказался в руках Куинна.

– Я ездил домой к Розенбергу, – признался я.

Куинн усмехнулся:

– Куда ты ездил? Если я не ослышался, брат, то это слишком тупо даже для тебя.

– Знаю, – сказал я, потирая шею и не переставая мерить шагами комнату. – Но он женат. Мне открыла дверь его чертова жена.

– Боже мой! Джош, посуди сам: семья Розенberга – не твое дело. Я люблю тебя, дружище, но ты перешел черту.

– Это он, чтоб его, перешел черту! – рявкнул я.

– Джош, – спокойно сказал Куинн, – ты просто должен доверять Эйвери, и она сама разберется. Ты не можешь контролировать все.

– Знаю.

Мне не хватало кислорода, и я сел, тяжело дыша. Декс ткнул лапой мою ногу.

– Все наладится, – сказал Куинн. – Она, конечно, сейчас сердится, но потом простит. Вот и Деб кивает. Согласна со мной. Эйвери тебя любит.

– Да? – пробормотал я и закрыл лицо руками, не зная, искренне Куинн говорит или просто меня успокаивает.

– Да, старик. Отдохни пока, а завтра все будет не так уж плохо.

Нажав отбой, я поплелся в спальню и прямо в одежде повалился на кровать. Пружины в матрасе заскрипели, в очередной раз напомнив мне об Эйвери. Там, где я сейчас лежал один, мы недавно лежали вдвоем, обнаженные. Я уставился в потолок, молясь о том, чтобы заснуть. Вдруг я посмотрел через открытую дверь в гостиную, и мой взгляд остановился на запертом шкафчике. Я поклялся себе пить только в компании, для развлечения, но сейчас соблазн налакаться и отрубиться был очень велик.

Я сел. Стрелки часов сошлись на цифре «12». Еще раз взглянув на шкафчик, я достал телефон и набрал номер Эйвери. Через несколько

секунд включился автоответчик. Я оставил сообщение: «Пожалуйста, перезвони мне. Ругаться я не хочу. Я хочу только... хотя бы извиниться. А там уж поступай как знаешь».

Нажав кнопку разъединения, я посмотрел на часы в десятый раз с того момента, когда Эйвери ушла. Мест, куда она могла отправиться в такое время, было немного. Я взял кошелек и отправился в бар. Отзванивать она мне не собиралась, а я не собирался сидеть сложа руки и ждать. Сказав то, что хотел, я бы отпустил ее от себя на большее расстояние, если ей это было нужно, но отстраниться сам я не мог.

Дул морозный ветер, и я поглубже засунул руки в карманы джинсов. К счастью, на мне был растянутый адидасовский джемпер с капюшоном, в котором Эйвери так любила греться вечерами.

Пройдя через двор, я сел в свою машину и подъехал прямо к «Дыре на углу». Двери открылись и закрылись, впустив в помещение холодный ночной воздух. Батарея задребежала, силясь восстановить нормальную температуру. Я принял высматривать в толпе золотисто-медовую голову Эйвери, вспоминая, как мы с ней встретились в этом зале в первый раз. Простояв несколько минут и не найдя ее, я прошел к барной стойке и заказал себе две порции виски с колой.

– Ты грустный, – сказала Джинджер. – Уверен, что тебе стоит пить?

Я на секунду задумался, а потом махнул рукой:

– Лей, не жалей. А то у вас здесь чертова холода.

Народу в баре было немного, но я, по крайней мере, не сидел один. Этого мне хотелось меньше всего.

Выпив свой коктейль, я поблагодарил Джинджер и ее щедрые руки. Она подалась вперед, прижавшись пышным бюстом к столешнице, и спросила, чем я так огорчен. Отведя глаза в сторону, я ответил, что все именно так, как и должно быть. Мой блестящий пенс пересталносить удачу. Положив руку на грудь, я почувствовал кожей холод металла и как будто прижал Эйвери к сердцу.

Доставая из кармана телефон, я попросил налить мне еще. Бодрый голос автоответчика: «Вы позвонили Эйвери Джейкобс. Пожалуйста, назовите свое имя и оставьте короткое сообщение. Я вам перезвоню». Я выплеснул в себя содержимое стакана.

После гудка меня прорвало: «Детка, я знаю, ты злишься. Я это заслужил. Заслужил, чтобы ты кричала и бросалась в меня монеткой, но я не заслуживаю того, чтобы меня просто кинули. Я идиот, но могу исправиться и исправлюсь». Я потер ладонью глаз, взял второй стакан и поднес к губам.

– Котик, не убивайся так. – Джинджер покачала головой и наполнила стаканы в третий раз.

– Если ты наклоняешься надо мной, чтобы получить чаевые побольше, то обломись, – пошутил я.

Мой голос прозвучал так, будто язык у меня распух и прилип к нёбу. Кивком поблагодарив Джинджер, я снова выпил. Когда спиртное пробежало по горлу и наполнило тяжестью вены, мое сердце как будто упало, а мысли замедлились. «Я люблю тебя, Эйвери. Ты, может, не понимаешь, что это для меня значит, но это так», – сказал я в телефон и прервал звонок: алкоголь потихоньку брал надо мною верх, а в таком состоянии я мог расстроить Эйвери еще больше.

Толпа собралась небольшая, но мне стало душно: выпив опять, я снял джемпер и бросил на барную стойку. Джинджер, закатив глаза, взяла его и повесила возле себя на крючок.

– Чем ты так обидел бедную девушку? – спросила она, ставя передо мной высокий бокал с водой.

– Что еще за дерньмо?! – буркнул я и, проигнорировав вопрос, с отвращением отодвинул воду.

– Давай-ка не частей. А то я не собираюсь тебя отсюда на закорках выносить.

– Просто сбрось меня в мусорный бак, – пробормотал я, жалея себя.

Напившись, я мог бы, конечно, выплеснуть свою злость, но злиться было не на кого. Виноват я один.

В очередной раз покачав головой и налив мне виски, Джинджер протянула руку:

– Ключи.

– Чего? – Я наморщил нос.

– Ключи! – повторила она более твердо.

Я полез в карман, достал оттуда тринадцать центов, кусок бинта и ключи от машины. Джинджер их забрала. Я благодарственно приподнял стакан, прежде чем его опрокинуть.

Минута мучительно ползла за минутой, а моя девушка все не появлялась. Часа в два я уже собрался выйти из бара на холодную улицу, как вдруг вошел док Роз с самодовольной улыбкой на морде.

Он поздоровался с какими-то типами – видимо, тоже врачами. Они, как и он, были слишком пафосно одеты для такой забегаловки и выглядели глупо. Махнув им рукой, Розенберг уселся на высокий стул с противоположного конца барной стойки и посмотрел на часы, как будто кого-то ждал. Одна половина меня надеялась, что придет та, кого я хотел

увидеть, а другая молилась, чтобы подружкой доктора оказалась не она. А то я мог себя не сдержать.

– С тобой все в порядке? – спросила Джинджер.

– Если рядом с этим слизняком сядет Эйвери, – сказал я, сам себя хватая за локоть, – вышвырни меня отсюда, прежде чем я его убью.

– Думаешь, он пришел из-за нее? – Джинджер покосилась на Розенберга.

– Я никуда не тороплюсь. Скоро выясним. Налей-ка еще.

– Джош...

– Налей, говорю.

Джинджер помотала головой и поставила передо мной пустой стакан.

Глава 13

Эйвери

Вечер прошел в угрызениях совести, которые я пыталась заглушить. Сердясь на себя, я твердила: «Мне не с чего терзаться! Я права. Он не должен был наезжать на Розенберга. Я взрослая женщина и могла разрулить все сама. *Какого черта он думал?*»

Только ведь я ничего не разрулила. Джош сто раз говорил мне, что моя дружба с доктором его беспокоит. Надо было прислушаться. Но он сделал выбор. Он вмешался в мои рабочие дела. Теперь я должна, глядя Розенбергу в глаза, сказать, что я продолжаю встречаться с психом, который ни с того ни с сего ему угрожал?

Я вымыла у себя на кухне три тарелки и пошла в «Джей-Вок». Просмотрев меню, решила, что не хочу есть, и потопала домой. Поднялась по лестнице, захлопнула дверь. Шумно выдохнула, скрестив руки. Лучше бы у меня не было выходного!

Сердце болело при воспоминании о глазах Джоша. Я сидела в квартире одна и глядела на подушку, которая когда-то была лишней, а потом оказалась под его головой, и в душе нарастил сумбур.

Зазвонил телефон. Я взяла его и, с трудом собравшись с силами, чтобы ответить, произнесла:

– Деб?

Мои глаза тут же наполнились слезами.

– Эйвери, что за фигня?

Я вздохнула. Наверное, Джош уже позвонил Куинну.

– Можно было найти выход и получше, – призналась я. – Все с ним обсудить, а не разыгрывать истеричную жену из мыльной оперы. То есть... Боже мой, зачем я швырнула в него монетку и выскочила из квартиры? Я ведь считала себя разумнее его... А это он говорил разумные вещи: *мы любим друг друга, нельзя одним махом все рвать...* Он был прав, но, черт подери, он был не прав!

– Ага.

Я удивленно замолчала.

– «Ага» – это все, что ты можешь мне сказать?

– Эйвери, болтай дальше, ты еще не до конца выговорилась.

Моя нижняя губа задрожала:

– Зря я вернула ему цепочку с монеткой. Это был перебор, это было жестоко.

– Угу.

– Чего «угу»? Я жестокая или ты показываешь, что слушаешь?

– Второе.

– Я лажанулась. Но и он хорош: что еще за детский сад?! – воскликнула я, расхаживая по комнате. – Давно пора из этого вырасти! С ума сойти: он заявился к доктору Розенбергу с угрозами! – Споткнувшись о край коврика, я пнула завернутый уголок. – Когда я шла к нему, я думала, что мы вместе примем решение остановиться и не торопить события, а вместо этого я взяла и порвала с ним! Я порвала с ним, хотя все еще его люблю! Что мне делать?

– Хм... Возвращайся. Он тоже тебя все еще любит, – ответила Деб. Судя по ее голосу, я ей надоела. – Он звонил Куинну в расстроенных чувствах. Прости его, и дело с концом. Он все усвоит, и вы будете обалденно счастливы.

– Так просто? – пробормотала я, заикаясь. – В смысле, я хочу сказать, разве люди так делают?

– Да.

Ненадолго задумавшись, я обвела взглядом свои голые стены, диван без подушек и окна без штор. Подушка Джоша стала моим любимым предметом в квартире. И для этого была причина. Я высказала то, что думала, пусть даже и сгустив краски. Влюбленные на то и влюбленные, чтобы постоянно ссориться и мириться. Мы тоже могли так жить. Наверное.

– Он постелил постель, – сказала Деб, – и тебе в ней лежать.

Я нервно откинула волосы назад:

– Ты бы стала встречаться с таким парнем, как Джош? Который мог бы сделать то, что он сделал?

– Влюбился в девушку и съехал с катушек, едва кто-то попытался ее украсть? О да!

На заднем плане послышался сонный голос Куинна:

– Деб...

– Ты в порядке? – спросила она. – Скажи, что ты в порядке, и спокойной ночи. Все равно Куинн храпит.

– Не в порядке, – буркнула я, посмотрев в окно: у дома стояла моя зеленая зверюга. – Я пойду его искать.

Едва закончив разговор, я надела темно-синий пуховик, обулась, схватила ключи с сердечком, которое Джош мне подарил, намотала на шею

шарф и побежала вниз по лестнице. Сунув руки в карманы и глядя на свое клубящееся дыхание, я прошагала мимо машины и направилась к дому Джоша. Жил он через три квартала от меня. Его машины на месте не было, но я все равно позвонила в дверь, подождала – никто не ответил.

Я ждала на крыльце, пялясь себе под ноги, пока не начала стучать зубами.

– Привет, Эйвери, – сказала Синда, проходя мимо. – Потеряла ключ?

Я поежилась:

– Не потеряла, а вернула.

– Ой, – сказала она, взглянув на пустое парковочное место, – а Джоша, наверное, нет дома.

– Не знаешь, где он может быть? Хотя, естественно, ты не обязана мне говорить.

– Я знаю Джоша: если ты вернула ему ключи, вряд ли он сейчас веселится. Наверное, он сделал какую-то глупость, да?

Я пожала плечами:

– Мы оба сделали.

– Уверена, он был бы рад, если бы я сказала тебе, где он. – Синда улыбнулась, а потом скривила губы: – Но я не знаю. Жаль. Если хочешь, можешь подождать его у меня.

– Нет, все нормально. Спасибо, Синда.

Я сбежала со ступенек и понеслась к машине. Ключ повернулся в замке зажигания, «додж» зарычал, я тронулась с места и поехала в сторону больницы. От нее до бара «Дыра на углу» было каких-нибудь полмили. Я не представляла себе, где еще искать Джоша, если он не у себя и не у Куинна.

Я заглушила двигатель, выключила фары, рычание моего монстра стихло. На парковке стояло несколько машин – в том числе Джоша. Я вдруг занервничала: «Эйвери, что тытворишь?»

Я посмотрела вперед и дернула рычаг. Я любила Джоша. Мы должны были преодолеть эту дурацкую полосу. У нас обоих скопилось достаточно мусора, от которого хотелось избавиться. Мне не стоило ждать, что Джош развернется на сто восемьдесят градусов и превратится в образец совершенства. Это было бы нечестно.

Хрустя гравием, я зашагала к облицованному кирпичом зданию. Чего-то белое и пушистое упало мне на нос. Я запрокинула голову: из черноты сыпались миллионы одинаковых кусочков замерзшего неба. Я закрыла глаза и улыбнулась: вот Джош выйдет ко мне и мы вместе порадуемся нашему первому настоящему снегопаду.

Как только я потянула за ручку двери и вошла, меня обдало запахом несвежего пива и сигаретного дыма. Золотистая лампочка музыкального автомата была единственным источником света, если не считать огоньков над баром. Я с улыбкой вспомнила тот вечер, когда Джош помог мне побороть нелюбовь к Рождеству.

Среди немногочисленных посетителей у барной стойки Джоша не оказалось. Я села в середине и стала смотреть, как новый бармен трет стаканы белой салфеткой. Он подошел ко мне. Облегающая черная футболка с V-образным вырезом подчеркивала рельефные мышцы груди. Его брови были идеально выщипаны, и, когда он наклонился ко мне, как бы флиртуя, я не восприняла это всерьез.

– Вы недавно сюда устроились?

– Да.

– Я Эйвери.

Он улыбнулся:

– Ах, это вы! С днем рождения, Эйвери.

Я сощурилась:

– Спасибо.

– Меня зовут Джесс.

Я положила на стойку двадцатидолларовую бумажку:

– Это ваши чаевые. Мне только диетическую колу.

– Лить, не жалеть? – усмехнулся бармен.

– Просто колу, пожалуйста. Ой, и...

Я замолчала: на крючке за баром висел мой любимый мягкий джемпер с капюшоном. В первую секунду я вытянулась и с глупой улыбкой стала озираться по сторонам. Но мое лицо мгновенно помрачнело: из мужского туалета, спотыкаясь, выползла сестра Майклз. Помада у нее размазалась, волосы растрепались. Одернув мини-юбку и повернув головой, она вытерла рот тыльной стороной руки.

Мой взгляд упал на джемпер, потом снова на Майклз, и у меня скрутило живот.

– Нет, он не мог...

Дверь открылась. Я застыла, разинув рот. Меня накрыло волной облегчения... а потом – отвращения.

Страясь казаться невозмутимым, через бар прошел доктор Розенберг. Его щеки горели, а ширинка была расстегнута.

– Эйвери? – При виде меня он запнулся. От него пахло виски и необдуманным решением. – Я думал, вы больше сюда не ходите.

– Я ищу Джоша.

Не в силах скрыть брезгливость, я чуть отстранилась и отвернула лицо. Мне захотелось, чтобы Джош пришел и спас меня. Он был совершенно прав относительно Розенберга: обзаведясь семьей, человек не становится порядочным автоматически. Джош не скрывал своих похождений, и вся больница знала, что он бабник и засранец. А настоящей змеей оказался красавец-доктор с кольцом на пальце и домом в Алапокусе.

– Эйвери?

– Что? – буркнула я.

Доктору Розенбергу хватило наглости разыграть удивление:

– Что-то случилось?

Я посмотрела на его штаны и отвернулась:

– Нет.

– Если ищете Джоша, то он наверху.

– Наверху?

– С Джинджер. Пьяный. – Розенберг поглядел на лампочки, свисавшие с потолка. – Хотя слово «пьяный» не вполне описывает его состояние. Я пытался вас предупредить.

– С чего бы ему быть у Джинджера?

Доктор – лжец, а лжецам свойственно лгать. Один раз я уже совершила ошибку, поверив ему. Больше не попадусь.

Он пожал плечами:

– Она живет над баром.

– *Вот как?* Что ж, вам лучше знать. Застегните брюки и идите домой к жене.

Доктор Розенберг на секунду застыл, потом посмотрел вниз и, застегнув молнию, направился прямиком к выходу.

Джесс наполнил из пистолета мой стакан, делая вид, будто ничего не слышал.

– Где Джинджер?

– Наверху.

Я кивнула и задумалась над тем, задавать ли следующий вопрос:

– Она одна?

– Скажи ей, – пропела Майклз, вползая на соседний стул.

Я отпрянула и раздраженно простонала:

– С ума сойти! Чего мне еще ждать от сегодняшнего дня?

– Джош наверху. Я пыталась приласкать его, но он не захотел, – нисколько не стыдясь, промямлила Майклз заплетающимся языком. Я поджала верхнюю губу и подалась назад, чтобы не чувствовать запаха из ее рта. – Спроси у него. – Майклз медленно перевела пьяные глаза на

бармена.

Джесс покачал головой:

– Не втягивайте меня в это. Не хочу потерять работу.

– Джесс! – Я положила ладони на барную стойку и сжала губы. – На моем месте ты бы тоже хотел знать, разве нет?

Бармен посмотрел на меня из-под длинных ресниц и пожал одним плечом, как будто уступая мне.

– Он наверху с ней? – настойчиво спросила я.

Джесс принялся широкими круговыми движениями вытирая столешницу, пряча виноватый взгляд. Такого ответа мне было вполне достаточно. Я кивнула и встала. Казалось, коленки вот-вот подогнутся под тяжестью этого молчаливого признания.

– Не огорчайся, дорогуша, – сказала Майклз. – Если тебя это утешит, он никем не интересовался, пока еще стоял на ногах.

Джесс наклонился ко мне, нависнув над стойкой:

– Джош не интересовался никем вообще. За первые двадцать минут моей смены он спросил о тебе раз пятнадцать. Думаю, он валяется в отключке. Любой бы вырубился от такого количества алкоголя. Ну а если даже он в сознании, то наверняка его выворачивает. В любом случае он не делает того, о чем ты подумала.

Я уронила голову:

– Ну и как же мне быть? Понадеяться, что он ее не трахает, и идти домой?

– На твоем месте... – протянула Майклз, раскачиваясь на стуле.

– Осторожно! – предостерегающе сказал Джесс.

Она от него отмахнулась:

– На твоем месте я бы туда поднялась. Но это из-за волос. – Она ткнула в свою дикую рыжую шевелюру. – Мы иногда такое откалываем!

– А я на твоем месте хоть на пять минут сдвинула бы ноги и раскошелилась бы на приличный лифчик, – пробормотала я себе под нос и, оставив бедного Джесса с Майклз, подошла к широкой коричневой двери.

– Это склад. А Джинджер живет там. – Бармен указал на другую дверь, рядом с музыкальным автоматом. Она была покрашена в серый и сливалась со стеной. – Только сначала постучи. И пожалуйста, не устраивай сцен.

– Спасибо, Джесс.

– Пока не за что. – И он наполнил бокал для Майклз.

Мои ноги еле двигались. Чем ближе я подходила к двери Джинджера, тем тяжелее мне давался каждый шаг. Когда я наконец потянула за ручку, одна песня уже закончилась, а другая еще не началась, поэтому скрип

петель показался особенно громким. Я увидела лестницу (примерно двадцать пыльных ступенек) и стала тихо подниматься, сама точно не зная зачем. Если они там совокуплялись, мне не хотелось их за этим застать. Когда я представила своего парня с другой женщиной, у меня что-то перевернулось в животе.

Дойдя до двери комнаты, я постучала: сначала тихо, потом еще раз – погромче. Потом в третий раз – кулаком. Послышался шорох.

– Джинджер, – простонал Джош. – Джинджер! Там кто-то колотит в твою чертову дверь!

Я слопнула подступивший к горлу комок и почувствовала, что глаза уже на мокром месте. После того как я постучала опять, по комнате протопали ноги Джоша. Дверь распахнулась.

– Эйвери? – Он побледнел и вытаращил на меня налитые кровью глаза.

На нем ничего не было, кроме футболки и трусов-боксеров. Видно, он чувствовал себя как дома.

– Я... э... – слова застревали у меня в горле, – просто хотела убедиться сама.

Как только я развернулась, чтобы уйти, Джош поймал меня за капюшон и потянул назад:

– Постой!

Я хлопнула его по руке и подняла ладони:

– Только давай без скандалов. Мне. Все. Ясно. – Я кивнула на его трусы. – Это в твоем репертуаре. Мы расстались, и ты тут же прыгнул в постель к другой, чтобы утешиться. Удивляться нечему.

– Ой! – Джош попытался сфокусировать взгляд. Все лицо у него было в красных пятнах. – Кажется, я понимаю, почему ты такое подумала, но, по-твоему, я способен сделать это в твой день рождения? Эйвери, честное слово! Ты могла бы доверять мне побольше.

– Прошу прощения. – Я коротко кивнула и начала спускаться по ступенькам.

– Эйвери! – (Я остановилась.) – Ты видела на улице мою машину?

– Да.

– Ты приехала сюда за мной?

Я поколебалась, но все-таки решила, что в такой ситуации нам лучше быть откровенными.

– Да.

– Мы не спали вместе, – тихо произнес Джош, взвешивая каждое слово. – Джинджер только приволокла меня наверх, чтобы я проспался

после виски. Я тоже приехал сюда за тобой. Это должно нам кое о чем говорить, правда?

– Кто там?

Из ванной показались мокрые волосы и голые плечи Джинджер, завернутой в тонкое желтое полотенце. Я посмотрела на нее, потом на Джоша, и сердце упало. Он протянул ко мне руки и помотал головой. Его взгляд выражал отчаяние.

– Детка...

Мои губы дрогнули в полуулыбке. Я хотела что-нибудь сказать, но говорить было уже нечего. Поэтому я просто развернулась, сбежала по лестнице, вылетела из бара и, звякнув ключами, подошла к машине. Открывая дверцу, я снова услышала голос Джоша:

– Черт! – Он прыгал на одной ноге, по-прежнему в футболке, трусах и босой. Я наконец отыскала нужный ключ и открыла машину. – Эйвери! – рявкнул Джош. – Погоди же, черт возьми!

Вокруг нас собралась небольшая толпа. Я съежилась под любопытными взглядами незнакомых людей. Джош заковылял по гравию, нацелив на меня указательный палец:

– Джейкобс, не открывай эту долбаную дверку!

– Это почему же, Джош? – Я выпрямилась, разинув рот от негодования. – Мы явно не подходим друг другу. И о чем мы только думали?

Осторожно ступая по мелким камням, он наконец приблизился ко мне и часто задышал, опершись о капот машины. Из его рта прозрачными клубами валил пар.

– Я люблю тебя, – с трудом проговорил он. – Я люблю тебя и никогда бы такого не сделал. Это, – Джош указал на окно комнаты Джинджер, – мне никогда даже в голову не приходило. Эйвери, ты слышишь меня? У меня никого нет и не будет. Можешь засунуть мне ту монету в глотку и смеяться, глядя, как я давлюсь. Все равно я не побегу к другой. Только один человек может мне помочь. – Он перевел дыхание, и его лицо стало бледно-зеленым. – Ты.

Покачав головой, Джош обхватил себя за колени и попытался сделать несколько глубоких вдохов. Через секунду его вырвало.

– Боже! – пробормотала я, глядя, как на землю изливается виски и остальное содержимое желудка.

Плечи Джоша вздрогнули от нового позыва к рвоте. Я неловко похлопала его по спине. В этот момент на парковку, шурша гравием, вползло грязное старое такси. Стекло водительского окна опустилось, и я

удивленно улыбнулась:

– Мэл!

– Я подумал, не мешало бы тебя подбросить.

– Я трезвая. Довезу его сама.

Джош поднял глаза на пожилого ветерана, который хмуро на него глядел.

– Ты повезешь меня домой? – спросил он после того, как его вывернуло в третий раз.

Пошарив в кармане, я протянула Мэлу деньги, которые были ему должна. Таксист сощурился:

– Это что?

– Это за ту поездку. Извините, что так долго не отдавала. – (Он махнул рукой и скривился.) – Возьмите, пожалуйста.

– Тебя точно не подвезти? – Мэл взял бумажку из моей вытянутой руки. – Управившись с ним одна?

Из бара выскочила Джинджер в халате и пушистых тапочках. В руках у нее были штаны, джемпер и кошелек Джоша.

– Мы ничего не делали! – прокричала она через парковку. – Не бросай его! – Подбежав к нам и заметив на земле лужу рвоты, она скорчила рожу и поднесла пальцы к носу. – Фу! Не надо было мне позволять ему столько пить!

Из Джоша снова хлынула жидкость.

– Сколько он выпил? – спросила я, поддерживая его.

– По счету понятно. Наверняка всю зарплату спустил.

– Слабак! – проворчал Мэл, поправляя на себе кепку, и опустил рычаг переключения передач. – Карточку с моим телефоном не потеряла, милая?

– Она при мне, – улыбнулась я.

Мэл отъехал. Джоша опять стошило, причем так, что он чуть не упал лицом в лужу.

– Господи, и угораздило же тебя! – укоризненно проговорила я, потирая напряженные мышцы его спины.

Он ухватил меня за ногу, чередуя плевки со стонами.

– Эйвери, – сказала Джинджер. Я перевела на нее взгляд. – Мы не спали. Я оставила Джоша у себя, чтобы он в таком виде не сел за руль. А штаны с него стащила, потому что он пролил на них виски, а мне не хотелось потом выводить алкогольные пятна с простыни. Если поднимешься, увидишь, что себе я постелила на диване.

Я с сомнением посмотрела на Джоша.

– Я знаю, как он к тебе относится, – продолжала Джинджер. – На

твоем месте я бы его не бросила.

– И... – протянул Джош, по-прежнему согнутый в три погибели.

Джинджер закатила глаза и, улыбнувшись, передала мне его вещи:

– *И Майлз* несколько раз прозрачно намекала, что готова на все услуги, а он дал ей понять, что ему никто не нужен, кроме *тебя*.

– Правда? Ну раз так, ты хороший мальчик, – сказала я, гладя его между лопаток мелкими круговыми движениями.

Он сглотнул:

– Да, но если не перестанешь, меня снова вырвет.

– Извини.

Я подняла его за руку и, обхватив поперек спины, повела к машине.

– Куда поедем?

– Домой, – ответила я, подводя его к переднему пассажирскому сиденью.

Джинджер подмигнула мне и зашагала к дверям бара. Когда она уже взялась за ручку, я окликнула ее. Она обернулась.

– Спасибо, что позаботилась о нем.

Джинджер широко улыбнулась, кивнула и вошла в помещение. Я села в машину и посмотрела на Джоша. Он сидел, откинувшись назад и закрыв глаза рукой. Когда я наклонилась, чтобы набросить на него джемпер, он приоткрыл один глаз.

– Жаль, что я дерьюсь себя чувствую. Так хочется тебя обнять...

– Сначала душ и зубная паста, а там посмотрим, – сказала я, трогаясь с места.

Джош вслепую нашупал мою руку и сжал ее.

– Слава богу! – прошептал он с облегчением. – Слава богу!

Глава 14

Джош

Прошло уже семь недель и четыре дня с того момента, когда я чуть не потерял единственного человека на земле, который знал меня – меня *настоящего*. Моих тогдашних ощущений оказалось достаточно, чтобы я отучился пить по восемь стаканов крепкого алкоголя на голодный желудок. И главное, понял, что хочу прожить с Эйвери всю оставшуюся жизнь.

Мне захотелось доказать ей свою преданность и серьезность своих намерений. Конечно, для этого нужно было раскошелиться на что-то повнушительнее пенса на цепочке, хотя после нашего примирения Эйвери снова надела ту монетку и берегла, как королевские бриллианты.

– Не могу поверить, старик, что ты собрался делать предложение, – ухмыльнулся Куинн, сидя за рулем машины «скорой помощи».

– Как будто ты сам об этом не думал! – выпалил я.

Нас качнуло: Куинн слишком быстро въехал в рытвину. Я ухватился за верхнюю ручку.

– У нас с Деб все по-другому.

– Если учесть, какие дурацкие качели она заставила тебя повесить в спальне, то, пожалуй, я с тобой соглашусь.

Мы засмеялись, но мне все равно было неспокойно: кольцо с бриллиантом, которое я купил для Эйвери, жгло карман.

Раньше я никогда не представлял себя женатым, но теперь мне казалось, что мир вокруг меня обрушится и заполыхает, если она скажет «нет». *Почему я так боялся?*

Лицо Куинна стало серьезным.

– Можнo, я задам один вопрос, который тебе, скорее всего, не понравится?

Я нахмурился:

– Задавай.

– Куда ты так торопишься, брат? Вы ведь встречаетесь только... полгода?

– Не знаю. У меня как будто где-то чешется, а я не могу почесать. У меня в мозгу, на дальней полке, все время какая-то тревога.

– Чего же ты боишься? – Куинн наморщил нос.

– Боюсь, что, если не закрепить наши отношения, она исчезнет. Иногда

я лежу с ней в постели, и мне кажется, что она вроде бы есть и в то же время ее нет. Как говорится, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Ты просто неуверен в себе, стариk. Эйвери с тобой. Она видит, как ты изменился. Знает, как по-особенному ты к ней относишься.

Я покачал головой:

– Это не то, Куинн. Я знаю, что она меня любит. Я не из-за нее волнуюсь.

– Тогда из-за чего?

– Не знаю. Я как будто стою у черты и что-то вот-вот случится. Что-то, чего я не могу контролировать.

– Джош, расслабься. Контролировать мы вообще ничего не можем.

– Спасибо, утешил, – скривился я.

– Все будет хорошо. – Куинн оторвал руку от руля и похлопал меня по плечу. – Она скажет «да», и вы будете жить-поживать, добра наживать.

– Эй! – Я сбросил с себя его пятерню. – Держи-ка лучше руль.

Он вздохнул и покачал головой:

– Пошло-поехало...

– Что?

– Ты недавно работаешь парамедиком и поэтому кое-чего не понимаешь. Видишь ли, парни нашей профессии неизбежно находят себе серьезных подруг, потому что... – он подергал свой воротник, – наша форма девочек заводит. – (Я закатил глаза.) – Ну а потом начинаются всякие страхи: парень больше не запрыгивает в горящие машины, пристегивается ремнем и лепит всякую бабью чушь типа: «Смотри на дорогу внимательней, Куинн!» – Он понизил голос: – Можно подумать, пока человек не собрался жениться или не завел ребенка, ему незачем было жить.

– Я действительно не знал, зачем живу.

– Тыфу! Девчонка!

Я улыбнулся: еще ни одному оскорблению я не был так рад.

* * *

Когда смена закончилась, я поспешил в спортзал. Тренировки всегда помогали мне навести порядок в голове. Но даже после того, как я прозанимался час и вспотел, как ломовая лошадь, мысли об Эйвери не оставили меня в покое. Это продолжалось уже несколько недель: потому-то я и купил кольцо. Пусть мне это стоило нервов, но я должен был оформить

наши отношения, чтобы она стала моей. Я просто иначе не мог.

Поглощенный размышлениями о будущем, я заторопился домой готовить ужин: Эйвери вернется с дежурства уставшая и ей будет не до возни на кухне.

Накануне я подкупил кое-каких продуктов. С тех пор как она стала чаще ночевать у меня, я старался, чтобы холодильник не пустовал. К сожалению, повар из меня неважный. Даже приготовить спагетти оказалось не так просто, как я ожидал.

Я раскладывал макароны по тарелкам, когда в квартиру со стоном вошла Эйвери. Конский хвостик съехал вниз, а под глазами темнели круги, но она все равно была прекрасна в своей персиковой медицинской форме.

– Уф! Думала, смена никогда не закончится.

Скинув кеды, Эйвери прошлепала на кухню и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Надеюсь, ты наработала аппетит?

– Мм... Чем это пахнет?

– Пахнет так себе, но Декс ничего не может поделать со своим... ароматом.

Эйвери рассмеялась и покачала головой:

– Разве ты умеешь готовить?

– Решил, что пора научиться. – Я отнес бумажные тарелки в гостиную на кофейный столик. – Нам нужен нормальный стол.

Эйвери посмотрела на меня искоса и усмехнулась. Потом взяла вилку и принялась наматывать на нее спагетти.

– Стол? Но у тебя даже посуды настоящей нет.

– У тебя тоже. – Я легко подтолкнул Эйвери локтем и, отправив макароны в рот, подумал: «Черт, а из меня не такой уж плохой кулинар!» – Может, на выходных купим кухонный набор?

– Тарелки?

– Почему нет? У нормальных людей бывает нормальная посуда, а еще такие прикольные ложки, ножи и вилки из металла.

– Ага, – рассмеялась Эйвери. – Но эти люди, Джош, живут вместе.

– Точно. В конце этой недели мы могли бы перетащить тебя ко мне. Я попрошу Куинна, он поможет. А в следующие выходные купим посуду и стол. И дуршлаг. А то ты не представляешь себе, что мне приходится делать, чтобы слить воду из-под макарон, – сказал я, молясь, чтобы моя настойчивость не отпугнула Эйвери.

Она разинула рот, опустив вилку:

– Ты серьезно?

– Ну мне, конечно, надо сначала спросить Куинна, но думаю, он согласится, если у них с Деб ничего особенного не запланировано.

– Надо спросить Куинна, говоришь? А меня спросить не надо?

Мое сердце как будто распухло в груди. Я медленно повернулся к ней, с усилием сглотнул и, дико нервничая, начал:

– Эйвери, переезжай ко мне.

Она взяла мое лицо в свои маленькие руки:

– Есть одно замечание.

– Какое?

– Мой дом как минимум на десять лет новее. Может, лучше ты переедешь ко мне?

– Хорошо, – без колебаний сказал я.

– Мне кажется, над этим стоит поразмышлять с недельку. Такие решения нельзя принимать поспешно.

– Эйвери, я думал об этом. И много.

– Ты об этом думал?

– А ты – нет? – спросил я, опять развлеченный.

– Это серьезный шаг.

– Я знаю, что мне это нужно. И не хочу больше терять времени.

– Если мы съедемся, это может осложнить наши отношения.

– Мне начинает казаться, что ты в нас сомневаешься.

– Я не в *нас* сомневаюсь. Просто совместное житье... семья... От этой мысли мне становится как-то не по себе. У меня нет большого опыта счастливой семейной жизни.

– Зато у тебя есть я.

Я почувствовал себя уязвленным. Мне казалось, мы с Эйвери – уже семья, и никакой другой семьи мне не было нужно.

– Эйвери, мы будем превращать нашу совместную жизнь в копилку приятных воспоминаний. Я считал, что именно этим мы и занимаемся.

Ее взгляд запутал на тех нескольких дюймах, что нас разделяли. То, как она себя сейчас вела, было очень на нее не похоже, и я просто не знал, что делать. Поначалу она боялась отношений со мной – это было мне известно. Но я думал, мы это преодолели. Одним пальцем я приподнял ей подбородок, заставив ее посмотреть мне в глаза.

– Что я могу сделать?

– То есть?

– Сдаваться я не собираюсь. Поэтому скажи мне, что я должен сделать, чтобы ты почувствовала себя со мной комфортно.

– Мы так мало друг о друге знаем. Ты меня даже с родителями не

познакомил.

Меня заметно передернуло. Такого поворота я не ждал.

– Эйвери, это не очень хорошая идея.

– Ты меня стесняешься?

– Я? Тебя? Черт, да нет, конечно!

– Тогда в чем дело?

– Трудно объяснить.

– Боишься, я увижу что-то неприятное?

Я закрыл глаза:

– Эйвери, ты даже не понимаешь, чего просишь.

– Как мы можем жить вместе, если ты мне не доверяешь? Я не собираюсь судить о тебе по твоим родителям. И знаю, что ты тоже не станешь осуждать меня из-за моих.

Я сдвинул брови:

– Эйвери, твои родители погибли. Как я могу тебя за них осуждать?

– Вот именно, они погибли, а я живу.

Я моргнул и покачал головой:

– Не говори так. Это был несчастный случай.

– Авария, в которую попали мы с тобой, тоже была несчастным случаем. И все-таки я виновата. Не думай, что я не помню, как тронулась на красный.

В ее глазах засияли слезы.

– Перестань, – сказал я. – Звони на работу. На ближайшие выходные мы уезжаем.

Она нахмурилась:

– Куда?

– Буду знакомить тебя с моими родителями.

* * *

Эйвери сидела, теребя желтую юбку, чуть заходившую ей за колено. Она и так нервничала перед встречей с моей матерью, а то, что дорога обледенела, только усиливало ее тревогу. К счастью, мы ехали на юг, где неведомы такие проблемы, как снег и лед.

– Ты уверен, что все нормально? – в десятый раз спросила она, когда я свернул с шоссе на заправку.

– Да.

Подгоняя машину к колонке, я чувствовал на себе взгляд Эйвери.

– Ты за последний час почти ничего не сказал.

– Извини. Я думал.

– О чём?

Я громко вздохнул и покрутил головой, чтобы расслабить зажатые мышцы.

– Много о чём, детка. Как насчет перекуса?

Она помолчала, а потом улыбнулась и тряхнула головой, отчего ее растрепанный хвостик подпрыгнул. Я достал из кошелька двадцатку и протянул ей:

– Заодно возьми мне, пожалуйста, ванильный фраппучино.

Эйвери взяла бумажку и вышла. Допрос удалось отложить. Какие-то парни заметили ее юбочку, едва видневшуюся из-под моего джемпера. Я ощетинился.

Заливая в бак бензин, я смотрел на Эйвери через стеклянную стену магазинчика. Она ненавидела дальние поездки, но с радостью согласилась отправиться к моим родителям. Зная, что ей придется повидать в Ричмонд-Хилле, я старался смягчить ее впечатления. Мне самому становилось жутко при мысли, что снова придется увидеть мать. В прошлый мой приезд она большую часть времени провалялась в состоянии невменяемости. Но если Эйвери хотелось несколько дней потерпеть ее общество, то я не возражал.

Пока машина заправлялась, я вынул телефон и набрал мамин номер. После нескольких гудков она неуверенно ответила:

– Алло?

Я зажмурил один глаз, уже жалея, что позвонил.

– Алло? – повторила она.

– Я еду к тебе на выходные, – выпалил я.

– Джош? На эти выходные? Предупредил бы за пару дней! В доме такой кавардак...

Я закатил глаза и взялся двумя пальцами за переносицу. Сама мать годами не брала в руки швабру, но каждые несколько недель кому-то платила за уборку.

– Дом меня не волнует. Со мной приедет еще кое-кто, – сказал я, взглянув на Эйвери: она стояла у кассы и ждала, когда у нее возьмут деньги. – Ты не возражаешь?

После секундного молчания мама ответила:

– Нет, конечно. Твоим друзьям здесь всегда рады.

Я пробормотал «пока» и нажал отбой. Вернулась Эйвери с кофе.

– Мне нравится, какой здесь климат, – сказала она, радостно улыбаясь. – Южная Каролина – уже рай по сравнению с нашими местами, а

тут вообще почти тропики.

– Я же говорил тебе не надевать платье.

Прищурившись, она подала мне кофе и скользнула на свое место. Я повесил пистолет на колонку и оперся ладонями о крышу машины: мне нужно было собраться с мыслями, прежде чем сесть за руль рядом с девушкой, на которой собирался жениться.

– Я хотела понравиться твоим родителям.

– Знаю, детка, – ответил я, не глядя на нее, и потер небритую щеку. – Просто... я немного беспокоюсь.

– Не хочешь знакомить меня с родителями?

– Эйвери, дело в моей маме. Она превратит эти выходные в сущий ад.

– Пару дней ада я потерплю, – сказала Эйвери, тронув мою ногу. – Что бы она ни сделала, мое отношение к тебе не изменится. Ты ведь это знаешь, правда?

Сочувствие, которое было написано на лице Эйвери, заставило меня поежиться. Меньше всего хотелось, чтобы моя девушка меня жалела. Я мучился из-за того, что она решила связать судьбу со мной, бедным парамедиком с неблагополучным прошлым, хотя могла бы выбрать итальянскую обувь и дом в Алапокусе. Эйвери не признавалась в этом, но такая мысль загоралась в ее глазах каждый раз, когда она смотрела на Розенберга.

– Джош?

– Я несколько... преуменьшил мамину проблему с алкоголем. В последний раз, когда я ее видел, она почти ничего не соображала.

– Ох... – произнесла Эйвери и умолкла.

Я вздохнул:

– Все нормально, ты же не знала. Я не говорил тебе, насколько все плохо. Я никому не говорил.

– Джош...

– Пустяки, Эйвери. Просто я должен был тебе сказать, но тема неприятная.

– Это не пустяки. Если хочешь, говори, можешь мне довериться.

Она моргнула. Ее большие зеленые глаза смотрели на меня с надеждой. Ей самой становилось легче, когда она выговаривалась. Но для меня прошлое осталось за чертой.

– Доверие тут ни при чем. Просто мне не хочется заново это переживать.

Эйвери открыла рот, собравшись что-то сказать, но передумала. Я переставил руки на руле, завел машину и направился к выезду на I-95.

– Извини. Не буду на тебя давить.

– Знаю, что хочешь помочь, детка, но рассказывать особо нечего.

– Ты нервничаешь, и я подумала, что, может, если мы поговорим о твоей маме, ты не будешь так волноваться перед встречей с ней.

Я нажал на газ. Пытаясь снять стресс быстрой ездой, я то и дело выезжал на полосу обгона. Меня атаковали детские воспоминания.

– Она так и не оправилась после смерти Кейлы. Из-за этого расстроились их отношения с отцом. И все разрушилось окончательно. Сначала стало плохо, потом очень плохо, потом еще хуже. Она переключилась на водку, а он – на других женщин.

Эйвери сжала мою ногу:

– Ужасно.

Я стал перекатывать эти слова в уме: «Ужасно? Ужасно...» Много лет назад мать выпала из наших жизней. Потеряв Кейлу, она отстранилась от меня, а отца вообще начала игнорировать. Ему тоже было тяжело, и она оставила его страдать в одиночестве. Я не осуждал его за то, что он изменял маме. Она его забыла, а горевал он не меньше.

– Отец ни разу не упрекнул меня.

– Потому что ты был маленьким мальчиком.

– Им следовало развестись гораздо раньше, чем они это сделали, – сказал я, теребя руль.

– Может, они боялись новой потери?

Я посмотрел на Эйвери и увидел в ее глазах знакомую старую боль.

– Отец со временем смирился с тем, что семья уже не будет прежней. И тогда он купил красный «додж дарт джи-ти-эс» шестьдесят восьмого года с двигателем «383 магnum». Каждую свободную минуту мы возились с этой машиной. Она была красавица. Когда мы закончили, отец продал ее и купил серо-зеленый «роуд раннер» шестьдесят девятого. Ремонт старых машин нас успокаивал. Своего рода дешевая психотерапия. Не знаю, что бы я делал, если бы папа.

– Наверное, тебе... тяжело видеть маму всякий раз, когда ты хочешь навестить его.

– Да, наши встречи и так не были бы легкими, а из-за маминых упреков они становятся еще тяжелее. Я вижу обвинение в каждом ее взгляде, каждом вздохе, каждом глотке спиртного. Поездки домой для меня почти нестерпимы, поэтому чаще всего я избегаю их всеми правдами и неправдами. – (Эйвери прикрыла рот рукой и покачала головой.) – Я засранец. Мне следовало больше тебе рассказать, прежде чем мы сюда поехали. – Я чуть улыбнулся: – Но ты права: надо знать, с кем связалась.

Она тряхнула головой:

– Дело не в этом. Я просто подумала... Может, если я с ними познакомлюсь... у нас все сложится лучше? Глупо, понимаю.

С каждым словом она волновалась все больше и больше. Я посмотрел на нее: щеки порозовели, в глазах стояли слезы. Я жаловался ей на родителей, зная, что своих она потеряла.

– Боже, Эйвери, ну я и осел!

Я взял ее руку, поднес к губам и поцеловал пальчики.

– Да нет, все нормально.

– Ты хочешь...

– Поговорить об этом?

Она понимающе на меня посмотрела, приподняв одну бровь. Черт, кажется, я начинал кое-что у нее перенимать.

– Нет, я просто нервничаю. Пожалуйста, знай: я не намеренно веду себя с тобой по-свински. Если б для меня это не было важно, я бы так не дергался.

Покачав головой, я сжал ее руку и почувствовал ответное пожатие.

– Предполагается, мы должны друг другу доверять.

Я взглянул на нее, и мои плечи расслабились.

– Хорошо. Решено.

Эйвери просияла. Я нажал на газ.

* * *

– Я не была уверена, что вы действительно приедете, – сказала мама, когда мы вошли в гостиную.

Нервничала она, очевидно, не меньше моего. В воздухе вокруг нее витал аромат бурбона. В комнате ничего не изменилось. Краска на стенах, ковер на полу, мебель – все прежнее.

– Мама, это Эйвери. Эйвери, это Мэри, моя мама.

Мама улыбнулась и притиснула Эйвери к себе.

– Какая ты хорошенъкая! – сказала она, отстраняясь и оглядывая ее.

То, что «друг», которого я привез, женского пола, очевидно, оказалось для моей матери неожиданностью. Я мог бы заранее рассказать о своей девушке, но после аварии мы не созванивались.

– Рада с вами познакомиться. – Голос Эйвери дрогнул, хотя она продолжала улыбаться.

Я вдруг понял, почему она нервничает. Она не судила ни меня, ни даже

моих родителей. Она просто хотела, чтобы все прошло хорошо, потому что любила меня. И меня резануло чувство вины при мысли о том, как по-дуряцки я себя вел, пока мы сюда ехали.

– Я ждала вас пораньше, – сказала мама, направляясь на кухню.

Мы пошли за ней. Я сплел свои пальцы с пальцами Эйвери и нежно их скжали. Мы видели маму со спины, но по звяканью бутылки о стакан я понял, чем она занята.

– Ты ведь только несколько часов назад узнала, что мы едем.

– Это из-за меня мы задержались, – сказала Эйвери. – Я десять раз просила Джоша остановиться.

Мама улыбнулась ей, но, взглянув на меня, сжала губы:

– Не важно. Хорошо, что вы здесь.

Неодобрительно покачав головой, она взяла кухонное полотенце, сложила его и бросила обратно на стол.

– На ужин мы опоздали? – спросил я, потирая большим пальцем руку Эйвери.

Мама рассмеялась:

– Ты же знаешь, я не готовлю.

– Тогда я что-нибудь закажу. Мы голодные. У тебя есть меню ресторана «Вок-н-Ролл»?

Мама открыла выдвижной ящик, порылась в листках и протянула один мне. У Эйвери загорелись глаза, когда она увидела фотографии японской еды.

– У них больше нет доставки, – сказала мама, потряхивая стаканом с янтарной жидкостью. – Придется тебе самому туда ехать.

– Без проблем.

– Вам что взять? – спросила Эйвери.

Ее голосок чуть не сорвался.

– Что угодно, – отмахнулась мама. – Все равно. Я не привередливая.

Мы вышли из дома. Я с трудом передвигал ноги. Как только мы сели в машину, Эйвери тронула меня за колено:

– Ты как? Ничего? – (Я кивнул и попытался изобразить улыбку.) – Тебе не нужно передо мной притворяться. Все нормально. Если хочешь, можем уехать.

Я опустил глаза:

– Эйвери, может, ты хотела найти себе семью, но моя – не вариант. Я не собираюсь тебя обманывать.

– Ты сам моя семья. А я твоя.

Поцеловав костяшки ее пальцев, я завел машину и выехал на дорогу.

– Заглянем к папе.
– А он далеко живет?
Я тихо усмехнулся:
– Да нет, совсем рядом.

Эйвери улыбнулась. Я зарулил к дому отца. О нашем приезде я ему не сказал: боялся, что, увидев маму, Эйвери сразу захочет вернуться. Сворачивая с шоссе на грунтовую дорогу, которая вела к отцовскому трейлеру, я почувствовал, что не приезжал слишком долго.

– У тебя счастливый вид, – удивленно улыбнувшись, сказала Эйвери, когда я сжал ее руку. – Думаешь об ужине?

Я поставил машину возле папиной плоской черной «импалы» и выключил двигатель.

– Сейчас ты познакомишься с самым офигенным поваром на всем Юге.

Мы вылезли из салона, папа вышел на крыльце. Как только он понял, кто приехал, по его лицу расползлась широкая улыбка.

– Сынок! – гордо выкрикнул он и заспешил ко мне, раскинув руки.

Я невольно фыркнул: его медвежьи объятия выжали из моих легких весь воздух.

– Кого ты привез? – спросил отец, отпуская меня.
– Папа, это Эйвери. Эйвери, это мой отец, Сайлес.
– Надо же! – сказала она. – Какое потрясающее сходство!
– Тебя зовут Эйвери? – Папа подавил смешок. – Вы надо мной не прикалываетесь?

– Это Бог прикалывается, – ответил я.

– Да, чувство юмора у него есть. – Папа подмигнул Эйвери. – Иначе тебе не досталась бы эта физиономия.

Беспокойство в ее глазах почти исчезло, и она снова стала похожа на ту девушку, в которую я влюбился.

– Не так-то мы и похожи! – расхохотался я. – У меня-то нет седины!
Отец легко хлопнул меня по груди тыльной стороной руки:
– Поосторожней, мальчик, я ведь все еще могу надрать тебе задницу!
Он щутя обхватил Эйвери и приподнял ее. Она взвизгнула.

– Ага! Щас!

Ноги Эйвери снова ступили на траву. Мы помолчали.

– Давно ты не появлялся, Джош.

– Знаю, – кивнул я, скользя взглядом по старой отцовской «импале».

– Зато о Мейбелин ты, я вижу, заботился хорошо. – Папа указал на мою машину. – Значит, чему-то все-таки научился у отца. Эйвери, если тебя

он будет беречь хотя бы в половину так, как бережет эту колымагу, ты счастливая женщина.

Она взяла меня под руку и прижалась ко мне. Я сразу почувствовал себя лучше, когда увидел, что ей весело и что в обществе моего отца она как будто немного расслабилась.

– Он хороший человек. Трудолюбивый. Мне действительно повезло. Вы, наверное, очень им гордитесь.

– Конечно. – От улыбки у отца проступили мелкие морщины вокруг глаз. – Джош когда-нибудь рассказывал тебе, как он описался, повиснув на соседском заборе?

– Нам пора возвращаться к маме, – сказал я, ероша волосы.

Эйвери постаралась сохранить спокойное выражение лица.

– Но вы ведь еще заедете? – произнес отец не столько вопросительно, сколько предостерегающе.

Я кивнул. Он еще раз обнял меня, потом Эйвери.

– Я за этим прослежу, – пообещала она.

– Ну ладно, старик, хватит. Отпусти мою девушку.

Отец сделал шаг назад и окунул нас одобрительным взглядом:

– Хороший выбор, сынок. Правда.

– Спасибо, папа. Я знаю, – ухмыльнулся я и, обхватив Эйвери за плечи, повел ее к машине.

* * *

Сидя за маминым кухонным столом, мы налопались сашими, риса и жареной курятины под соусом терияки, после чего Эйвери отправилась в мою старую комнату принять душ.

Пока она готовилась ко сну, мама топталась на кухне. Подойдя к двери ванной, я услышал стон и постучал:

– Все в порядке?

– Все отлично! – отозвалась Эйвери.

Видимо, это из-за близости моей матери она разговаривала таким наигранно-бодрым голосом. Я вернулся на кухню.

– Эй, может, притормозишь, пока Эйвери здесь? – укоризненно сказал я маме, глядя, как она наливаает себе очередную порцию виски.

– Занимайся своими делами, – проворчала она.

Появилась Эйвери с вымученной улыбкой на лице. Заметив мою беспокойность, она махнула рукой.

– Ты что-то позеленела, юная леди, – сказала мать, глядя на стакан с бурбоном.

– Я чувствую себя хорошо, – сказала Эйвери, садясь за стол.

– По виду не скажешь!

– Господи, мама! Перестань!

Эйвери покачала головой, беззвучно прося меня не разжигать скору.

– Как прошла дорога, если не считать многочисленных санитарных остановок? – спросила мать, впиваясь в меня взглядом.

– Нормально. – Эйвери сжала губы.

Она сглотнула. На лбу у нее выступила испарина.

– Детка… – Я протянул к ней руку через стол.

– Все в…

Не успев договорить, Эйвери прикрыла рот и бросилась по коридору к моей спальне.

На кухне было слышно, что ее вырвало. Мама ухмыльнулась. Я вбежал в свою комнату и остановился на пороге ванной. Оттого что Эйвери принимала душ, зеркало запотело.

– Пожалуйста, уходи, – простонала она, стоя над унитазом. – О боже!

Ее опять вырвало.

– Ты же хорошо себя чувствовала? Может, это конфеты?

– Отравление. Наверное, японская еда, – сказала Эйвери между приступами рвоты. – Умираю.

– Я намочу полотенце холодной водой.

– Спасибо. Но потом, пожалуйста, уйди. Не хочу, чтобы ты смотрел.

Я погладил ее по спине, понимая, о чем она говорит. Мне бы тоже не хотелось показываться ей в таком состоянии. Принеся полотенце, я вышел из ванной и через закрытую дверь сказал:

– Зайду проведать тебя через десять минут.

– Пожалуйста, не надо.

Я снял свое старое черно-серое покрывало, поставил на пол мусорное ведро, потом вернулся на кухню и стал шарить по шкафам в поисках чистых стаканов. Мать сидела и смотрела на меня.

– Вот дермо… Мама! Стаканы!

– За языком следи. Вода в холодильнике.

– Ты хочешь что-то сказать? – спросил я, беря две бутылки.

– Ничего не говорю.

Я обернулся: глаза ее были едва приоткрыты. Она пыталась зажечь сигарету от спички. Я поставил бутылки на столешницу, взял коробок и, чувствуя на себе тяжелый взгляд матери, помог ей прикурить. Она подалась

к огню, затянулась, выпустила облако дыма, еще раз вдохнула и сдавленно кашлянула.

– Я же вижу: у тебя что-то на уме. Выкладывай.

– Тошнит ее, да?

Мама обдала меня дымом, и я замахал руками:

– К утру поправится. Дорога была долгая. Запах никотина в таких случаях не помогает, если ты об этом.

– Не об этом, – сказала она, продолжая дымить. – Так вот, значит, зачем ты явился. Очередная пассия от тебя залетела, и тебе нужна помочь.

Мама не изменилась. С тех пор как утонула Кейла, трезвая жизнь была ей не по вкусу.

Я хохотнул:

– Ты смеешься? Кому ты можешь помочь в таком состоянии?

– Я не беременна, – тихо сказала Эйвери.

Я повернулся: она стояла, прислонившись к стене кухни, в моих баскетбольных шортах и футболке. Подбородок у нее задрожал.

– Эйвери, – выдохнул я и, схватив бутылки, подошел к ней.

Я попытался ее обнять, она меня отстранила, но, беря из моих рук воду, все-таки заглянула мне в глаза:

– Мне лучше. Пойду спать.

– Я с тобой.

Бросив на мать взгляд из-за плеча, я понадеялся, что больше мне не придется видеть эту женщину. Эйвери зашла в комнату, я за ней. Пока она заползала под одеяло, я запер дверь.

– Эйвери, не знаю, что ты услышала, но...

Я покачал головой, сам точно не зная, что сказать.

– Не надо.

В ее голосе не было злобы, только изнеможение. Она повернулась ко мне спиной и застыла. Я стянул с себя рубашку, снял ботинки и джинсы. Лег, стараясь не качнуть кровать. Мне захотелось обнять Эйвери, но я решил ее не тревожить.

– Видимо, это было до того, как мы познакомились? – Она взглянула на меня из-за плеча. Значит, все слышала. Я закрыл глаза и кивнул. – Тогда иди ко мне.

Я осторожно обхватил Эйвери и прижал к себе. Она вся напряглась, но не отстранилась. Некоторое время мы молчали. Еще никогда секунды не ползли так медленно. Наконец Эйвери сделала вдох и произнесла лучшее из всего, что я слышал в жизни:

– Я тебя люблю.

– И я тебя, – сказал я, прижавшись лбом к ее спине.

– Наверное, нам стоит поговорить об этом... когда ты будешь готов.

Я кивнул и набрал в легкие воздуха:

– Я готов. Ее звали Брук. Мой друг Дэниел познакомил меня с ней тем летом, когда я закончил школу. На вечеринке. Сам он учился в другой школе. Пару раз оставался на второй год, еле выпустился. Уже успел сделать кому-то ребенка – в общем, не парень, а ходячая проблема. Брук уже отучилась на первом курсе и во всем Дэниела поддерживала. Когда она начала со мной флиртовать, мне показалось, это круто. А через месяц Дэниел объявил: «Она беременна». – Я усмехнулся, до сих пор не веря тому, что услышал тогда. – После той ночи мы разговаривали только раз. Отношения нам обоим были не нужны, но ребенок внезапно связал нас. Я не уговаривал Брук от него избавиться. Даже вообще не поднимал эту тему.

Эйвери потянула меня за руки, чтобы я крепче ее обнял.

– Я, конечно, был испуган, но ни разу не попытался склонить Брук в ту или другую сторону. А Дэниел до смерти хотел сыграть супергероя, спасителя. Постоянно предлагал ей поплакать у него на плече. Я сходил с ней в первый раз к врачу. А потом... струхнул. Мне понадобилось свободное пространство. Мы страшно разругались. Наговорили такого, чего на самом деле и не думали. Я на день уехал из города и выключил телефон. А следующим утром вернулся и прочел сообщение: «Еду в клинику». Я попытался дозвониться до Брук. Черт! Я звонил раз двадцать, но она... она не отвечала. – Вспоминая все это, я начал задыхаться. – На дороге была пробка. Когда я добрался до больницы... дело уже было сделано. Больше Брук со мной не разговаривала. – В комнате воцарилась болезненная тишина. – Эйвери?

– Я люблю тебя.

Мое дыхание прервалось, глазам стало горячо.

– Это еще не все.

– Не важно. Я тебя люблю.

Я скжал зубы и, с трудом сдержавшись, чтобы не потерять контроль над собой, рассказал Эйвери о том дне, когда умерла Кейла, и обо всем, что было после: о детстве, о колледже, о времени между детством и колледжем. Всю мою исповедь она выслушала с любовью. Я говорил до тех пор, пока не пересохло в горле. И наконец уснул, обнимая ее.

* * *

Проснувшись, я пошарил по холодной простыне. Оказалось, что я лежу один. Сердце упало. Я отбросил одеяло, натянул джинсы с футболкой и тапочки, чуть не упав при этом. Ноги меня не слушались. Выбравшись из своей комнаты в гостиную, я услышал ее голос и застыл.

Она меня не бросила! Эйвери сидела с моей матерью за кухонным столом. Они пили кофе и болтали.

– Доброе утро! – крикнула Эйвери. Она подтянула колено к груди и глотнула из кружки. – Я сварила кофейку.

Я с силой потер шею, пытаясь осмыслить увиденное: любимая девушка не только не ушла от меня, но и как будто мило общалась с моей матерью. Подойдя, я поцеловал Эйвери в лоб и на секунду задержал губы.

– Как самочувствие?

– Лучше.

От ее улыбки мне стало легче. Я выпрямился и взглянул на мать. Она смотрела куда угодно, только не мне в глаза. Но уже то, что она не вырубилась, было хорошо. Я взял из шкафчика чашку, налил себе дымящегося кофе и сел рядом с Эйвери. Она объясняла маме, чем зарабатывает на жизнь: рассказывала про учебу в медицинском училище, про дежурства в отделении экстренной помощи. Мать внимательно слушала. Казалось, она даже довольна.

Мне трудно было сосредоточиться на словах. Я просто с восхищением глядел на Эйвери и думал: «Чем же я заслужил это счастье – встретить такого понимающего человека? У нас все будет хорошо, когда мы вернемся домой... к нам домой. Следующий шаг – попросить ее выйти за меня замуж. Нужно только удержаться и не сделать ей предложение прямо на пороге нашей квартиры».

Глава 15

Эйвери

Час назад Куинн передал по рации, что они с Джошем везут к нам подростка в критическом состоянии. Наконец машина подошла. Деб помогла вкатить носилки в здание больницы. Джош, нависнув над пациентом и считая вслух, делал ему непрямой массаж сердца. Я помогала Деб проверять жизненно важные органы, когда в комнату ворвался доктор Розенберг.

Через сорок минут я отерла Джошу пот со лба. Над его головой висели на потолке украшения в красно-зеленых тонах.

– Может, сделаешь паузу? – спросила я, обрабатывая черепно-мозговую травму пациента. Джош покачал головой. – Ты всего один раз отдыхал.

Мне уже было тяжело дышать. Мокрая челка прилипла ко лбу. Все вокруг гудело, охваченное организованным хаосом.

Джош не сдавался. Он сидел верхом на носилках и всем корпусом налегал на руки, компенсируя таким образом усталость мышц.

– Пациент умер, – сказал Розенберг. – Я регистрирую.

Но Джош продолжал:

– Нет, он жив!

Кардиограмма выдала синусовый ритм, потом на экране высветился еще один зигзаг. Все застыли. Деб поднесла пальцы к шее мальчика:

– Пульса нет.

– Я продолжаю массаж. – Джош поменял расположение ладоней и стал надавливать еще сильнее. – Парень возвращается. Он должен вернуться.

– Джош, что вы делаете? – удивился доктор Розенберг. – У него огнестрельное ранение в голову!

– Сегодня Рождество! – проговорил Джош, пыхтя. – А он, черт возьми, ребенок, и его мама ждет от нас добрых вестей.

– Хорошо. Еще одну инъекцию.

Я дважды щелкнула пальцем по заранее приготовленному шприцу, воткнула иглу в порт-систему и ввела пациенту один миллиграмм адреналина. Еще три минуты Джош делал массаж. Потом Деб проверила пульс и ритм. Ее брови сомкнулись.

– Остановка сердца, доктор.

Джош опять склонился над мальчиком, приложив руки к его груди:

– Я продолжаю.

– Прекращайте, – скомандовал Розенберг. Взгляды медперсонала заметались между ним и Джошем. Доктор сдернул с себя перчатки. – Время смерти – час двадцать два.

Джош сжал зубы. Он все слышал, но не останавливался. Я встревоженно взглянула на Розенберга: если ему покажется, что он потерял контроль над своим отделением, мой парень мог остаться без работы.

– Джош, хватит. – Я протянула руку и дотронулась до его плеча. Мои пальцы оставили на коже кровавые отпечатки. – Мальчик умер.

Сидя на коленях, Джош откинулся назад. Он запыхался, со лба градом лил пот. Вытервшись предплечьем, он размазал по лицу темную кровь. Мы все смотрели на монитор, надеясь на чудо, но там тянулась прямая линия.

– Проклятье! – вскричал Джош. – Глупый чертов ребенок!

Я окликнула его, встав перед ним с разведенными в стороны руками: вся моя одежда была в крови. Обведя комнату дикими глазами, Джош пинком опрокинул столик. Все, кроме меня, попятались.

– Вон из отделения! – рявкнула я.

Джош растолкал всех плечами и исчез. Мы окружили мальчика. Ему было всего четырнадцать. Вскоре, пятась, вышла рентгенолог со своим переносным аппаратом, за ней – специалист по искусственной вентиляции легких. Деб распечатала последнюю ленту кардиограммы с прямой линией. Медсестры вынули все трубки и принялись убирать кровь.

– Я поговорю с родственниками, – сказал Розенберг.

Я остановила его:

– Доктор, может, вам сначала переодеться?

Он опустил глаза и, увидев, в каком состоянии его халат, кивнул.

– Я тут все закончу, – пообещала Деб.

Я сняла бахилы и перчатки, вытерла лицо и вышла в коридор. За углом Джоша не оказалось. Он сидел на другом этаже, рядом с комнатой отдыха, прислонившись спиной к стене. Я опустилась возле него на колени:

– Нельзя так.

– Я знаю, – прорычал он.

– Посмотри на меня, – сказала я. Он вскинул голову. – Ты не должен вытворять такое в моем отделении, понимаешь?

Его плечи обмякли, он отвернулся и кивнул, скривив рот:

– Понимаю. Но, черт возьми! Это же Рождество! Когда пацан выстрелил себе в голову из маминого нового пистолета, его мозги по всей елке разлетелись...

– Знаю.

Мне хотелось сказать что-нибудь более обнадеживающее, но смерть этого ребенка не укладывалась ни в какие рамки. Джош вытер мокрую щеку, глотнул воздуха, и лицо его скривилось.

– Я чувствую себя долбаной размазней!

– Все нормально. Каждый воспринимает такие вещи по-своему.

– Детка... – Он протянул руку, чтобы отереть мне лицо.

– Все. – Я отстранилась. – Пойду приведу себя в порядок. А ты не забудь отчитаться на станции. – Я встала и окинула взглядом алые пятна, которыми была покрыта моя униформа. – Договорились?

Джош досадливо закивал:

– Да-да, хорошо.

– Увидимся дома.

Его нижняя губа дрогнула, он шмыгнул носом, встал и словно бы все с себя стряхнул.

У каждого, кто выбрал такую профессию, есть на то свои причины. Джош даже сам не понимал, насколько глубоко он сострадает людям. Он не гнался ни за деньгами, ни за славой. У нас была собачья работа и собачья зарплата, но в конце дня он ложился спать, зная, что кому-то помог. И важнее этого в его жизни могло быть очень немногое.

Женскую раздевалку украшали дешевые красно-зеленые гирлянды. Многие медсестры приклеили на дверцы своих шкафчиков фотографии детей или племянников. У меня висел только один черно-белый снимок: мы с Джошем в гостях у мамы Куинна на День благодарения.

Я прямиком прошла в ванную, стащила с себя блузу и бросила в красный бак. В зеркале увидела на своем лице темные капли и полосы. Просочившись сквозь ткань униформы, кровь запачкала спортивный бюстгальтер. Мои глаза, в упор смотревшие на меня, казались тусклыми. Под глазами образовались темные круги. Из конского хвоста выпало несколько светлых прядей. В таком виде была не я одна: мы все целый час тяжело трудились, пытаясь помочь мальчику. Но иногда, что ни делай, человека невозможно спасти. Даже Джош не может.

Я сняла форменные брюки, отвернула кран и стала умываться. С моих рук и лица стекала красная вода. Вытираясь, я чувствовала на себе груз боли и разочарования, понимая, что мое огорчение – ничто по сравнению с горем матери мальчика.

Схватившись за раковину, я сделала судорожный выдох, и из глаз потекли слезы. Меня тряслось. Я дала себе пять минут, чтобы оплакать чужого ребенка. Часы протикали положенный отрезок, я опять умылась,

надела свежую форму и приготовилась помогать следующему пациенту.

В дверь протиснулась Майлз. Ее глаза тоже покраснели и припухли.

– Ты хорошо поработала, Джейкобс.

– Спасибо, – ответила я, постаравшись не встретиться с ней взглядом, и вышла.

За закрытыми дверями комнаты, где собралась семья мальчика, завыла мать. Я схватила очередную историю болезни и заспешила в приемную.

– Чарльз? – с улыбкой окликнула я пожилого человека в инвалидном кресле.

Жена подвезла его ко мне.

* * *

Джош ждал меня после работы. На нем по-прежнему была темно-синяя форма: штаны карго, футболка с белым логотипом, пуховик. Когда я подошла, он надвинул бейсболку на глаза и выдохнул колечко пара.

– Привет, – сказала я и скрестила руки. – Давно стоишь?

Он сунул кулаки в карманы:

– После смены я попросил Куинна высадить меня здесь. Не хотел оставаться в квартире один, чтобы опять не разнюниться.

Я просунула руки ему под локти и прижалась щекой к его щеке. В нос ударили запах виски. Я отстранилась:

– Сколько?

– Один стаканчик после работы. Бутылку не я принес, а Куинн. – Я не ответила. Он улыбнулся и пожал плечами: – Холодно, черт возьми!

Я достала свои ключи:

– Поехали домой.

Джош открыл передо мной дверцу и размашистым жестом указал на водительское сиденье. Я улыбнулась, села и изнутри открыла дверь для него. Он тоже сел и стал потирать руки в перчатках. Я попыталась завести машину. Двигатель издал три жужжащих звука, но работать не захотел.

– Вот дермо! – проворчала я, ударив ладонями по рулю.

– Он просто замерз. Попробуй еще и не нагнетай газ. Пускай сделает несколько оборотов. Только тогда дави на педаль.

Я так и поступила. «Додж» завелся, выпустив в морозный воздух облако пара. Облегченно вздохнув, я посмотрела на Джоша:

– Великолепно! Ты великолепен!

Он протянул руку, чтобы выключить вентилятор, и, потирая колени,

сказал:

– Домой, детка! Холодно!

Хихикнув, я дернула рычаг переключения передач и выехала с парковки. Шоссе было запруженено: народ разъезжался после праздника. «Додж» продвигался вперед дюймами. Я покачала головой:

– Не повезло, что мы оба заняты в Рождество. Уже очень хочется домой.

– Хорошо хоть печка работает, – сказал Джош и, похлопав мое колено, заставил себя улыбнуться.

– Тяжелая выдалась смена.

Он угрюмо кивнул:

– Я сожалею, что раскричался. И перевернул столик с инструментами. И вылетел из комнаты как ненормальный.

– Деб говорит, что на ее глазах даже врачи такое делали. Те, кто принимает все близко к сердцу, – сказала я и уточнила: – Но не док Роз.

Джош ухмыльнулся:

– Ты назвала его док Роз?

– Ну и что? Ты сам его так всегда зовешь.

– Уничтожительно. От тебя я этого не слышал.

– Это прозвище ему подходит.

– А меня по-прежнему называют Мак-Бабником?

– Нет. По крайней мере... не в моем присутствии.

Джош усмехнулся и откинулся в кресле:

– Еще миля – и мы отсюда выберемся. Малыш Иисус задолжал нам рождественское чудо.

– Это наше первое совместное Рождество, – улыбнулась я.

– Второе. Хвалю себя за то, летнее. Как будто я предвидел, что сегодня нам придется работать.

– Да, похвалу ты заслужил. Праздник был идеальный.

– У меня и для этого раза кое-что припасено. Не волнуйся, детка.

– Правда? И что же?

– Увидишь.

С каждым фулем, который мы преодолевали, улыбка Джоша становилась шире. Через двадцать минут мы выползли из пробки, а еще через десять подъехали к дому. Я поставила свою машину рядом с «барракудой» Джоша.

Он обнял меня за шею, притянул к себе и поцеловал:

– Ты в предвкушении?

– Я вижу, в каком предвкушении ты! – задиристо сказала я, подтолкнув

его бедром.

Он открыл подъезд, мы взбежали по лестнице и остановились в коридоре, пыхтя и улыбаясь. Как только Джош открыл дверь, я втолкнула его внутрь. Он поздоровался с нашим мохнатым малышом, дал ему рождественское угощенье, а потом подошел к елке, зажег лампочки и повернулся ко мне. Основной свет не был включен, и мигание огоньков создавало волшебную атмосферу.

– Ничего, что формально уже не Рождество?

– Еще Рождество, – ответила я. – В Калифорнии.

Джош посмотрел на часы:

– Даже там уже нет. Но мы не будем на этом зацикливаться.

Я подскочила к елке и села на пол, скрестив ноги. Джош уселся рядом и протянул мне первый подарок:

– Сначала тебе.

Он потрепал шерстку собаки. В его глазах светилась чистейшая радость.

– А потом тебе, ладно?

– Как пожелаешь.

Смеясь, я разорвала оранжевую бумагу с зелеными паучками:

– Там пауки?

– Первый пункт твоего списка.

Джош подмигнул мне, и мое сердце растаяло: как он был внимателен, сколько сил прилагал, чтобы создавать для меня хорошие воспоминания!

Сняв оберточную бумагу, я увидела на картонной коробке надпись «Amazon» и спросила:

– Книги?

Джош не ответил. Тогда я сняла крышку и, заглянув внутрь, увидела другую коробку, поменьше. Я вопросительно приподняла бровь.

– Открывай, – улыбнулся Джош и сделал глубокий вдох.

Я открыла и, достав подарок в прозрачной пластиковой упаковке, обрадованно посмотрела на Джоша:

– Часы!

– *Не просто* часы! «Гугл» говорит, для медсестер – это часы номер один. Антимикробные ремешки и задняя сторона, стрелки и цифры светятся в темноте!

– Ух ты!

Джош выхватил у меня часы и протянул мне следующий сверток:

– Дальше.

Я положила коробочку рядом с собой и достала из-под елки другую:

– Твоя очередь.

Джош разорвал обертку. Глядя на него, я улыбнулась и наморщила нос: мой парень распаковывал подарки не слишком аккуратно.

– Часы! – обрадовался он.

Я усмехнулась:

– *Не просто* часы, а чертов «Ролекс»!

Он покачал головой:

– Детка... Это чересчур.

– Все нормально. Я скопила.

Взявш мое лицо двумя руками, Джош чмокнул меня в губы:

– Мы действительно созданы друг для друга. Теперь открой скорей вот это. Умираю – не дождусь.

– Прикольно! – сказала я, нетерпеливо ерзая. Но коробочка оказалась пустой. – Что это? – Я в недоумении посмотрела на Джоша. Он только улыбнулся. – Шутка такая? Я не понимаю...

Джош протянул руку, воткнул в розетку еще один шнур, и квартира засветилась разными цветами. Двери, окна, даже пол – все стало как радуга. А когда Джош нажал кнопку на телефоне, из колонки в другом конце комнаты зазвучала наша песня. Я захлопала в ладости:

– Здорово!

– Этот подарок, вообще-то, не тебе. Я просто стеснялся сказать.

– Не мне?

Он покачал головой:

– Это Дексу. Я купил ему новый ошейник.

– Правда? – взвизгнула я, оглядывая обновку нашего пса. Что-то царапнуло мне руку. Я перевернула ошейник. – Бирка?

– Нет, – усмехнулся Джош. – Не бирка.

Я легонько дернула. Ошейник расцепился.

– Ой! – испугалась я и вдруг увидела у себя на ладони золотое колечко с маленьким, но красивым бриллиантом огранки «Принцесса». – О господи... Джош!

– Эйвери Джейкобс! – сказал он, становясь на одно колено.

– О господи! – опять выдохнула я, не в состоянии больше ничего придумать.

– Я... – Джош моргнул, – я все продумал, но сейчас мозг мне отказывает. – Он рассмеялся и потер шею.

Я тоже рассмеялась, прикрыв рот рукой:

– Джош!

– Черт, я так нервничаю! Ну да ладно. Эйвери, ты выйдешь за меня?

Я уставилась на него, не в силах пошевелиться или что-нибудь сказать, не расплакавшись.

— Я... я... — продолжил Джош, запинаясь, — понимаю, что рано. Я пытался ждать. Богом клянусь, но... Эйвери, я люблю тебя больше всего на свете. Это правда. *Больше всего на свете*. Ни о чем другом не мог думать — только о том, как надену тебе на палец это кольцо.

Я обняла его, и слезы хлынули по щекам рекой.

— Это означает «да»? — спросил Джош.

Ди прыгнул ему на спину.

— Да, — сказала я. — Да.

Джош надел мне кольцо, а второй рукой я провела по своей щеке.

— Не плачь, детка. — Он вытер мне глаза большим пальцем.

— Я так тебя люблю, — всхлипнула я. — И я так счастлива, что ты меня любишь. И... теперь я буду Эйвери Эйвери.

Этим я хотела его рассмешить, но глаза, изучавшие мое лицо, выражали только обожание. Он приложил ладони к моим щекам, покачал головой и вздохнул:

— По-моему, слов нам уже не хватает.

И мы стали целоваться, освещенные тысячей мигающих огоньков.
Наконец-то.

Глава 16

Джош

Растаял последний снег, и последний клочок земли очистился ото льда, а Эйвери все еще билась над планом идеальной свадьбы. Мы оба много работали, и времени для уточнения деталей не хватало. Эйвери настаивала на том, чтобы мы поженились летом: ей хотелось надеть красивое платье и не трястись от холода. Ну а мне было нужно только одно: назвать ее *моей женой*.

Бросив на кухонный стол смету свадебного торта, я потер двумя пальцами переносицу:

– Детка, это безумие. Ни одно изделие из теста не может быть таким дорогим.

Эйвери стояла у плиты. Утреннее солнце, просачиваясь через окно, подсвечивало ее волосы.

– Я пробовал торты у этой женщины: хорошие, но, по-моему, торт вообще баловство.

– Тогда давай отпразднуем в «Дыре на углу». – Эйвери отвернулась от плиты и с прищуром посмотрела на меня, грозно подняв лопаточку. – Хочешь, чтобы наша свадьба прошла в забегаловке?

– В забегаловке?! Да это же святотатство! Разве ты не любишь «Дыру на углу»?

– Люблю, малыш. Но бар хорош только для того, чтобы выпить стаканчик и снять напряжение после работы. Начало новой жизни, которую мы хотим прожить вместе, надо праздновать не в «Дыре». У них там даже еды не подают.

– Можем заказать в нашем китайском ресторанчике.

– Ты имеешь в виду «Джей-Вок»? – Эйвери так выпучила глаза, что они чуть не вылезли из орбит. – Ты действительно хочешь, чтобы на нашей свадьбе была еда из китайской закусочной?

– Ее ты тоже любила, а теперь и она тебе не годится? На кого ты пытаешься произвести впечатление? Этот день должен быть нашим, и только нашим.

Я встал и обнял Эйвери за талию, подойдя к ней сзади. Она возила лопаткой по сковороде, готовя яичницу-болтунью.

– Извини, – вздохнула она, и ее плечи обмякли. – Не знаю, что со мной

стало из-за этой свадьбы. Раньше я о такой фигне никогда не беспокоилась. Просто... это действительно *наш* день, и он очень важен для меня. Хочу, чтобы все прошло идеально.

Я перебросил ей волосы через правое плечо и прижался губами к ее шее.

– Все так и будет. А вот если мы влезем в долги ради свадебного торта, это будет не лучшее начало для нашего «навсегда».

Она шмыгнула носом:

– Я просто боюсь кого-нибудь разочаровать и...

– Кто, кроме нас, может быть очарован или *разочарован* нашей свадьбой? Ты слишком напряжена. Как это исправить? Дай-ка попробую тебе помочь.

Я повернул ее к себе лицом и обнял. Она уткнулась в меня, сделала глубокий вдох и, покачав головой, почти неслышно пробормотала мне в шею:

– Этого ты исправить не можешь.

– Я могу исправить все.

– Меня некому вести к алтарю. Как ты это поправишь?

Я обнял ее крепче: ужасно, что счастливейший день нашей жизни бередил старые раны.

– Я что-нибудь придумаю.

– То есть как? – Эйвери отстранилась и посмотрела мне в лицо.

– Ты сказала, что *ненавидишь* разочаровывать людей. Я внес это в список твоих антипатий и обо всем позабочусь. Как на наших свиданиях.

– Нет... – Она медленно и нерешительно помотала головой. – Ты же не попросишь первого встречного быть моим посаженным отцом.

– Пожалуйста, предоставь это мне. У тебя и так полно хлопот.

Эйвери закусила нижнюю губу и неуверенно кивнула. Я взял ее лицо обеими руками и заглянул ей в глаза:

– Пожалуйста. Я очень хочу это устроить.

Она кивнула еще раз, и я поцеловал ее в лоб. Вдруг шипение сковородки заставило нас разомкнуть объятия. Эйвери резко развернулась и схватилась за ручку.

– Черт! – вскричала она, шмякнув сковороду на стол, и, бросившись к крану, сунула пальцы под холодную струю.

– Боже мой, Эйвери! – Я осмотрел ее ладонь: розовый след от ручки сковородки уже начинал бледнеть. – С виду не смертельно, – ободряюще улыбнулся я.

Она застонала и, выпятив нижнюю губку, поглядела на меня:

– Сдаюсь. Пойду опять спать, а завтра попробую. Еще раз.

– Ну перестань! – Я провел по губам Эйвери подушечкой большого пальца и снова притянул ее к себе. – Все будет хорошо. Обещаю. – (Она кивнула, не отстраняясь от меня.) – Иди. Я доделаю яичницу и принесу тебе. Мы целый день проведем в постели.

– Ты меня балуешь.

– Я же еще не сказал тебе, что мы будем делать в постели.

Когда Эйвери повернулась, я хлопнул ее по попе.

– Вот я и говорю: ты меня балуешь, – сказала она, остановившись на пороге кухни и сексуально улыбнувшись.

* * *

Последние две недели я был занят своей частью предсвадебных приготовлений: бронировал билеты на самолет, договаривался на работе об отпуске. Даже непрятательная свадьба должна быть хорошо продумана. А мне к тому же хотелось, чтобы при всей скромности нашего праздника этот день стал для нас особенным.

Эйвери уже не казалась такой напряженной, но, поскольку о свадьбе она говорить перестала, я с каждым днем все больше боялся, что она передумает за меня выходить.

– Да нет же, тютя, перестань дергаться, – сказала Деб.

Я крепче прижал телефон к уху:

– Не пытайся отбрехаться, для меня это серьезно!

– Слушай, ты мне нравился раньше, когда был крутым парнем. А теперь ты все время хнычешь, и это не прикольно. Я скучаю по тебе прежнему.

На заднем плане послышался голос Куинна:

– Секс-бомбочка моя, тащи сюда свой красивый зад!

Я закатил глаза:

– Деб, ты можешь ответить серьезно? Хотя бы раз? Это важно.

Она с минуту помолчала:

– Нет. Теперь я могу идти? Твоему лучшему другу не терпится заняться вечерней гимнастикой.

– Бог мой! Пока.

Я нажал отбой и уронил телефон на колени. Услышав шорох, поднял голову: Эйвери в своей медицинской форме стояла, прислонившись к кухонному косяку и скрестив руки на груди:

– Привет.

Я попытался не показать виду, что секунду назад хотел придушить ее подругу:

– Привет, детка.

Помолчав, она спросила:

– Кто это был?

– Я утрясал кое-что по поводу свадьбы. – Эйвери кивнула, но ничего не сказала. Только слегка прищурилась. Я спросил: – Что-то не так?

Она пожала плечами и, отклеившись от косяка, подошла к холодильнику:

– Я просто думала, мы с тобой сбежим... быстро и внаглу. А ты все время висишь на телефоне, но особого прогресса не заметно.

– Детка, остается пара недель. Нужно было кое-что уладить. Теперь почти все готово.

– Пара недель? Ты знаешь, какое сегодня число?

Я поморщился:

– Cinco de mayo?^[18]

– Май, Джош. А ты выбрал июнь. Ты взял организацию свадьбы на себя, потому что не хотел, чтобы я переутомлялась. Теперь еле плетешься.

– Эйвери, – укоризненно сказал я и прокашлялся. В наш разговор начинало просачиваться раздражение, которое вызвала у меня Деб. – В чем дело? Сначала все происходило слишком быстро, а сейчас слишком медленно? Я стараюсь.

– Ты специально тянешь время? – Она медленно повернулась ко мне. По ее щеке скатилась слеза. – Тебе не нужно этого делать. Ты можешь просто со мной поговорить.

Эйвери дотронулась до монетки у себя на шее. В панике я нацепил на нее палец:

– Ты ведь не собираешься меня бросить?

Она моргнула:

– Я не... Я хотела дать это тебе, чтобы узнать твои мысли. В последнее время, когда я просто спрашиваю, ты не отвечаешь.

Я вздохнул:

– Поговорить нам действительно нужно. Не хочется тебя расстраивать, но я устал теряться в догадках.

– Да в чем дело? – спросила Эйвери, переступив с ноги на ногу.

– Я нервничаю.

– Из-за того, что сделал мне предложение?

Она посмотрела на меня так, будто я ее ударил.

– Нет. Совершенно не из-за этого. – Я подошел к ней и взял ее руки в свои. – Просто ты молчишь, когда я заговариваю с тобой о свадьбе. У меня все в порядке. Я не хочу ждать, но, если ты хочешь, подожду.

Эйвери покачала головой.

– Ты точно не хочешь отложить? – спросил я, почти успокоившись.

– На работе прошел слух... – Она закусила губу.

– Слух? Какой еще слух?

– Майлз сказала, что видела тебя в «Дыре на углу» позавчера вечером, когда ты вроде как был на дежурстве. Она не мне об этом сообщила, а кому-то другому. Деб подслушала.

Я моргнул:

– Я действительно заходил в бар.

Эйвери подняла на меня глаза:

– Я послала тебе эсэмэску за пятнадцать минут до твоего возвращения.

Ты отписал, что едешь домой.

Мой рот скривился. *Вот черт!*

– Я не собирался тебе врать. Просто не придал этому значения.

– Почему ты мне не сказал, что после дежурства заедешь в бар?

Я пожал плечами:

– Раньше ты от меня этого не требовала.

– Ты был с девушкой? – спросила Эйвери, подумав. – С блондинкой?

– Нет.

Я внутренне сжался. И зачем меня понесло тогда в «Дыру на углу»?

– Эйвери... – Я слегка согнул ноги в коленях, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. – Больше всего на свете я хочу быть *с тобой*. Клянусь тебе, у меня нет другой женщины. И не будет. Мне только ты нужна. Но я хочу, чтобы ты мне доверяла.

Она задумалась и посмотрела в пол. Я затаил дыхание.

– Тебя еще что-нибудь беспокоит? – спросил я, и на мой мозг обрушился миллион ужасных мыслей.

– Я... Я слышала, как ночью ты разговаривал по телефону.

Эйвери произнесла эти слова еле слышным шепотом, но для меня они прозвучали громко и отчетливо, заглушив даже быстрое биение моего сердца.

– Что?

Наклонив голову набок, я спросил себя, не сон ли это.

– Я не следила за тобой. Ничего подобного. Я просто проснулась.

Я пожал плечами и попытался отмахнуться:

– Не знаю, детка, какой разговор ты имеешь в виду.

На лицо Эйвери легла тень разочарования. Ее глаза долго меня изучали. Наконец она спросила:

– Это твой ответ?

– У меня нет ответа. Ты знаешь: я готовлюсь к свадьбе. Я сказал тебе, что обо всем позабочусь, и сказал совершенно серьезно. Это правда.

– Я ложусь спать.

Эйвери отошла от меня и направилась в ванную.

– Детка... – Я хотел прикоснуться к ней, но не дотянулся. – Ты есть хочешь?

– Не хочу.

Дверь ванной закрылась. Свет образовал вокруг нее четырехугольную рамку. Чувствуя себя одиноким, я прошел в нашу темную спальню. По всей комнате были развесаны и расставлены фотографии, которые мы с Эйвери сделали за прошедший год: на стенах, на прикроватных тумбочках, на угловом комоде, где я хранил свой запас спиртного для экстренных случаев. Мой старый шкаф не поместился в квартире Эйвери, и я его продал. Теперь мне, наверное, нужно было подыскать небольшой сундук с замком. Чтобы я не мог добраться до бутылки, просто открыв ящик.

Включился душ. Я сел на кровать, не зная, что делать: с одной стороны, хотелось рассказать Эйвери правду, позволив ей освободиться от нездоровых фантазий. С другой стороны, я боялся все разрушить.

Открыв дверь, я увидел за стеклом душевой кабинки силуэт прекрасного обнаженного тела. Эйвери стояла, подставив голову под воду и закрыв лицо руками.

Я должен был ей признаться.

– Эйвери... – Я дотронулсся до дверцы.

– Пожалуйста, не надо.

– Давай поговорим.

– Нет. Я просто хочу постоять под душем и все переварить.

– Я могу это уладить.

Эйвери немного помолчала, а потом завопила:

– Тебе никогда не приходило в голову, что я не хочу, чтобы ты все улаживал? Может, я просто хочу, чтобы все было хорошо и правильно? И мне не нужно то, что надо улаживать?

Я застыл, разинув рот. Раньше она никогда на меня не кричала.

– О'кей, – пробормотал я. – Извини. Я... э... я оставлю тебя в покое.

– Супер! – отрезала она.

Я попятился прочь из ванной, закрыл дверь и сбросил туфли. В темной спальне светилось табло будильника. Через пять часов начиналась моя

смена, а сна не было ни в одном глазу. Я разделся до трусов и лег.

В ванной перестала бежать вода. Покончив с последними приготовлениями ко сну, Эйвери вошла в спальню, упала на кровать, резко натянула на себя одеяло и с протяжным вздохом повернулась на бок, ко мне спиной. Мокрые волосы шлепнулись на подушку.

Некоторое время мы лежали молча. Потом я протянул руку и дотронулся пальцами до ее бедра.

– Уйти я не могу. Боюсь, что завтра ты сменишь замки, а вещи мои будут лежать на тротуаре. – (Она не ответила.) – Богом клянусь: я никогда тебе не изменял. И не думал изменять. Разве ты не знаешь, как я тебя люблю?

– По-моему, что-то не так. – Эйвери шмыгнула носом. – Не знаю, в чем дело, но я уже довольно давно это чувствую. А ты?

– Иногда...

Я замолчал. В последнее время мне порой приходилось останавливаться, чтобы восстановить связь с реальностью. Сидя рядом с Куинном, я, бывало, ощущал потребность поговорить хотя бы с чужим человеком. На работе я иногда выходил из оцепенения, но чаще всего время, проведенное не с Эйвери, словно тонуло в тумане.

– Твою любовь ко мне я всегда воспринимал как нечто нереальное. Но по-моему, в этом нет ничего страшного.

Эйвери потянула носом воздух. Она плакала. Я повернулся к ней и обнял ее. Она прижала колени к груди.

– Просто не ври мне. Никогда.

– Разве ты представляешь себе что-нибудь, ради чего я рискнул бы самым дорогим мне человеком?

– В стрессовой ситуации даже с лучшими людьми происходят странные вещи. Взгляни на доктора Розенберга.

Я приподнялся на локте и посмотрел на Эйвери. Щеки у нее были мокрые.

– Раньше я хотел стать на него похожим, но это только из-за того, что он нравился тебе. Теперь я не хочу быть таким, как док Роз. Я буду дорожить каждой секундой, которую проведу с тобой, нашими детьми и внуками. Мы вместе состаримся, и, вспоминая прошлое, я буду знать: я ценил свое счастье.

Эйвери неуверенно потянулась рукой к моей щеке:

– Скажи мне, что я все выдумываю. Скажи, что Майкл выдумывает.

Я вздохнул:

– Не могу. Я действительно заходил в «Дыру на углу». И разговаривал

там с девушкой. Но была ли она блондинкой или нет, не помню: не обратил внимания. Мы просто перекинулись несколькими словами. Еще я действительно сказал тебе, что еду домой, хотя ехал в бар. И ночью я действительно иногда разговариваю по телефону. Но мне нужна только ты. Пожалуйста, верь мне.

У Эйвери задрожали губы. Она притянула меня к себе и обхватила за шею. Просунув руки между нею и простынями, я ухватился за нее, как за якорь, который удерживал меня на земле.

* * *

Утреннее солнце просочилось через окна и заполнило собой комнату. Эйвери застонала. Ночью она замещала Деб и пришла домой только в три. Я встал и задернул шторы.

– Бесполезно, – сказала она. – Я проснулась.

Я быстро залез обратно под одеяло:

– Постарайся снова заснуть. Ты, наверное, вымоталась.

– Не могу. От мая осталось всего десять дней.

Я крепко обнял ее:

– А потом будет июнь.

Эйвери подняла на меня усталые глаза и сонно улыбнулась:

– Потом будет июнь...

– Нервничаешь?

– Просто надеюсь, что мы никого не разочаруем. У нас ведь будет скромная свадьба, а не шикарный прием.

– Я сразу предложил пиццу.

Эйвери приподняла голову:

– По-моему, лучше вообще не кормить гостей на свадьбе, чем разнести им пиццу.

Я с улыбкой пожал плечами:

– Они хотят просто быть рядом с нами в этот день и разделить нашу радость.

– А я просто хочу, чтобы не получилось отстойно.

– Ты серьезно думаешь, что наши друзья и родственники нас осудят, если на свадьбе не будет салата с креветками и ледяной скульптуры?

– Кто-нибудь, может, и осудит.

– Кто же эти мифические уроды? И зачем нам их приглашать?

Эйвери звонко рассмеялась, наконец расслабившись:

– Ты прав. Извини. Просто надо мной висит что-то непонятное, и поэтому я постоянно суечусь.

– Что над тобой висит?

– Ну... это, – сказала она, накручивая прядь волос на палец и глядя в окно.

Я спросил себя, не говорит ли она о том неясном чувстве, которое мучило и меня. Конечно, в нашей любви мы оба были уверены. Дело было в чем-то другом, и Эйвери тоже это ощущала.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я, убирая волосы с ее лба.

Она усмехнулась:

– Я здорова.

– Ты понимаешь, о чём я, – сказал я, подтолкнув ее локтем. – Как ты себя ощущаешь?

– Как самая счастливая девушка на свете.

Она прикоснулась улыбающимися губами к моим губам и привлекла меня к себе. Я откинул разделявшее нас одеяло и накрыл ее собой, испытывая такое же сильное желание, как в нашу первую ночь. Она раскрыла бедра, принимая мое тело, а когда я бросил взгляд на свою прикроватную тумбочку, потянула меня вниз и, протяжно поцеловав, сказала:

– Хочу чувствовать тебя. Только тебя.

Я поднял голову, чтобы посмотреть ей в глаза. Она закусила губу и кивнула. Тогда я толкнулся вперед и стал медленно в нее входить. Она охнула от непривычного ощущения. Ее веки дрогнули и прикрылись. Я поцеловал их и задвигался вместе с нею, чувствуя, как ее ногти впиваются мне в спину.

– Ты будто специально для меня сделана, – хрипло произнес я.

Эйвери судорожно глотнула воздух и выдохнула, пощекотав мне ухо. По моему позвоночнику пробежали мурашки. Ее бедра поднимались и опускались, а вздохи становились громче и чаще. Я перевернулся. Оказавшись на мне, она сначала прижалась ко мне грудью, а потом села, откинула волосы и выгнула спину, чтобы я увидел ее во всей красе.

– Черт! Какая же ты! – сказал я, скользнув по ней рукой.

Чуть прикусив зубами губу, Эйвери чуть пошевелилась. Это движение так подействовало на меня, что я схватился за ее бедра и замер: нужно было сосредоточиться, чтобы все не кончилось слишком быстро. Эйвери улыбнулась уголком рта и, опустив голову, посмотрела на меня. Золотистая прядь упала ей на глаза. Впервые за долгое время она ни в чем как будто не сомневалась, и от одной этой мысли я возбудился еще сильнее.

К ее губам потянулась моя рука. Она тронула ее поцелуем, нежно взяла в рот большой палец и, слегка прихватив его, подалась назад. Мое дыхание сбилось:

– С ума сойти, женщина!

– Нравится? – улыбнулась она и еще раз провела языком по моему пальцу.

В ее глазах мелькнуло что-то новое, но я не стал спрашивать что. Побоялся это развеять. Она сидела на мне верхом, упираясь руками в мою грудь. Ее соски превратились в тугие твердые бутоны. Раззадоривая меня, она поднималась и опускалась, а я сильнее впивался пальцами в ее бедра.

– Люблю тебя! – признался я в миллионный раз, все равно чувствуя, будто этого мало.

Чем больше Эйвери раскрепощалась, тем хаотичнее двигалась. Я стал сам раскачивать нас, как на волнах, которые вздымались и опадали, слушая пульс ее тела.

– Люблю тебя! – тонко произнесла она и провела ладонями по моему животу. – Очень.

– Докажи!

Эйвери обмякла в моих руках и упала мне на грудь, обессиленная нашей нежностью.

Глава 17

Эйвери

– Сейчас задохнусь! – пропыхтела я, дергая белый шелк открытого платья.

– Ты выглядишь как новая пара титек на одноногой проститутке, – заверила меня Деб. – Я тебе завидую.

– Это был комплимент? – спросила я, глядя в зеркало на свое покрасневшее лицо.

– На мне такое платье смахивало бы на полотенце, – ответила моя подруга, как будто это что-нибудь проясняло.

Стояла изнуряющая жара, хотя была только середина июня. Для родителей Джоша мы заказали авиабилеты. Чтобы помочь нам сэкономить на размещении гостей, миссис Чиприани любезно предложила комнату и подыскала дешевую квартиру в том же доме.

Голос Деб вывел меня из задумчивости.

– Чего улыбаешься, как извращенка? Думаешь о члене Джоша?

– Просто я... счастлива. – Я пожала плечами и, застегнув одну жемчужную сережку, вдела вторую.

Лицо Деб, маячившее за моей спиной, исказила гримаса отвращения:

– Кончай с этим, а то меня стошнит.

Я опустила веки, и перед глазами узкой полоской мелькнул знакомый вид – моя больница. Как будто я посмотрела на нее сквозь жалюзи.

– Уф! – выдохнула я, моргая, и потянулась к ночному столику. – Мне бы выспаться.

– Чего? – Хамата заглянула мне в лицо. – Уж не хочешь ли ты на меня упасть?

Я покачала головой:

– Нет, просто ночью я почти не спала.

– Это типично. В ваших отношениях все типично. Я-то хотела увидеть неожиданную беременность, скандалы в общественных местах. Хотела, чтобы Джош размазал Розенберга по стенке за то, что тот слишком долго на тебя смотрел. Но любовь скучна. Мне такого не надо.

– Не притворяйся, что никогда не была влюблена, Хамата. Ты же смотришь на Куинна так, будто хочешь его съесть.

– Джейкобс, я большая девочка и готова съесть почти все, что вижу. –

Она подмигнула мне и слегка ткнула меня локтем в ребра. – Но ты права. Я его люблю. Я инь, он ян, я задница, он вазелин.

– Бе-е... Как ты это... поэтично обрисовала! – хмыкнула я.

Деб взяла у меня из рук колье и помогла надеть.

– Спасибо.

Я дотронулась до жемчужной подвески: в этом колье выходила замуж моя бабушка. По просьбе Джоша тетка с оказией прислала мне его из Флориды. Я старалась не огорчаться из-за того, что сама она не сможет приехать. Но нельзя было просить слишком много, тем более в последний момент.

Стоя в дверях районного культурного центра, я посмотрела на кроны дубов, пропускавшие лучи солнца. Листья трепетали на ветерке, и свет, падая на мою кожу, играл с тенью. Я знала, что это наивно, но я как будто почувствовала прикосновение мамы и папы: они подталкивали меня к новому этапу жизни. Хоть вести меня к алтарю было некому, мне становилось спокойнее, когда я представляла, что рядом со мной кто-то есть. Я улыбнулась, почувствовав себя глупой. Рядом со мной уже больше года был Джош. Предстоящая церемония давала нашим взаимным обещаниям силу договора.

Вдруг за моей спиной прозвучал знакомый голос:

– Ты выглядишь просто потрясающе!

Я резко обернулась и от неожиданности закрыла рот рукой. В паре шагов от меня я увидела тетю Эллен. Она была так похожа на мою маму! Мне даже захотелось за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть. По обе стороны от нее стояли Зейн и Мэгги – мои двоюродные брат и сестра.

– Ты... – тетя взяла меня за руки и оглядела мое платье, – совсем как твоя мама!

– И ты, – произнесла я, с трудом дыша.

На ее лице засияла гордая улыбка.

– Она была бы так рада! Кстати, Мэгги уже приезжала, чтобы помочь кое-что организовать. Джош сказал, ему трудно было хранить наш секрет и ты чуть обо всем не узнала. Мы подолгу болтали ночами. – Тетя Эллен дотронулась до моей щеки. – Мама с папой, наверное, видят тебя сейчас в этом платье и гордятся, что ты сумела все преодолеть и стать тем, кем стала.

Ей на глаза навернулись слезы. Мне тоже захотелось плакать. Я перевела помутневший взгляд на Деб:

– Так, значит, в «Дыре на углу» он разговаривал с моей кузиной. А ночью по телефону – с тетей.

Я поднесла руку ко рту и облегченно вздохнула.

– А ну-ка не смей! – предупредила Деб, промокая мне глаза салфеткой. – Я сорок пять минут потратила на твою физиономию.

Я рассмеялась и опять посмотрела на тетю Эллен:

– Мне до сих пор не верится, что вы здесь.

Больше я ничего не смогла сказать: в горле застрял ком. Она стояла передо мной, но все было как-то неправдоподобно – словно во сне. Как только я прикрыла глаза, на меня нахлынули странные образы. Я растерянно помотала головой.

– Дорогая, тебе нехорошо? – спросила тетя.

– Сядь. – Деб подвела меня к банкетке. – Я принесу воды. А ты не забывай дышать.

Тетя Эллен опустилась на колени и прижала меня к своей груди:

– Не нервничай, дорогая. Твой будущий муж – хороший человек. – Уголки ее губ приподнялись. – Целеустремленный.

– Да. – Я понимающе улыбнулась. – Любит все улаживать.

Деб принесла бутылочку, помахала надо мной и, пока я пила, померила мне пульс:

– В норме. Как себя чувствуешь?

– Не знаю. Странно. Кажется, сейчас голова разболится. Перед глазами какие-то всполохи.

– Волнение. Твой мозг перенапрягся.

Тетя Эллен жестом попросила Мэгги принести сумочку:

– У меня есть ксанакс.

Моя подруга покачала головой:

– Спасибо, Эллен, но я думаю, Эйвери потом хотелось бы помнить собственную свадьбу.

Тетя усмехнулась и еще раз махнула Мэгги рукой.

– По-моему, это успокаивает лучше, чем ксанакс, – сказала кузина, вернувшись с маленькой бутылкой «Файерболла». – Расслабляет, но не глушит.

Я взяла у нее виски, отвинтила крышечку и вопросительно посмотрела на Деб. Она пожала плечами:

– Если будешь это пить, то я следующая.

Я сделала большой глоток и отдала бутылочку подруге. Она ее допила. Через несколько минут я почувствовала себя спокойнее. Тетя Эллен встала:

– Судя по виду, тебе получше. Но я не медик. Деб?

– Лично мне действительно получше. Можно предположить, что и ей тоже.

Я глубоко вздохнула:

– Намного. Спасибо. Ты, тетя, как Мэри Поппинс: у тебя в сумочке есть все.

Она похлопала по внушительному саквояжу «Луи Виттон»:

– Этому меня научила твоя прабабушка Селест. Женщина должна быть готова ко всему, будь то сломанный ноготь или субботняя распродажа.

Деб сощурилась:

– Эллен, а пистолет у вас тоже есть?

В ответ тетя только подмигнула. Зейн издал раздраженный вздох:

– Мам, она опаздывает. Давай отложим воссоединение семьи на потом, ладно?

Я встала, приобняла кузена с кузиной и вышла в залитый солнцем Майерс-парк. В середине огромного поля росло большое дерево. Неподалеку от этого места Джош устроил одно из наших самых странных свиданий. Чтобы помочь мне преодолеть нелюбовь к запаху кокоса, они с Куинном приволокли детский бассейн и песочницу. Идя по лужайке в сопровождении подруги и родственников, я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, когда вспомнила Джоша, развалившегося у пластмассового таза в угрожающе открытых желтых плавках. Он сказал, что заодно хочет побороть во мне ненависть к переспелым бананам. О настоящем отпуске тогда не могло быть и речи, а тот день, как ни удивительно, оказался романтическим островком отдыха, необходимого нам обоим.

Теперь я шла с букетом в руках, чувствуя, как сердце бьется в груди: вот-вот я должна была увидеть Джоша. Борясь с волнением, я опять погрузилась в воспоминания о кокосовом свидании: мы расслаблялись под музыку, загорали, и даже сердитый полицейский, который уставился на трусы Джоша, не смог обломать нам кайф.

Когда я тихо засмеялась, Деб подтолкнула меня плечом, разделяя мою радость. Вдруг перед глазами снова встала больница, и я, моргнув, пробормотала:

– Какого черта?

– Болит голова? Я принесу еще воды. И наверное, ибупрофен поможет.

– Нет, голова не болит. Но в ней постоянно что-то всплывает.

– У тебя галлюцинаций?

– Нет, это бывает, только когда я закрываю глаза.

Деб слегка встревоженно на меня посмотрела. А под деревом в центре лужайки уже стоял регистратор. Хотя был день, с ветвей свисали белые огоны. Они мерцали и мигали в тени листвы, напоминая мне о Рождестве, когда Джош попросил меня стать его женой. На траве под

кроной стояли растения в горшках, а между ними, как в сказочном лесу, вилась тропинка из белой пыльцы.

Все это было как во сне, и я не хотела просыпаться. Мой взгляд запрыгал по веткам, по свечам, по цветам, по лицам гостей и наконец остановился на Джоше. Он стоял возле регистратора – в темных джинсах, черной рубашке и черном пиджаке, который мы с ним купили пару недель назад.

Его брови сдвинулись, глаза увлажнились. Беззвучно шевеля губами, он сказал только одно слово:

– Красавица!

Сквозь гул голосов наших друзей и родственников просачивался далекий детский смех. Как Джош и обещал, все было идеально. Я встала в конце импровизированного прохода и кивнула регистратору, показывая, что готова.

Но прежде чем я успела сделать шаг, ко мне подошел отец Джоша и подставил согнутый локоть:

– Дорогая, я удостоен чести сопроводить тебя к моему сыну, чтобы ты стала членом нашей семьи.

Слезы обожгли мне глаза. Я кивнула, не в состоянии что-нибудь сказать, положила ладонь на его руку и нетерпеливо заерзала. Мы оба стали ждать нашего выхода. Когда вместо свадебного марша из колонок зазвучала песня Этты Джеймс «*At last*», у меня чуть не подогнулись коленки. Сайлес повел меня к Джошу. Нас окружали люди, которых мы любили и которые собрались, чтобы отпраздновать первый день нашего брака.

Мы дошли до конца тропинки. Сайлес поцеловал мою руку и вложил ее в руку Джоша. Джош улыбнулся, поблагодарил отца и, слегка сжав мои пальцы, сделал глубокий вдох.

– Друзья и родные Джоша и Эйвери... – начал регистратор, но его слова долетали до меня как сквозь туман: я потерялась в серых глазах своего жениха.

– Я, Джошуа, обещаю утешать твою боль, когда тебе плохо, и заставлять тебя смеяться, когда ты хочешь плакать. Если ты не сможешь идти, я возьму тебя на руки. Всю оставшуюся жизнь я потрачу на то, чтобы создавать для нас с тобой добрые воспоминания. Обещаю говорить правду, – он взглянул на тетю Эллен, – даже когда это нелегко. Обещаю защищать и уважать тебя. Любить тебя, и только тебя. – Достав цепочку с пенсом, Джош прибавил: – И еще клянусь всегда давать тебе пенни в обмен на твои мысли.

Надев кольцо на мой палец и пробормотав: «Я люблю тебя», Джош повесил монетку мне на шею. Регистратор посмотрел на меня: настала моя очередь говорить.

— Я, Эйвери, обещаю держать тебя за руку в трудные времена, принимать тебя таким, какой ты есть, и не нагнетать газ, когда «додж» не заводится. — (Джош и все присутствующие тихо засмеялись.) — Я хочу сказать, что обещаю быть терпеливой, доверять тебе, даже если это кажется трудным. И всегда давать тебе пенни в обмен на твои мысли.

Дрожащими пальцами я надела ему крупное золотое кольцо и крепко сжала его руку.

— Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Джош прикоснулся к моим волосам и опустил голову. В первую секунду его губы показались твердыми, но потом напряжение ушло. Поцелуй был медленным и мягким. Когда Джош наклонил меня назад, я взвигнула. Послышились хлопки в ладоши и радостные возгласы. Мы выпрямились. Регистратор поднял руки:

— Позвольте мне впервые представить вас собравшимся как мистера и миссис Джошуа Эйвери.

* * *

— Никогда не думала, что усталость может быть такой приятной!

Я упала на большую кровать, застеленную лоскутным одеялом ручной работы. Джош лег на бок и с улыбкой провел ладонью по моей талии:

— Выспимся после смерти, миссис Эйвери. — Он переплел свои пальцы с моими и полюбовался обручальными кольцами. — А сейчас давай заниматься любовью, пока нас не вышвырнут из гостиницы.

Я засмеялась, он приглушил мой смешок поцелуем. Я не понимала, зачем в медовый месяц тратиться на поездку, если мы все равно не вылезем из номера. Но Джош настоял на том, чтобы мы хотя бы на несколько дней уехали из Филадельфии: отдохнули от больницы, большого города и сумасшедшего ритма жизни.

Итак, мы отправились в окрестности Ланкастера на ферму «Альтланд». Ее история насчитывала двести девяносто лет. Пятнадцать акров полей простирались под голубым небом, и конца им не было видно. Амиши дом уже покинули, а новые владельцы открыли двери для всех желающих насладиться сельской жизнью. Тусклые масляные лампы таинственно освещали деревенский интерьер нашего номера для

новобрачных – комнаты, в которой раньше проходили занятия деревенской школы. Раньше я даже не мечтала о таких апартаментах.

– Мы как будто на другой планете, – сказала я, разглядывая дощатый потолок.

Губы Джоша трогали мои ключицы.

– Спорим, я сделаю так, что ты увидишь звезды? – задорно спросил он и нырнул рукой мне под юбку.

Его пальцы побежали вверх по моему бедру. Когда в дверь громко постучали, он замер и, уронив голову, разочарованно усмехнулся.

– В главном здании подан ужин, – донеслось из коридора.

Джош посмотрел на меня в надежде, что я откажусь, но я призналась:

– Умираю с голода.

Он нехотя убрал руки и надулся, как ребенок, которому запретили играть.

– Ну ладно. – Он погладил мои волосы. – Мысль о том, что в запасе у нас оставшаяся часть вечности, поможет мне это пережить.

Я оттолкнулась от его груди, вскочила с кровати и открыла дверь. Владелец фермы поздоровался и протянул мне рукописное меню. Я улыбнулась.

– Ждем вас за нашим столом, – осклабился он и бросил взгляд на Джоша.

Джош не отреагировал.

– Мы сейчас придем, – пропела я и закрыла дверь.

Прислонившись к ней спиной, я с прищуром посмотрела на своего мужа: он встал, расстегнул манжеты и закатал рукава рубашки. Потом неторопливо подошел ко мне и скользнул руками по моим ягодицам и бедрам. Когда он приподнял меня, я взвизгнула и, по-прежнему упираясь спиной в дверную панель, сцепила ноги на его пояснице.

Глубокий поцелуй напомнил мне, от чего я решила отказаться ради ужина. Я схватила Джоша за плечи. Он поднял подол моего платья и вжался в меня бедрами. Мой муж знал, что делал, и это сработало. Я спросила себя, смогу ли я вообще когда-нибудь вылезти из постели, если там он.

Неожиданно Джош прервал поцелуй и поставил меня на ноги. Я тяжело дышала. Лукаво улыбнувшись уголком рта и сделав шаг назад, он большим пальцем стер с нижней губы остатки моей помады.

– Теперь мы квиты.

Я расправила юбку, сердито хмурясь: Джош внезапно налетел и так же внезапно бросил меня, только зря распалив.

– Муж, это жестоко!

Можно было бы притвориться раздраженной, но от слова «муж» бабочки запорхали у меня в животе.

– У нас целая жизнь впереди. – Джош протянул мне руку в знак примирения. – Успеем друг другу отомстить.

Секунду поколебавшись, я взяла ее. Он открыл дверь. Я чмокнула его в щеку и подтолкнула вперед, но он застыл на пороге.

– Чего ты ждешь? – спросила я. – Давай уже начнем наше «навсегда».

Вместо ответа он поднял меня и понес, не переставая целовать.

* * *

Когда мы вошли в главный дом, я прикрыла рот рукой, подавляя возглас удивления. Со всех сторон на меня смотрели улыбающиеся лица наших родных и друзей.

– Как они здесь оказались?

Джош поставил меня на пол, взял за руку и подвел к нашим местам.

– Ну не могли же мы допустить, чтобы они сюда приехали и не провели вечер с нами? – сказал он, пожимая плечами, и отодвинул для меня стул.

– Но привезти их всех – это же так сложно и дорого... – Я села, все еще не веря собственным глазам.

– Не беспокойся об этом, – сказала тетя Эллен. – Просто наслаждайся праздником.

Джош поцеловал меня в макушку и сел рядом. Тетя Эллен радостно улыбалась. Видя за столом всех, кого любила, я почувствовала себя как на рождественском ужине.

– Что? – спросил Джош, когда я покачала головой, обводя взглядом небольшую компанию.

– Я просто... Я не понимаю. Это кажется невероятным.

– Перестань, – улыбнулась Мэгги. – Мы все так захотели. Джош не организовывал массового исхода трехсот гостей из Филадельфии. Мы просто наняли машину и привезли его родителей.

– Весело было, – проворчал Зейн.

Тетя Эллен, не переставая улыбаться, ткнула его локтем. Он ойкнул, потирая бок.

Мэгги наполнила высокий бокал шампанским:

– За Джоша и Эйвери!

Зейн потянулся к бокалу матери. Она хлопнула его по руке.

– За Джоша и Эйвери! – хором повторили наши родные и друзья.

– Ты это видел? – спросила я.

Мэри, не притронувшись к шампанскому, опустила бокал на стол перед Сайлесом, а тот поставил его с другой стороны от себя.

– Мама выдержала тридцать дней трезвости. Видимо, решила поберечь здоровье для внуков.

Я подняла голову и посмотрела на Джоша:

– Тогда нужно их ей обеспечить.

Глава 18

Джош

От топтания на месте у меня разболелись ступни, а ногти я чуть совсем не сгрыз.

– Ты дыру в полу протрешь. – Куинн зевнул и прислонился головой к косяку.

Всю ночь (а это было полнолуние) мы работали, поэтому, когда зазвонил телефон, я еле вытащил свой усталый зад за дверь.

– Зайди, – возбужденно сказала она.

– Можно? – спросил я, усиленно моргая.

– Да.

Я заспешил в больничную лабораторию: взбежал по лестнице, перемахивая по две ступеньки сразу (лифта ждать не хотелось), и толкнул дверь. Эйвери, в медицинской форме и со стетоскопом на шее, сидела в коридоре.

– Ты там уже была?

Она покачала головой, слишком взволнованная, чтобы говорить. Я посмотрел на ее лицо: в тот момент оно было удивительно красиво.

– Ты выглядишь потрясающе, тебе это известно?

Взгляд Эйвери смягчился. Она открыла рот, чтобы ответить, но тут из кабинета вышел лаборант. Он дважды заглянул в листок, прежде чем произнести имя моей жены:

– Эйвери Эйвери?

Она улыбнулась и встала. Я тоже встал, но лаборант сказал, направив на меня кончик ручки:

– Это займет совсем немного времени, и было бы лучше, если бы вы подождали здесь.

– Э... конечно, – сказал я и хмурым взглядом проводил Эйвери по коридору.

Ожидая ее, я ерошил себе волосы, барабанил пятками по полу, играл с телефоном. Даже отправил несколько язвительных замечаний друзьям в социальных сетях. Потом посмотрел на часы и приглушенно прошипел:

– Че-е-ерт!

Веки, как наjdak, терли воспаленные глаза.

– Результаты, миссис Эйвери, мы сообщим вам по телефону.

Моя прекрасная жена вышла в коридор. Она была неотразима в своей сиреневой блузе и с повязкой того же цвета на локте. Я зашагал ей навстречу, обнял ее за талию и поцеловал в лоб.

– Готово будет только через несколько дней, – улыбнулась она.

Мое лицо вытянулось.

– Несколько дней?

– Ты так удивляешься, будто раньше этого не проходил.

Неприятные воспоминания заставили меня нахмуриться:

– Тогда все было по-другому.

Взял Эйвери за талию, я провел ее по коридору. Она выглядела очень счастливой и всем подряд улыбалась. Вместе с нами, держась за поясницу, ждала лифт беременная женщина. Я наклонился и шепнул Эйвери на ухо:

– По-моему, теперь у нас получилось. Я чувствую.

Я положил руку ей на живот. Она накрыла ее ладонью.

– Мне пока не хочется себя обнадеживать.

– Тогда я тебя обнадежу. Результат положительный. Спорю на всю зарплату.

– Перестань, – сказала Эйвери, прислонившись ко мне. Ее голос уже звучал по-матерински. Взглянув на часы, она нахмурилась: – Мне пора работать.

Отпускать ее не хотелось, но я кивнул:

– Надеюсь, что, когда ты выйдешь в отпуск по беременности, я наконец-то смогу иногда тебя видеть.

– Ты сам любишь свою работу не меньше, чем я свою.

Лифт подъехал. Выйдя из него, Эйвери заспешила к себе в отделение, а я отправился домой. На прощание она помахала мне рукой:

– Люблю тебя.

Я неохотно ее отпустил. Она зашагала по длинному белому коридору. Потом ее яркий костюм исчез за двустворчатой дверью. Я зажал в руке ключи и улыбнулся при мысли о маленьком Эйвери. «Пожалуйста, пусть это случится», – прошептал я. Раньше я хотел только одного: чтобы она вышла за меня замуж. Теперь я больше всего мечтал о том, чтобы она от меня забеременела.

* * *

Я открыл красный кран, оставив синий завинченным, но вода все равно казалась недостаточно горячей для моих ноющих мышц. Выключив

душ, я потянулся за полотенцем. Дышать стало легче: густой пар вышел из приоткрытой кабинки, распространившись по крохотной ванной. Зеркало моментально запотело.

Декс ждал меня под дверью, нетерпеливо подметая хвостом линолеум.

– Придется минутку подождать, – предупредил я.

Не очень-то хотелось сейчас тащиться на улицу, чтобы пес мог сходить в туалет. Он склонил морду набок, я рассмеялся. Толстое белое полотенце впитывало капельки воды, и от свежего воздуха раннего утра на теле тут же появлялись мурашки.

Я любил осень, а эта осень вообще должна была стать особенной. Изнуряющая летняя жара спала, и Эйвери снова начала надевать мой растянутый джемпер. По утрам из-под этого серого балахона выглядывали ее голые ноги, и я любовался ею, пока она варила кофе. Только наши графики, к сожалению, опять разошлись. Я работал в основном по ночам.

Декс взвизгнул. Я обернулся полотенце вокруг бедер и покачал головой: оно было слишком короткое. Надо бы накупить побольше здоровенных махровых простынь вроде тех двух, что миссис Чиприани подарила нам на свадьбу. Эйвери их уже использовала, а мне оставила маленькие, сложенные стопкой в углу. Я указал на них Дексу:

– Видишь? – (Он замахал хвостом еще быстрее.) – Я не на тебе женат. Ты не можешь мною вертеть.

Оставив на полу мокрые следы, я прошлепал в спальню, взял трусы из корзины с чистым бельем, надел их и покрутил шеей. Позвонки громко хрустнули. Я закрыл глаза.

– Ну ладно, идем, – сказал я через несколько минут и прицепил к ошейнику Декса поводок.

Когда мы вышли на лестницу, наша соседка Хоуп ковырялась с замком своей квартиры, держа во второй руке детское автомобильное кресло и сумочку под мышкой. Она въехала в наш дом несколько недель назад. Комната ее малыша, который постоянно плакал от колик в животе, была как раз под нашей спальней.

– Давайте помогу.

Я подскочил к соседке, взял у нее креслице и улыбнулся сидевшему в нем карапузу.

– Спасибо, – сказала Хоуп, отбросив волосы с лица.

Наконец попав ключом в замочную скважину, она раздраженно выдохнула, плечом толкнула дверь и посторонилась, чтобы я мог войти.

Ее квартира оказалась точно такой же, как наша, только с детской мебелью и принадлежностями. Было похоже на магазин «Для самых

маленьких» после взрыва. Дойдя до кухни и бросив там свои сумки, Хоуп оглянулась через плечо и крикнула:

– Большое спасибо, Джош! Поставьте его, пожалуйста, рядом с манежем.

Я опустил кресло-переноску на пол и принялся отстегивать малыша.

– Как вам на новом месте? – спросил я, улыбаясь ему.

– Тихий район. – Потом Хоуп рассмеялась. – Думаю, самые буйные здесь мы. Извините нас. Тоби пока еще плохо спит по ночам.

– Не беспокойтесь. – Я вынул ребенка из креслица и, держа его на руках, встал. Хоуп посмотрела на меня. – Ой! Ничего, что я его взял?

– Вы ему нравитесь, – улыбнулась она.

Я слегка покачал малыша. Я не знал, правильно ли это, но мне захотелось так сделать.

– Надеюсь, у нас в семье тоже скоро будет прибавление.

– Правда? – удивилась Хоуп.

– Ну да, а что? – спросил я, расхаживая по комнате с Тоби на руках.

– Ничего, я просто не думала, что у вас все так серьезно. Вашу девушку я здесь вижу редко: только иногда утром, когда она убегает.

Сказав это, соседка смущилась. Ее щеки покраснели.

– Эйвери работает днем, а я чаще всего дежурю в ночную смену. Но у нас все действительно серьезно. Она моя жена.

– Жена?! Поздравляю.

– Знаю: она для меня слишком хороша.

– Не скромничайте. Я совсем не то хотела сказать. Просто с виду вы еще слишком молоды для супружеской пары.

– Не слишком, раз время пришло.

– Да, наверное...

Хоуп посадила Тоби в специальное кресло: оно закачалось, заиграло детскую песенку, и младенец стал завороженно глядеть на мигающие огоньки.

– Гениальное изобретение, – сказала Хоуп и повернулась ко мне: – Видите ли, Джош, я тоже думала, что мое время пришло и я встретила нужного человека. Поверьте, я не планировала растить сына одна.

Декс нетерпеливо ткнул меня лапой в ногу.

– Хорошо, мохнатый, пойдем на травку.

– Спасибо, Джош. Вы мой любимый сосед.

Хоуп встала и открыла мне дверь.

– Всегда обращайтесь, если нужна помощь, – сказал я, выходя из квартиры. – Мы живем над вами.

– Я ведь могу поймать вас на слове, – с улыбкой кивнула соседка.

* * *

Декс прошлепал по узкому проходу между двумя домами на маленький задний двор. Солнце уже прогрело воздух. Я вернулся к мыслям об Эйвери и о том, что у нас может быть ребенок. Нам понадобится новое жилье, побольше, и чтобы там был двор, где он станет бегать, и большое дерево, на котором мы повесим качели. Я посмотрел на толстый дуб: летом в нашем квартале спрятаться от жары можно было только под ним. Я не знал, разрешит ли нам хозяин привязать к ветке простые деревянные качели вроде тех, которые отец устроил для нас. Для нас... Нутро сжалось, и я тряхнул головой, отгоняя грустные воспоминания о сестре.

Папа всегда из кожи вон лез, чтобы наше детство было счастливым. Когда мы с ним часами возились со старыми машинами, мы делали это не ради заработка, а ради успокоения. Так или иначе, я овладел авторемонтным ремеслом, которое помогало нам держаться на плаву. «Теперь, – подумал я, моргая, – оно позволило бы мне больше времени проводить с женой».

Я поднял руку и оторвал от ствола кусочек коры. Нам нужен был собственный дом с большим двором, где росло бы не одно дерево, а много деревьев. Я отчетливо представил себе, как Эйвери, купаясь в солнечном свете, работает в саду, а вокруг нее играют дети. Просто рай!

Вдруг я услышал голос Хоуп:

– Джош?

Она вышла из пристройки, держа пластиковую коробку с антенной.

– Да? – откликнулся я, поглядывая то на нее, то на Декса.

– Теби уснул, и я подумала, может, вы зайдете выпить бокал вина или пива... или молочной смеси, если захотите? – Она тихонько хихикнула.

Моя соседка была привлекательной женщиной. Полтора года назад я в первый же день привел бы ее к себе и уложил бы на спину. Но теперь я смотрел на нее, видел, что она соблазнительна, но соблазна не чувствовал. Эта странность в очередной раз убедила меня в том, как сильно я люблю Эйвери.

– Не могу. Спасибо за приглашение.

Хоуп, улыбнувшись, кивнула и хотела от меня отойти, но остановилась и сделала еще одну попытку:

– Я здесь почти никого не знаю. Неплохо было бы с кем-нибудь

подружиться.

Ее слова заставили меня вспомнить то время, когда и я чувствовал себя в городе чужим. Я понимал Хоуп: одиночество, безусловно, не самое комфортное состояние для молодой матери.

– Я поговорю с Эйвери. Может, мы заглянем к вам в выходные?

Хоуп усмехнулась и опустила глаза:

– Если только на следующей неделе. На этой я работаю. Какое у вас расписание, Джош?

– Я работаю ночами со вторника по субботу. Пока так.

– А Эйвери работает днем?

– Как правило, – сказал я, удерживая Декса, который рвался на поводке.

Хоуп еще раз кивнула:

– Увидимся.

Я помахал ей. Тем временем Декс, изогнувшись дугой, навалил кучу, которую мне предстояло убрать. Я закатил глаза и пробормотал:

– Надо одолжить у Хоуп подгузников.

* * *

После обеда я лег спать, понадеявшись проснуться к приходу Эйвери. Четырех с половиной часов сна, конечно, было мало, но в нерабочее время мы почти не виделись.

За двадцать минут до ее предполагаемого возвращения я выполз из постели и, почесав затылок, натянул серые спортивные штаны. С утра я не переставал мечтать о собственном доме. Мне хотелось, чтобы Эйвери могла выбрать место, где мы будем растить наших детей.

Я взял телефон и набрал папин номер. Мы долго болтали и наконец решили, что, продав свою «барракуду», я смогу заплатить первый взнос за дом. Нам с Эйвери придется переехать из Филадельфии в пригород, но это не страшно. Хорошо бы иметь большой гараж! Раз мы планируем увеличивать семью, мне понадобится четырехдверный автомобиль.

Я не знал, как Эйвери отнесется к моей затее, но ремонт машин дал бы мне возможность подзаработать, а со временем я мог бы открыть свою мастерскую. Дело было рискованное, но, проявляя терпение и осторожность, мы продержались бы на плаву и при этом больше времени проводили бы друг с другом, а потом и с детьми.

Я прошлепал на кухню и достал все необходимое для фетучини

«Альфредо» – любимого блюда моей жены.

Было полнолуние, и Деб передала Куинну, что в городе произошло много серьезных аварий. Эйвери наверняка устала: новые тяжелые пациенты плюс ожидание результатов теста на беременность – такая нагрузка могла оказаться для нее чрезмерной.

Я поставил на стол посуду из цветастого сервиза, который медсестры подарили нам на свадьбу, и улыбнулся: Эйвери будет довольна. Когда с улицы послышалось рычание автомобиля, я зажег для атмосферы несколько белых рождественских лампочек, напоминающих о том дне, когда она стала моей женой. Прежде всего мне хотелось подбодрить Эйвери, но в глубине души я надеялся, что есть и другой повод. Она войдет и скажет: «Я беременна».

Прошло несколько минут, а ее все не было. Я выглянул в окно и нахмурился: подъехал не «додж», а «мустанг» парня из квартиры 14 В. Если я перепутал нашу машину с каким-то «мустангом», значит над ней нужно было поработать еще.

Солнце опустилось за дома на другой стороне улицы. Оранжевые прожилки на голубом небе погасли, оно потемнело, и на нем замерцали миллионы крошечных пятнышек. Я посмотрел на свой «Ролекс» и улыбнулся при воспоминании о вечере, когда Эйвери мне его подарила. Но улыбка сошла с моего лица, как только я увидел, который час.

Я достал из кармана телефон и через четыре гудка услышал ее голос: она явно торопилась и была чем-то обеспокоена.

– Что случилось, детка?

– Ты новости смотрел?

– Нет. Я ужин готовил.

Она застонала:

– Умираю с голоду.

– Может, я привезу еду в термосе, который подарила твоя тетя?

Эйвери вздохнула:

– Спасибо, но мне некогда будет перекусить. В окриджском доме престарелых случился сильный пожар, и к нам доставили целый автобус пострадавших.

– Давай я к тебе приеду?

– Нет, не нужно. У нас все под контролем, но вернусь я не скоро.

– Ладно, – сказал я, окинув взглядом мигающие огоньки, – держи меня в курсе.

– Хорошо.

Связь прервалась, прежде чем я успел сказать: «Люблю тебя».

– Просто супер, – пробормотал я, убирая телефон.

* * *

– Мне совершенно не трудно, – прошептал я, обращаясь к Хоуп.

Она еще не пришла в себя, хотя Тоби наконец-то заснул. Дольше часа я слушал его истощные крики, а потом решил спуститься и помочь. Хотя бы просто взять его на несколько минут из рук матери, пока она не сошла с ума.

Малыш пускал слюни мне на рукав, а я расхаживал взад-вперед, боясь, что он проснется, если я остановлюсь. Хоуп поправила собранные в пучок волосы и перевязала пояс махрового халата. Когда она запахивалась, я увидел короткую черную ночную рубашку и голые ноги.

– Джош, вы ангел, – мягко проговорила она. – Правда. Не знаю, что бы я без вас делала.

– В моем прежнем доме, в трех кварталах отсюда, – прошептал я, – живет Синда, моя приятельница. Она профессиональная няня. Иногда даже с Дексом мне помогает.

Хоуп опустила глаза:

– Если она не участвует в программах соцпомощи, я не смогу ее нанять.

– Может, она пойдет вам навстречу.

– Наверняка нас весь дом ненавидит. – Хоуп взглянула на спящего сына и прослезилась. – Эйвери спит с затычками в ушах?

– Она до сих пор на дежурстве. Ей пришлось отрабатывать двойную смену. Так что ее Тоби не разбудил.

– Я просто уже не знаю, как быть. С ним, видимо, что-то не так. Это ведь ненормально, если ребенок с воплями просыпается в три часа утра.

Я пожал плечами:

– Я думал, все малыши плачут по ночам, разве нет?

– Ну не так же! Он кричит, будто я его убиваю.

– Эйвери разбирается в этом гораздо лучше меня. Спросите у нее.

– Почему? Потому что она женщина? Я тоже женщина, а не понимаю, что с моим ребенком.

– Она медсестра и часто работает с детьми.

– Бряд ли мне удастся ее поймать. Она ведь все время в больнице.

– Да, – сказал я, почувствовав внутреннюю горечь.

– Сочувствую. Вам, наверное, тяжело.

Эту реплику я проигнорировал: соседку не должны были волновать мои отношения с женой.

– А не режутся ли у него зубки? – предположил я, заглянув в открытый рот малыша.

– Можете положить его в кроватку в моей комнате, – сказала Хоуп.

Я поежился:

– А вдруг он проснется?

– Я вам помогу. – Хоуп прошла по коридору и открыла дверь.

Я нагнулся над кроваткой, освещенной маленьkim ночником в форме сердечка, и осторожно положил Тоби на спинку. Он пошевелился. Мы с Хоуп застыли и перестали дышать. К счастью, малыш только потер глаз пухлым кулачком, а потом расслабился, и его дыхание выровнялось.

Вернувшись в гостиную, я мысленно усмехнулся при виде того, как Хоуп запихивает в рот фетучини. Заметив, что я на нее смотрю, она расширила глаза и вытерла рот тыльной стороной руки.

– Ой, мне так стыдно! Я, наверное, ем, как бешеное животное. Вы потрясающе готовите.

Я сел рядом с Хоуп на диван и взял свою тарелку:

– Рад, что кому-то нравится.

Глава 19

Эйвери

Когда я наконец разлепила глаза, Джоша рядом не было. Протянув руку к прикроватной тумбочке, взяла телефон. Уже десять утра.

– Джош? – позвала я, отбрасывая одеяло.

Отопление работало на полную мощность, и в комнате было жарко. Прошлепав на кухню, я поняла, что мужа дома нет. Я сощурилась и посмотрела на термостат. Джош любил спать в холода. Наверное, жар его разбудил.

В холодильнике стоял контейнер с остатками макарон. Поставив их вместе с холодным соусом и куском курицы в микроволновку, я опять взяла телефон, чтобы отправить Джошу эсэмэску. Обычно он не уходил, не сказав куда.

Печка запищала, и я протянула руку, чтобы ее открыть, но тут в дверь позвонили. Я хотела быстро причесаться, но посмотрела на свои пижамные штаны с мятным топиком и поняла, что прихорашиваться бесполезно. Посмотрев через щелку, я увидела нашу новую соседку Хоуп с пустой посудиной в руках.

Я открыла, сняв дверную цепочку. Вторя ее лязгу, скрипнула петля.

– Привет! – Хоуп широко улыбнулась и окинула меня с головы до ног удивленным взглядом. – Я думала, вы на работе.

– Я поменялась с подругой. А чем я могу... Что случилось?

Она сунула посудину мне, и только тогда я узнала знакомый узор.

– Принесла вам ваше блюдо.

– Спасибо, – озадаченно пробормотала я, беря его.

Подождав несколько секунд, Хоуп снова заговорила:

– Передайте Джошу, что паста была великолепная. Вы везучая девушка.

– Передам.

Хоуп развернулась на каблуках и пружинящей походкой зашагала к лестнице. Захлопнув дверь и отнеся блюдо на кухню, я тихо выругалась. *Черт побери!*

Когда зазвонил телефон, я тут же к нему подскочила. Но на экране не высветилось «Джош». Это звонили из больницы. «Нет, нет, нет, – прошептала я. – Только не срочный вызов!»

– Миссис Эйвери? – спросил женский голос.

– Да?

– Меня зовут Ивлин, я из лаборатории доктора Уивер. Мы получили ваши результаты. Вы готовы их услышать?

Я оглядела пустую квартиру, потом взорвалась на пустую тарелку:

– Д-да.

– Поздравляю! Вы беременны. Срок – шесть или семь недель. Вы можете уже сейчас назначить время первого УЗИ или вам перезвонить?

– Хм... – я почесала затылок, – если можно, я поговорю с мужем, а потом позвоню вам сама.

– Отлично. До свидания.

Женщина повесила трубку. Я с телефоном в руках осталась стоять одна посреди кухни. В квартире царила тишина. Даже Ди не было. Наверное, Джош пошел его выгуливать. Я бросилась к окну и, не увидев машину мужа на месте, позвонила ему. Включился автоответчик: «Привет, я Джош Эйвери. Сейчас я, скорее всего, на работе или со своей женой. Перезвоните. Сообщения я не проверяю».

– Привет, – тихо и неуверенно произнесла я. – Это твоя жена. Ты не со мной. Где ты? Позвони мне.

Положив телефон на столешницу, я опустила глаза и прижала руку к животу.

– Я беременна, – сказала я в никуда, и моя нижняя губа задрожала. – Я беременна.

В этот момент щелкнул замок, входная дверь открылась и в квартиру, стуча коготками, вбежал Ди.

– Ш-ш-ш, старичок! – шепнул Джош, прокрадываясь в гостиную.

Увидев меня на кухне, он застыл, но через секунду его лицо оттаяло.

– Привет, детка, – сказал он, закрыв дверь. – Я думал, ты еще спишь.

– Я беременна.

Он выронил из рук мешок:

– Правда?

– Правда.

– Как ты узнала?

– Лаборантка доктора Уивер только что позвонила. Пришли результаты анализа крови. Я беременна. Меня просят сказать, когда я приду на УЗИ.

Джош тремя большими шагами пересек гостиную и, опустившись передо мной на колени, обхватил руками мои бедра, а щекой прижался к моему животу.

– Они уверены? Уверены-преуверены?

– Они уверены. Лаборантка сказала, что срок – шесть или семь недель. УЗИ покажет точнее.

Он поцеловал мой живот один раз, потом еще три раза, потом встал и обнял меня. Мышцы его рук так налились, а сам он был так счастлив, что я чуть не забыла про тарелку, которую поставила у раковины.

– Скажи еще раз, – попросил Джош дрогнувшим голосом.

– Я беременна, – смеясь, выдохнула я.

Сколько бы я ни повторяла эти слова, нам все равно не верилось. Чуть отстранившись, Джош заметил выражение моего лица и нахмурился:

– Ты не рада?

– Рада, – кивнула я. – Конечно, я очень рада.

Джош снова меня обнял:

– Мне казалось, что лучше быть уже не может, но теперь я стал еще счастливее! Черт! Как же я счастлив! – воскликнул он, сделав шаг назад и подняв сжатые кулаки, а потом подбежал к окну и прокричал: – Я буду отцом! Я буду отцом! – крикнул он с порога, высунувшись из квартиры.

Я улыбнулась и покачала головой. Джош захлопнул дверь и подошел ко мне, выпятив грудь. Он поднял меня и закружил, а поставив на пол, крепко поцеловал. Вдруг его улыбка улетучилась:

– Что такое? По-моему, ты мне чего-то недоговариваешь. Врач сказал что-то еще? – Джош моргнул. – Мальш в порядке?

– Да, – ответила я, глядя вниз. – То есть мне не сообщили ничего, кроме срока. Меня просили перезвонить и назначить время УЗИ. Я хотела сначала посоветоваться с тобой.

Он с усилием сглотнул:

– О чём? То, что тебя приглашают на УЗИ, – это нормально?

– Да.

Я заглянула ему в глаза, пытаясь понять, нет ли в них чего-нибудь еще: вины, невиновности, страха. Но я увидела только Джоша, моего Джоша – мужчину, которого любила. Он не изменился.

– Где ты был? – спросила я.

Отпустив меня, Джош сбежал в гостиную и подобрал мешок, который уронил. Это оказалась еда из ресторана «Джей-Вок».

– Вчера ты сказала, что тоскуешь по жареной курице с рисовой лапшой.

– И ты принес мне ее на завтрак?

Он пожал плечами:

– По мне, так это даже романтично.

Я с трудом сдержала улыбку: его ответ напомнил мне первые слова,

которые он сказал мне после аварии и с которых все началось.

– Но они ведь открываются только через час?

– Для нас сделали исключение. Услуга за услугу.

– Какую же услугу ты им оказал?

– Мы их преданные клиенты. Так о чем ты хотела со мной поговорить?

Я посмотрела на тарелку, потом снова на Джоша. В день свадьбы я пообещала доверять ему, как он пообещал любить только меня. И он радовался нашему ребенку. Поэтому не стоило делать поспешных выводов.

– Я просто хотела узнать, какой у тебя график, чтобы выбрать время для похода к врачу.

– Детка, я работаю ночами. Назначай, когда тебе удобно. Я приду.

Я крепко его обняла и прижалась щекой к его груди:

– Джош, мы будем родителями.

– Еще какими – потрясающими! Слушай, я тут подумал... Может, нам купить дом?

Я отстранилась:

– У нас нет таких денег.

– Если я продам «барракуду», этого почти хватит на первый взнос за что-нибудь маленькое в пригороде. Нам дадут налоговую льготу. Потянем.

– Как ты будешь добираться до работы?

Джош пожал плечами:

– Куинн поможет.

Я наморщила нос:

– Куинн станет возить тебя из Хэддонфилда?

– Вообще-то, – скривился Джош, – я имел в виду Девон или Блу-Белл.

Я вытаращила глаза. Он вытянул руки и хлопнул себя по коленям:

– О'кей. Черри-Хилл.

Мой голос подскочил на октаву.

– Ты хочешь переехать в Джерси?

– Ладно, не нервничай. Нам не обязательно решать это сейчас. Но если я найду симпатичное место... ты об этом подумаешь?

Я вздохнула:

– Джош, я и так работаю по пятьдесят-шестьдесят часов в неделю.

– Знаю.

– У нас недостаточно сбережений, и, даже если ты продашь машину, денег не хватит. И как мы будем обходиться одним «доджем», когда нас станет трое?

– Хорошо, хорошо! – Джош взял меня за руки. – Дыши ровно. Я все прикину. Решишь, что это неразумно, – не станем ничего затевать.

Я посмотрела на него, выпятив нижнюю губу:

– Понимаю: ты хочешь, чтобы у нашего малыша было все лучшее. Я тоже этого хочу. Но нельзя изменить свою жизнь за один день.

– Ты права. Торопиться не нужно. Я об этом позабочусь, а ты ни о чем не беспокойся.

– Спасибо, – кивнула я и, посмотрев на тарелку с холодной едой, открыла микроволновку.

– Извини, что так мало осталось. Я привез лапшу. – Джош протянул мне пакет из ресторана.

Я взяла его и, не удержавшись, проговорила:

– Да уж! Так, значит, Хоуп понравилась паста, которую ты приготовил?

Джош пожал плечами, вытаскивая из мешочка коробку с лапшой:

– Она всосала фетучини, как изголодавшийся осел. Выглядело это слегка неэстетично.

– Ты ее угощал? Когда?

Джош подвинул ко мне лапшу и пакетик с палочками:

– У нее малыш раскричался. Парень из два-Е высунулся в коридор и проорал: «Заткнись!» Мне стало ее жалко. Макарон я наготовил большую миску, а ты еще не пришла. Ну, я принес ей поесть и покачал ребенка. Он плакал... не знаю... часа два. Я не был уверен, что вернусь домой до твоего прихода.

Я повела бровью:

– До моего прихода?

Джош задумался и, вздохнув, ответил:

– Да, я пошел туда около трех, а вернулся около четырех.

– Ты был в ее квартире с трех до четырех часов ночи?

Он поморщился:

– Да. Я же все равно не спал. Теби плакал, а я мог помочь. Я ему нравлюсь.

– Нравишься?

Джош растерянно огляделся:

– Ну да.

– Откуда ты знаешь? Он тебе сказал?

Джош усмехнулся:

– Нет, детка. Ему пять месяцев. Мне сказала Хоуп.

Я вздернула подбородок и скривила рот:

– Ах, ну да, разумеется.

Джош покачал головой:

– Детка, нет, это совсем не то.

– Неужели ты не понимаешь, что не должен ходить в квартиру к одинокой женщине посреди ночи? Тем более носить ей мои любимые макароны. Вы мне даже почти ничего не оставили!

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули.

– Эйвери, – начал Джош, – извини. Я бы вообще к ним не притронулся, если бы знал…

– Черт! Да не в них дело!

– О’кей, – быстро сказал он.

Я сделала глубокий вдох и взяла пустое блюдо:

– Она принесла его сюда. Думала, что не застанет меня дома. Я женщина, Джош. И работаю с десятками женщин. У нее в глазах было написано, какой дружбы она от тебя хочет. Она ищет папу для своего ребенка.

– Не надо, Эйвери, это несправедливо.

– Ты будешь отцом, но Тоби не твой сын.

– Вот именно, – сказал Джош, протягивая ко мне руки. – Мы ждем своего малыша, а она мне не нужна. – Бросив хмурый взгляд на дверь, он дотронулся до моего живота и погладил его через ткань топика. Потом поцеловал меня в угол рта и, наклонившись, тронул губами шею. – Ты сегодня отдыхаешь?

– До пяти.

– Поешь, и ляжем в постель.

Я ската губы и отвернулась, стараясь казаться сердитой. Джош меня не обманывал, но то, что он полез к соседке в квартиру, было глупостью.

– Нет.

Джош провел языком по моей шее, нежно прихватил мочку уха зубами и, выпустив ее, поцеловал.

– Мне нужна ты. Только ты. С того момента, когда я первый раз взял тебя на руки.

Я посмотрела на Джоша, и мы соприкоснулись губами. Его язык скользнул мне в рот. Обеими руками держа его лицо, я почувствовала, как он нырнул мне под майку и прижал ладонь к моему животу.

– Эйвери, ты и наш будущий малыш – моя семья. – Он покачал головой. – Ничего важнее для меня нет.

Я улыбнулась. Джош открыл коробочку с лапшой. От нее пошел пар, и мой желудок заворчал. Достав из пакетика палочки, я накинулась на еду и промычала:

– О боже! Я даже не понимала, до чего сильно хочу есть!

– Покорми малыша, – улыбнулся Джош. – Он у нас будет как

топливный бак – только успевай заливать. Или она.

– Через несколько недель выясним, – сказала я, не переставая жевать.

– Какая ты сексуальная! Не уверен, что смогу дождаться, когда ты доешь, чтобы затащить тебя в постель.

– Если заберешь у меня еду, то больше не услышишь, как я разговариваю с набитым ртом.

Джош поднял руки и сделал шаг назад:

– Детка, я пошутил. Хочешь, помогу тебе?

Он подцепил пару лапшинок. Запрокинув голову, я разинула рот. После нескольких неудачных попыток, встреченных моим смехом, длинные ленточки рисового теста все-таки опустились мне на язык.

Позавтракав, я умылась, почистила зубы и заползла в постель к мужу. Под одеялом его тело сразу стало горячим. Соприкасаясь с ним, я чувствовала, как моя кожа увлажняется от пота.

– Надо бы включить кондиционер.

Джош поднял голову и удивленно на меня посмотрел:

– Ты серьезно?

– Да. Включи, пожалуйста.

– Ты знаешь: я только за. Твоя беременность мне уже нравится.

Он подскочил к термостату, повернул штурвал вправо, чтобы включить охлаждение, и, трусцой вернувшись в постель, прижался ко мне.

– Беременна… – прошептала я.

– Да, беременна! – восхищенно произнес Джош. – Мы создали новую жизнь! С ума сойти!

– Погоди сходить с ума. Вырастить его – вот это будет настоящее сумасшествие.

Улыбнувшись, муж уtkнул нос мне в шею, а я уставилась в потолок и принялась мечтать о нашем ребенке.

* * *

– Уже подобрали варианты имен? – спросила врач, водя датчиком по моему едва заметному животу, намазанному липким гелем.

– Да. – Я убрала руку за голову и наклонилась к Джошу, чтобы лучше видеть монитор. – Мальчик будет Джошуа Тодд. – Я улыбнулась мужу. – Звать будем просто Тодд, как моего папу.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Джош, напряженно всматриваясь в черно-серую картинку на мониторе.

Врач нажала несколько кнопок на клавиатуре и улыбнулась:

– А если девочка?

– Пенелопа Энн. – Не отрывая глаз от экрана, Джош провел рукой по моим волосам. – Пенни.

Врач поднесла к монитору палец и с улыбкой сказала:

– Тогда вот она – Пенни, ваша счастливая монетка.

– Девочка? – громко рассмеялся Джош, хватая меня за руку.

– Определенно.

Сделав скриншот, врач большими буквами подписала: «ПЕННИ».

– Это женские органы? – спросила я.

– Похоже на хот-дог или на гамбургер – в зависимости от угла зрения, – пошутила доктор.

Джош быстро потер веки большим и указательным пальцем.

– Ах! – Я сжала его руку. Он поднес мои пальцы к губам и поцеловал их. – Просто не верится! Ты это видишь?

Прищурившись, я поглядела на маленькое черно-белое изображение: моя дочка поворачивалась и шевелила ножками.

– Что это? – вдруг спросил Джош, и на его красивом лице появилась тревога.

Врач замахала рукой и рассмеялась:

– Это как движущийся тест Роршаха^[9]. Чего только родители не видят!

На самом деле ваша девочка выглядит потрясающе.

– Я так устала! Похоже, беременность начинает на мне сказываться, – улыбнулась я, зевнув, но Джош по-прежнему смотрел на экран беспокоено.

– По утрам вас тошнит? – спросила врач.

– Нисколько. – Я покачала головой. – До сих пор я чувствовала себя прекрасно.

– Вам повезло, – сказала она, заканчивая обследование.

Я подняла глаза на Джоша. Маленькая комната была слабо освещена, и на его лицо падала тень. Он всматривался в монитор так напряженно, что не хотелось его отрывать.

– Другие медсестры постоянно говорят мне, что это странно, – сказала я. – У меня уже развивается комплекс.

Врач покачала головой:

– Так бывает нечасто, но ничего противоестественного в этом нет.

Считайте, что это просто удача. Изредка ко мне приходят женщины, которые чувствуют себя полными сил и не мучаются утренней тошнотой. По таким не поймешь, что они беременны, пока не появится живот.

– У меня он пока совсем небольшой. – Я поглядела вниз.

– Ваша малышка подвижная. – Врач указала на монитор и усмехнулась.

Джош, изумленный, громко рассмеялся.

– Странно: я вижу на экране, как много она двигается, но совершенно этого не чувствую.

– Почувствуете. Скорее всего, уже в ближайшее время, хотя, конечно, у каждой женщины беременность развивается по-своему, – ответила врач, убирая датчик и салфеткой вытирая гель с моего живота.

Монитор погас. Джош помог мне встать.

– Все выглядело нормально?

Доктор улыбнулась:

– Я пошлю изображения вашему акушеру-гинекологу, и он вам все расскажет.

– Но... – забеспокоился Джош, – она здорова?

Врач оглянулась по сторонам (не знаю, кого она высматривала: мы были в кабинете одни) и, приблизившись к нам, сказала:

– Насколько я вижу – вполне.

Джош вздохнул и поцеловал меня в висок:

– Спасибо.

– Поздравляю.

Как только врач проводила нас из кабинета, у Джоша зазвонил телефон. Закатив глаза, он нажал громкую связь:

– Алло?

– Джош? Это Хоуп. Ты сегодня работаешь?

– Мы с Эйвери у врача, а что?

Она задумалась:

– Да нет, ничего.

Я прищурилась и шепотом спросила:

– Ты дал ей свой номер?

Он приложил палец к губам:

– Тебе что-нибудь нужно?

Хоуп вздохнула:

– У Тоби температура, он беспокоится сильнее обычного. Я подумала, что ты, может быть, купишь подгузников по пути домой? Третий размер.

Я скривилась.

– Э... конечно. Какая марка?

– «Лувс». Большое спасибо.

Джош нажал на кнопку разъединения. Я пристально посмотрела на

него.

– Детка, а что мне было делать? – сказал он. – Ребенок болеет. Если я не помогу, ей придется тащить его, кричащего, с собой в магазин.

– Он не кричит. Ты разве слышал его крик? Это довольно странно для младенца с температурой и коликами, но он молчал.

Взгляд Джоша стал мягче.

– Я бы хотел, чтобы и тебе кто-то помог, когда меня нет рядом.

– Думаешь, мне Хоуп поможет? – язвительно спросила я.

Джош открыл передо мной дверцу машины:

– Эйвери, она хороший человек. Когда вы познакомитесь, она тебе понравится.

Я уселась на место пассажира. Джош обошел вокруг капота и сел за руль.

– Если бы ей хотелось со мной познакомиться, мы бы уже были знакомы. Ты же не слепой, Джош! Неужели не видишь?

– Она работает вечерами. Выходит из дома тогда же, когда и я. Если бы было иначе, она бы донимала своими просьбами тебя.

Я нахмурилась:

– Она первый раз тебе позвонила, чтобы о чем-то попросить?

– Хм... нет. Но я помогаю, только когда не занят.

– Джош! Ты ей не муж и не должен бегать по ее поручениям!

– Ладно, Эйвери. Не расстраивайся. Я это улажу.

– Уж пожалуйста, – сказала я, откидываясь в кресле.

Глава 20

Джош

Я поднес бутылку к губам, и пиво потекло по горлу, немного смягчив мою тревогу. Зима пришла и ушла. Мартовский воздух был теплым, но я все еще носил джемпер с капюшоном: он пропитался запахом Эйвери.

– Виски уже не помогает? – спросила Джинджер, вытирая тряпкой деревянную столешницу.

Она улыбалась, но по глазам было видно, как она устала за долгую смену.

– Захотелось разнообразия, – ответил я, рассматривая этикетку на бутылке.

– У тебя с твоей старушкой все в порядке?

Я усмехнулся и кивнул. Джинджер встречалась с Медведем, тупым байкером, который редко мылся. Она уже начала перенимать его терминологию.

– Эйвери немного напряжена, – сказал я.

– Гормоны.

Я кивнул и сделал большой глоток. Дело не только в беременности. Ею Эйвери наслаждалась, несмотря на недомогание, которое испытывала на тридцать второй неделе. По какой-то другой причине она становилась все более и более беспокойной. У нее даже начались галлюцинации, и в последнее время они участились. Я ужасно за нее боялся, но мы были у врача, прошли все тесты, какие можно проходить беременным, и нам предлагали только таблетки, которые она не могла или не хотела принимать.

– Это не просто гормоны, Джинджер.

– Как обследование?

Я снова глотнул и пожал плечами:

– Поскольку гормональный фон постоянно меняется, врач не хочет ставить диагноз. МРТ ничего не показала.

Я начинал думать, что все это – только наше больное воображение.

– Она по-прежнему много работает? Может, дело в этом?

– Нет, – коротко ответил я.

Я убедил Эйвери сократить нагрузку, чтобы не усугублять ситуацию переутомлением. Сначала она отказывалась, но потом согласилась, увидев,

как я волнуюсь за нее и за нашу дочку.

Я вспомнил Кейлу. Попытался представить себе, какой бы она была теперь, в свой двадцать третий день рождения. Над шестым марта всегда висело темное облако, но сегодня мне было особенно тревожно. Я знал: скоро у меня появится своя маленькая девочка, о которой я должен буду заботиться. И я боялся, что моя способность притягивать несчастья скажется если не на Эйвери, так на ней.

Она могла стать похожей на Кейлу, унаследовав мои темные волосы и светлые глаза. На ее головке могли вырасти кудряшки вроде тех, за которые я когда-то дергал, смеясь. Я вспомнил, как они, мокрые, лежали на траве, и по моему позвоночнику пробежал холод.

– Ты меня выслеживаешь?

Я оглянулся: Хоуп. Усевшись на соседний стул, она принялась собирать растрепавшиеся розовые волосы в хвостик. Она была официанткой и пришла сюда в белой футболке и черных штанах, которые носила на работе.

– Я пришел сюда первым. Когда кто-то кого-то выслеживает, бывает по-другому.

Я поднял палец, показывая Джинджер, чтобы налила мне еще стаканчик. Она вопросительно вздернула бровь, поглядев на Хоуп.

– Девушку я угощаю, – сказал я, чувствуя, как смесь пива с виски обжигает мне вены.

Хоуп поблагодарила меня и перебросила волосы за плечи.

– Где Тоби? – спросил я ее.

– С ним Синда. Эта женщина – дар божий. Спасибо, что посоветовал к ней обратиться. Тоби ее полюбил.

Я закивал, отклеивая ярлык от бутылки пива:

– Да, она прекрасно ладит с детьми.

– И спасибо, что разрешил воспользоваться вашей сушилкой. Может, куплю себе такую же, подержанную. А то ужасная морока – тащиться в прачечную самообслуживания со всем нашим мокрым тряпьем и ребенком под мышкой.

– Нет проблем.

– У Тоби одежды больше, чем у меня. Это странно, правда? У меня только пять белых рубашек для работы, две пары джинсов, шесть простых футболок и одна для бара, две пары хлопчатобумажных шорт, две ночные рубашки, одно черное платье, четыре пары носков, два лифчика и десять трусиков. – Она сморщилась. – Тот, у кого все предметы гардероба наперечет, может официально называться бедным.

– Я бы назвал это бережливостью.

– А у тебя что не так? – Она подтолкнула меня плечом, и я слегка качнулся на стуле. – Нервничаешь из-за того, что скоро станешь папочкой?

Я покачал головой, уставившись на барную стойку. Нервничал я не из-за себя. Мой желудок сжался: я почувствовал себя так, будто мысленно предаю Эйвери.

– Я видела, как ты действуешь в сложных ситуациях, Джош. Ты справишься. А если понадобится помочь, я твоя должница.

Легче от слов соседки мне не стало. Мою грудь словно зажали в тиски. Джинджер, поглядывая то на меня, то на Хоуп, поставила передо мной две стопки виски и новую бутылку пива.

– Джош, – предостерегающе сказала она, – может, вызвать тебе такси?

Я проигнорировал это предложение. Ничего плохого я не делал и не думал делать. Я взглянул на Хоуп, которая улыбнулась мне, как раньше улыбалась Эйвери.

Джинджер ушла в другой конец барной стойки, но, обслуживая клиентов, продолжала посматривать на меня.

– Так если ты не из-за своего отцовства беспокоишься, тогда из-за чего?

– Ты веришь в проклятия? – спросил я, сделав глоток «Будвайзера».

– Я постоянно все проклинаю, – пошутила Хоуп, заставив меня усмехнуться.

– Выпьем за это.

Она подняла свою стопку и подождала, когда я сделаю то же. Мы чокнулись, я запрокинул голову и выпил в себя виски, даже не поморщившись от резкого вкуса. Хоуп скривилась и помахала перед лицом рукой.

– Итак... ты откопал клад, к которому не должен был прикасаться, и теперь пираты тебя преследуют?

– Вроде того. – Я сделал еще один глоток. – Не знаю. Что бы я ни делал, у меня такое чувство...

– Перестань себя мучить. У тебя все есть, и тебе кажется, что незаслуженно. Я права? Теперь ты ищешь какой-нибудь изъян, какой-нибудь подвох, чтобы все на него свалить, когда побежишь в Сент-Луис.

– Сент-Луис? – переспросил я, вздернув бровь, и припал к бутылке.

– Разве не туда бегут все горе-папаши? – Хоуп подперла подбородок ладонью и пальцем второй руки покрутила пустой стакан. – Извини. Ты не такой, как он. Совсем не такой. Не знаю, ценят ли тебя за это.

На секунду я перестал чувствовать себя лишним в собственной жизни.

– Тот парень – идиот, – сказал я.

– Можешь не говорить. Я с ним жила, – хихикнула Хоуп и, выхватив у меня бутылку, допила ее.

Мой смех оборвался, когда за спиной у Джинджер, в другом конце бара, я увидел знакомую физиономию: за мной пристально наблюдала Карисса Эштон.

– Отлично, черт побери! – проворчал я, кивнув на нее.

Широко улыбаясь, она направилась ко мне.

– Кто это? – вполголоса спросила Хоуп.

– Да так – одна липучка.

– Не ожидала тебя здесь увидеть, – промурлыкала Эштон, разглядывая Хоуп. – Кто твоя подруга?

– Хоуп, это Карисса Эштон. Эштон, это Хоуп, моя соседка.

– А я работаю вместе с Эйвери, женой Джоша.

Хоуп неохотно взяла протянутую ей руку и пожала плечами.

– Неразбавленного, пожалуйста, – сказала она, подняв стопку так, чтобы Джинджер видела.

– Кстати, Джош, как жена? Судя по виду, она вот-вот родит.

– Через девять недель, – буркнул я.

Вести беседу с Кариссой не хотелось. С тех пор как у Эйвери стал расти живот, она при каждом удобном случае ее подкалывала.

– Передай ей привет, – ухмыльнулась Эштон, поднося бокал мартини к противоположному розовому губам, – если увидишь ее сегодня.

Я нахмурился:

– Почему бы мне ее сегодня не увидеть?

Эштон пожала плечами, изображая невинность, и посмотрела на Хоуп:

– Ты как будто немного занят.

Я вздохнул. Виски лишило меня запасов терпения, которыми я пользовался при встрече с Эштон.

– Иди ты в задницу! А если сунешься ко мне опять, то сходи туда еще раз! Ведь ты *обязательно* опять ко мне сунешься, потому что не хочешь, к чертовой матери, оставить меня в покое!

Эштон развернулась так, будто я кричал не на нее, и с довольной улыбкой пошла на свое место.

Хоуп вытаращила глаза:

– Это было...

– Глупо, – сказал я, вставая. – Карисса Эштон – мстительная сучка. Пойду-ка я лучше домой.

– Ты приехал сюда на машине? – спросила Хоуп, опрокидывая новую

порцию виски.

Я вытащил из кармана кошелек и положил деньги на барную стойку.

– Да.

Хоуп окинула меня взглядом и тоже встала:

– А я на такси. Давай сяду за руль и подвезу тебя. Хотелось бы, чтобы ты вернулся к Эйвери невредимым.

Секунду подумав, я кивнул:

– Иди, а я пока расплачусь.

Я осторожно передал Хоуп ключи, зная, что Эштон следит за каждым нашим движением.

Даже если бы Эйвери узнала только правду, она бы огорчилась. Беременность, головные боли и галлюцинации сделали ее очень ранимой.

* * *

Я толкнул дверь и проскользнул в тихую квартиру. Луна спряталась за облаками, свет не горел, передвигаться было трудно. Послышалось цоканье собачьих когтей по линолеуму; я наклонился и погладил Декса по голове. В благодарность он лизнул мои пальцы.

– Где Эйвери? – спросил я его у порога спальни.

Мое внимание привлек негромкий шорох. Дверь ванной оказалась приоткрытой. Я вошел и щелкнул выключателем. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидел Эйвери: она сидела на полу, подтянув ноги к животу. Ее лицо было все в слезах.

– Она не теряла времени даром, да? – спросил я, садясь на колени перед женой.

– Просто уходи, – всхлипнула Эйвери, вытирая щеки тыльной стороной руки.

– У меня не было свидания с Хоуп.

Я согнулся, чтобы заглянуть ей в глаза, и, заметив телефон, зажатый в ее левой руке, потянулся к нему:

– Решила поболтать среди ночи?

– Не надо, – угрожающе произнесла она и посмотрела на меня дикими глазами, вокруг которых размазалась тушь.

– Ладно.

Я поднял ладони и уселся, скрестив ноги.

– Эйвери...

– Я сказала «нет».

– Я просто хочу поговорить.

– Кажется, ты сегодня уже наговорился.

Я хохотнул, попытавшись разрядить обстановку:

– Да, я говорил с ней. Ты целыми днями говоришь с другими мужчинами, но знаешь, что любишь только меня. А я люблю, любил и буду любить только тебя.

– Ага, – кивнула она и, с трудом сглотнув, опять подняла на меня глаза. – Конечно. Тех женщин, которые были до меня, ты не любил, но это не мешало тебе с ними спать. Почему сейчас вдруг все изменилось?

– Потому что у меня есть *ты*.

Эйвери покачала головой, и волосы упали ей на лоб. Теперь мне плохо было видно ее лицо.

– Ты нервничаешь, а это плохо для ребенка.

Она затряслась от плача и сжалась в комок, крепко обхватив руками колени.

– Пожалуйста, Эйвери, ответь мне. Тебе звонила Эштон? Что она сказала? В любом случае я все объясню. Спроси Джинджер: она была там и нас видела. Я пил один. Пришла Хоуп. Мы поболтали. Потом приперлась Эштон и начала меня доставать. Я послал ее и уехал. Вот и все.

На полсекунды меня отвлек стук в дверь, но я снова переключил внимание на Эйвери:

– Детка...

В гостиной зажегся свет, и я услышал голос Деб:

– Эйвери?

– Я здесь! – крикнула она и метнула в меня взгляд, в котором я прочел готовность к предательству.

– Что ты делаешь? – спросил я. – Почему здесь Деб?

Эйвери встала. Ее подруга, подойдя к ванной, увидела нас и остановилась:

– Ты готова?

– О'кей, – сказал я, стараясь не поддаваться панике. – Только не торопись, подумай. Позвони Джинджер. Она тебе объяснит.

– Меня не интересует история, которую вы с ней выдумали. Она твоя приятельница, Джош, не моя.

У меня как будто выбили почву из-под ног.

– Черт подери, я проклят, Эйвери! – выпалил я. – Нужно было тебе сказать, но я понадеялся, что, если с тобой я буду вести себя правильно, если... Это проклятие уничтожает все, к чему я прикасаюсь!

Эйвери обернулась и с прищуром посмотрела на меня:

– Проклятие? По-твоему, это смешно?

– Сестра, родители, Брук, ее ребенок... Я расплачиваюсь за то, что по моей вине умерла Кейла.

– Ты ни за что не расплачиваешься, Джош, и умерла она не по твоей вине. Ты был маленьким мальчиком.

– Я думал, если с тобой не буду допускать ошибок, если буду все делать правильно, то, может быть...

Я опустил глаза.

– Невезение – это прикрытие для трусов, которые не хотят отвечать за свои поступки...

– Эйвери, ты не понимаешь, – сказал я, протягивая к ней руки. – Звучит невероятно, но я действительно проклят: жизнь убедила меня в этом. С теми, кого я люблю, случаются несчастья. Поэтому я ни с кем не сближался, пока не встретил тебя.

– Несчастья случаются, Джош. Но это не значит, что от твоего выбора ничего не зависит.

Эйвери неловко нагнулась, чтобы взять сумку, которая лежала у двери спальни и которую я не заметил в темноте. Деб, казавшаяся огорченной, обняла Эйвери за плечи и вывела из квартиры. Я сполз на пол по стене и запустил пальцы в волосы.

– Я могу это уладить, – прошептал я сам себе. – Я все уложу.

На стекле кофейного столика в гостиной что-то блестело, отражая свет лампы. Это была цепочка с монеткой. Сердце застучало, как будто пытаясь вырваться из грудной клетки. Я зажмурил глаза:

– Я могу... Какого черта мне теперь делать?

Я встал и подошел к столику. Под монеткой лежали красные кружевные трусы, которых я точно никогда не видел на Эйвери. Я взял их и повертел в руках, ничего не понимая.

В этот момент кто-то постучал. Я подбежал и рывком открыл дверь. Зная, что Эйвери вошла бы без стука, я все равно надеялся увидеть на пороге ее.

– Привет, – сказала Хоуп и, заметив выражение моего лица, попыталась заглянуть в квартиру. – Ты один?

– Сейчас я не могу говорить.

Я повернулся и хотел закрыть дверь.

Но дверь не закрылась, а у себя за спиной я услышал шаги Хоуп:

– Хм... У тебя в руках мои...

Я остановился, оглянулся, потом посмотрел на полоску красного кружева.

– Что твои трусы делают в моей квартире? – произнес я, стараясь сохранять спокойствие.

Хоуп пожала плечами – смущенно, но не виновато:

– Видимо, я забыла их в сушилке.

– Моя жена их нашла. И бросила меня.

Хоуп шагнула ко мне:

– Мне ужасно жаль. Если хочешь, я ей позвоню. – Тронув мою руку, она прибавила: – Эйвери ведет себя слишком неразумно даже для беременной женщины. Она... Раньше я не хотела тебе говорить, но она нехорошо с тобой поступает. Мне тяжело видеть тебя таким подавленным. Ты прекрасный любящий муж, но она этого не видит и, боюсь, никогда не увидит. Давай спустимся ко мне и поговорим. Теби спит. – (Тут я впервые увидел в глазах Хоуп желание и намерение добиться своего.) – Я просто хочу, чтобы тебе стало легче. Можем упасть на диван или... Можем делать все, что угодно, Джош. Иногда нам нужно избавиться от наших мыслей хотя бы на одну ночь. Не бойся. Ты не должен ни о чем думать, не должен ничего чувствовать. Я хочу только, чтобы тебе было хорошо.

Хоуп провела ладонью по моей груди, скользнула по животу. Пристально посмотрела на мой рот и облизнула губы. Когда она слегка подалась ко мне, я отпрянул:

– Ты сделала это специально.

– Что? – Она притворилась удивленной.

– Пару часов назад ты мне сказала, что точно знаешь, сколько у тебя трусов. – Я поднял кулак, в котором были зажаты красные кружева. – Ты, сука, нарочно их здесь оставила для Эйвери.

– Джош, ты огорчен. И поэтому говоришь глупости.

Я швырнул трусы ей в лицо. Она схватила их, разинув рот.

– Убирайся. Убирайся, пока я тебя не вышвырнул.

– Ты псих. – Хоуп попятилась. Перешагнув порог, она остановилась: – Вы с Эйвери – два сапога пара.

– Вот именно, – отрезал я и захлопнул дверь у нее перед носом.

* * *

Дрожащими руками я поднес ко рту пятую стопку виски и закрыл глаза, чувствуя, как от губ к желудку бежит струя огня. Увидев, что янтарной жидкости в бутылке не осталось, я бросил стакан на столешницу. Он со стуком упал на бок.

С третьей попытки встав на ноги, я все же потерял равновесие и завалился вправо. Мир поплыл и закружился. Я заморгал, пытаясь сдержать слезы.

У меня было все, о чем я мечтал. У меня была Эйвери, и она ждала моего ребенка. Каким-то образом я умудрился разрушить свое счастье.

Я достал из кармана ключи от «доджа дюранго» – нашего надежного семейного автомобиля. Еще одна мечта, которая не сбылась. Я сумел выгодно продать свою «барракуду», но после оплаты первого взноса за новую машину и покупки детских вещей у меня уже не хватало денег на аренду мастерской, пока мы не подыщем подходящий дом для нас и наших детей. Вместо того чтобы видеться чаще, мы стали видеться еще реже. Ради заработка я выходил на дежурство в дополнительные смены. Я сделал выбор в пользу нашего лучшего будущего, и тем не менее результат оказался плачевным. Я потерял все, что создавал с таким трудом.

Услышав резкий стук в дверь, я вскинул голову: «Может, Эйвери уже не считает эту квартиру своим домом? Может, она забыла ключи?» Я огляделся, но не смог сфокусировать взгляд.

– Давай, стариk, – сказал Куинн из коридора, – открывай.

Мое сердце упало. Я так хотел услышать голос жены, узнать, что с ней все в порядке.

Проковыляв по комнате, я повернул ручку замка. Куинн прошагал мимо меня, качая головой, и укоризненно произнес:

– В этот раз ты облажался по полной!

– Где Эйвери? Мне нужно ее увидеть. Я понял, почему она так рассердилась. Она нашла трусы Хоуп, но Хоуп просто оставила их в сушилке, которой я ей разрешил пользоваться. И она сделала это нарочно. Эйвери давно ее раскусила. Мы должны поговорить.

Куинн порывисто развернулся, но его раздражение уже сменилось сочувствием.

– Стариk, ты должен оставить ее в покое. Деб за нее серьезно боится. Я тоже. Для объяснений момент неподходящий. Ей нужно время, чтобы подумать.

– Я дам ей время. Я дам ей все, чего она захочет, но я должен знать, что она вернется. – На челюстях Куинна заходили желваки. Я запаниковал: – Она ведь... Она...

Он пожал плечами, опустив на пол спортивную сумку:

– Не знаю. Деб целые сутки не спала: приглядывала за ней.

– Что? Она пыталась что-то с собой сделать? У нее головные боли и какие-то странные вспышки, но, Куинн, она же не причинит вреда нашему

ребенку!

Мой друг расстегнул молнию на сумке:

– Тебя не было рядом. Первые три часа она билась в истерике. Несла какой-то бред про больницу и про то, что все не на самом деле. Чертовски странно.

Я попытался разогнать облако в голове, которое мешало мне переваривать информацию, и снова сам на себя разозлился: *а вдруг Эйвери вернулась бы домой и застала меня таким?*

– Приведи себя в порядок, дружище! – Куинн брезгливо поморщился. – Она придет в ужас, если увидит тебя в таком состоянии.

Он прошагал в другой конец комнаты к корзине с чистым бельем.

– Она не сможет ненавидеть меня еще больше, раз она меня уже ненавидит.

Я посмотрел на свои руки, похрустел суставами. Окровавленная кожа на костяшках потрескалась. Когда моя бутылка виски была опустошена только наполовину, я вывел Декса погулять и врезал дереву на заднем дворе.

Последив направление моего взгляда, Куинн кивнул и положил в спортивную сумку несколько кофточек Эйвери.

– Вряд ли она ненавидит тебя так же сильно, как ты ненавидишь себя сам.

– Я бы никогда не изменил Эйвери. Она это знает. У нее просто... трудный период.

– Жаль, что приходится это говорить, брат, но если судить по всем признакам, то напрашивается другой вывод. Может, у нее и «трудный период», как ты это называешь, однако даже женщина, у которой нет проблем с головой, еще не такое подумает, найдя такую улику.

– У нее именно трудный период.

– Оправданиями тут не поможешь, Джош. Ей нужно с кем-то поговорить. Ей нужно лечение. Ты не должен защищать ее от мира.

– Я ее и не защищаю, – рявкнул я. – Она ничего плохого не сделала.

Куинн уронил голову и потер переносицу.

– Знаю, Джош. А еще я знаю, что все это, – взмахом руки он указал на перевернутые столики и разбросанные бутылки из-под пива, – для нее нехорошо.

– Я понимаю.

– Тогда ты должен перестать себя жалеть и разрулить ситуацию.

– Да знаю я, что должен делать! – Я плюхнулся на край кровати и повесил голову. Мир вокруг меня рушился. – Не знаю только как, –

прибавил я еле слышным шепотом и снова вспомнил Кейлу.

Ей я тоже не сумел помочь. С детства я словно топчусь вокруг прорвавшейся трубы, но не могу ее заткнуть.

– Тыпротрезвеешь, черт возьми, и пойдешь к ней. Она тебя выслушает.

– Не станет она меня слушать. Она меня ненавидит.

Мои ресницы сомкнулись, и слезы, которые щипали глаза, хлынули потоком.

– Она напугана, Джош. Не понимает, что с ее здоровьем, а теперь еще и ваш брак трещит по швам. Как бы она ни сердилась на тебя, ты ей нужен.

Я кивнул и сглотнул:

– Хорошо, я... Я приму душ и протрезвею. Сделаешь мне кофе, а?

Подняв глаза, я увидел, что Куинн стоит передо мной с сумкой на боку.

– Сначала проспись. Никуда она не денется.

Он дотронулсь до моего плеча и вышел из комнаты. Через несколько секунд захлопнулась входная дверь. Я повалился на матрас, отдаваясь во власть своей грусти.

Несмотря на пьяную заторможенность, заснуть я не мог, а только проваливался в дрему и выплывал из нее. Эйвери то возвращалась ко мне, то уходила насовсем.

Когда на стенах появились тени, я взял телефон. На экране высветилось: «7:04». Уже можно было идти к Куинну. Эйвери наверняка проснулась. Я надеялся, что она успела по мне соскучиться.

Принимая душ, бреясь и чистя зубы, я чувствовал себя так, будто готовился к первому свиданию. Достал ее любимую рубашку, побрызгался одеколоном, запах которого, как она говорила, не давал ей от меня оторваться. Никакая помощь не могла оказаться лишней, если я хотел отвоевать свою жену.

Я надел джинсы и туфли, взял кошелек, телефон, ключи и направился к двери. Распахнув ее, я ощущил слабый прилив уверенности в себе. Эйвери любила меня и знала, что на уме у Хоуп.

Ключи выпали у меня из рук, когда я узнал женщину, стоявшую в коридоре. От подъема по лестнице она запыхалась и покраснела.

– Эйвери, – выдохнул я.

Глава 21

Эйвери

Я хотела взять сумочку с кухонного стола, но уронила ее, и она шлепнулась на пол. Я согнулась, чтобы собрать рассыпавшиеся монетки и пластинки жвачки, а собрав их, застонала: не хотелось распрямляться.

– Давай помогу, – предложил Джош.

– Я сама, – прорычала я.

– Поговорим?

– Я забыла свои витамины, а сегодня у меня смена.

– Ты собралась на работу? Эйвери, но ты же взвинчена до предела!

Деб мерила тебе давление?

– Чуть повышенное, – сказала я, убирая волосы со лба. – Давай не будем притворяться, что тебе не все равно.

– Просто выслушай меня.

На его лице читалось такое изнеможение, такое отчаяние, и мне так хотелось броситься к нему в объятия, но я должна была оставаться сильной ради Пенни. Мне следовало уйти от мужчины, которому я не доверяла, который не уважал меня и данную мне клятву. Покинуть его, даже если он отец моего ребенка.

Я прошла мимо Джоша в спальню и стала искать в шкафу медицинскую форму попроще – чтобы поместился мой живот. Пока я вылезала из джинсов для беременных и надевала форменные штаны, Джош стоял на пороге и на меня смотрел. Сменив блузку, я потрогала пузо и ладонью почувствовала выпирающий пупок. Джош улыбнулся, его покрасневшие глаза заволоклись слезами:

– Я люблю тебя.

Вздохнув, я посмотрела на свой живот, за которым уже не видела пола.

– Пожалуйста, не надо. Так мне еще тяжелее. Это был твой выбор, не мой.

– От того, как упорно ты стараешься не плакать, я только сильнее хочу тебя обнять.

– Плакать мне сейчас нельзя. Через час я должна быть на работе. – Я задумалась, перед тем как произнести слова, которые, если бы Джош со мной согласился, стали бы началом конца: – Мне нужно, чтобы ты... Мы с Пенни не можем жить у Деб. Мне нужно, чтобы до моего возвращения ты

вывез отсюда свои вещи.

Он ощетинился:

– Что? Эйвери, ты мне даже шанса не дашь?

– Я дала тебе множество шансов.

– Я не уйду. Я никуда не уйду, – проговорил Джош, расхаживая взад-вперед по комнате. – Если ты хотя бы позволишь мне объяснить...

Я встала, взяла с кровати сумочку и прижала ее к груди. Кошелек и многочисленные рецепты попытались вылезти наружу через расстегнутую молнию, но я запихнула их обратно.

Глаза болели и казались тяжелыми. Когда я встала, холодный воздух поцеловал низ моего живота. Я дернула короткую блузу. Джош с отчаянием во взгляде потянулся ко мне:

– Хорошо, я уйду. Поеду к Куинну, а ты оставайся здесь и все обдумай. Только не садись в таком состоянии за руль. Это небезопасно для Пенни.

Терпение у меня иссякло, и я взорвалась:

– Ах, *теперь* ты беспокоишься о нас с Пенни? Я любила тебя, Джош, но ты все разрушил!

– Не знаю, как сделать так, чтобы ты мне поверила. Я понимаю, как все выглядит со стороны. Понимаю, какие выводы ты можешь сделать. Я могу только одно: дать тебе честное слово.

– Настал такой момент, Джош, когда мне пора начинать слушать себя. Я не имею права оставаться с тобой только потому, что люблю. Я должна думать о Пенни.

– Хорошо. Поговорим потом. А сейчас я уйду.

– Ах, наверняка ты сделаешь это с удовольствием! – усмехнулась я. – Это ведь в твоем духе – пока я сижу дома с твоим ребенком, побежать к ней, чтобы она тебя пожалела, ведь тебе досталась сумасшедшая жена!

Ярость и силы покинули меня одновременно. В груди что-то обрушилось, и я зарыдала.

– Эйвери, ты не сумасшедшая. Я понимаю, в чем дело. Все эти вещи... их много, но они объяснимы.

Я слотнула слезы:

– Да иди ты со своими объяснениями!

Схватив со столешницы ключи, я враскачу направилась к двери. Джош загородил мне дорогу:

– Я не позволю тебе так уйти. – Он попытался взять меня за плечи, но я стряхнула его руки. – Ладно, ладно. Не буду к тебе прикасаться. Только отдай ключи, и я исчезну.

– Твое *позволение* мне не нужно, – процедила я сквозь зубы. – И не

изображай, что тебе на нас не наплевать, после того как ты трахался с соседкой! Меня все предупреждали, чтобы я держалась от тебя подальше, а я никого не слушала. – По моим щекам потекли ручьи-близнецы. – Теперь я беременна, и до рождения твоего ребенка остались считаные недели. У тебя есть все, чего ты якобы хотел! И ты отрекаешься от этого!

– Неужели ты не понимаешь, что тебе нельзя вести машину? – произнес Джош, стараясь оставаться спокойным. Он развернул плечи и встал прямо передо мной. – Подумай секунду, Эйвери. Так не должно быть. Загляни поглубже в свое сердце и скажи: неужели ты действительно веришь, что я способен все разрушить?

Он заглянул мне в глаза, надеясь увидеть в них перемену. Но я покачала головой и потерла виски. Я была эмоционально истощена.

– Опять головная боль? – Джош дотронулся до моего плеча. Увидев, что я не сопротивляюсь, он медленно привлек меня к груди. – Давай я чего-нибудь принесу.

– Нет. Мы уже об этом говорили: лекарства вредны для ребенка.

– Врач сказал, что ацетаминофен принимать можно.

Я помотала головой:

– Нет.

– Тогда я дам тебе воды. – Отпустив меня, Джош прошел на кухню, вытащил из холодильника бутылку и принес ее мне: – Глотни, детка.

Я посмотрела на воду, потом снова на него:

– Мне надо привыкать заботиться о себе самой.

Джош склонил голову набок:

– Эйвери, в таком состоянии тебе нельзя ехать на работу.

– Ты прав, – кивнула я и, взяв телефон, позвонила Майклз, которая всегда рада выйти в дополнительную смену.

– Спасибо, – сказал Джош, когда я закончила разговаривать.

– Я не для тебя это сделала. Сейчас я еду к Деб и хочу, чтобы к моему возвращению тебя здесь не было.

Выражение его лица изменилось.

– Я никуда не собираюсь уезжать. Я ничего плохого не сделал. И я не сдаюсь.

– Это моя квартира.

– Это наша квартира.

Я вздохнула. У меня слишком болела голова, чтобы продолжать спор.

– Перебирайся к Хоуп. Так ты хотя бы будешь недалеко от Пенни.

Щеки Джоша вспыхнули. Он скжал кулак и ударил им по столешнице. На его костяшках, которые он уже обо что-то ушиб, выступила свежая

кровь.

– Черт возьми, Эйвери! Ты не мать-одиночка, ты моя *жена*! Мы не расходимся, ничего не случилось. Ты плохо соображаешь, причем уже давно. Я делал вид, что не обращаю внимания, но это уж слишком. Если ты от меня уйдешь, я обращусь к твоему врачу и всем расскажу о твоих галлюцинациях. В нынешнем состоянии тебе не дадут опеку над Пенни.

Я открыла рот, почувствовав себя так, будто мне дали пощечину.

– Ты эгоистичный ублюдок.

Он нахмурился и сделал глубокий вдох. По его щеке скатилась слеза.

– Я пойду на что угодно, лишь бы сохранить нашу семью. Ты отдохнешь и обдумаешь ситуацию. По поводу Хоуп ты была права. Мы можем вместе дать ей отпор, если хочешь. Я могу это уладить.

– Нет, Джош. Этого ты уладить не можешь.

Я развернулась и пошла к двери. Он бросился ко мне, прижал ладонь к металлической панели и умоляюще проговорил:

– Пожалуйста! Пожалуйста, не делай этого!

– Если бы ты не нюхался с местной шлюхой, мне и не пришлось бы это делать.

Я дернула ручку. Джош отступил, не желая удерживать меня насильно. Как только дверь за мной захлопнулась, он опять ее открыл и вышел в коридор:

– Я дождусь твоего возвращения, детка. Будь осторожна.

Вытирая глаза, я торопливо спустилась по лестнице, вышла из подъезда на крыльце и огляделась: жизнь кругом продолжалась, пусть даже мой мир рухнул.

«Додж» завелся сразу же. Услышав его рычание, я переключила передачу и отъехала от бордюра. Вскоре наш район остался позади. Я врубила радио и принялась листать каналы: хотелось услышать что-нибудь бойкое и ободряющее. Я колесила по Филадельфии, пока на улицах не зажглись фонари, а индикатор уровня топлива не запищал. У меня разболелась спина. Я потерла живот и повернула к дому, надеясь, что Джош с большей частью своих вещей убрался к Куинну.

Небо потемнело, и сквозь черноту уже начинали проглядывать звезды. Я затормозила перед светофором, на котором вот-вот должен был загореться красный. Над деревьями виднелись верхние этажи больницы Святой Анны. Пенни повернулась внутри меня. Я опустила глаза и, вдруг поняв, где нахожусь, сдавленно всхлипнула. На перекрестке стояли указатели: «Холли-роуд» и «Джексон-авеню». Отсюда все началось.

– Нет, – заплакала я.

Вспышки, головные боли, галлюцинации – они обрушились на меня в день нашей свадьбы.

– Со мной ничего не происходит. Это просто дурной сон.

Я сделала несколько глотков воздуха, и изнутри снова вырвался плач.

– Хочу проснуться! – Я уронила голову, коснувшись лбом руля. – Хочу проснуться!

Мои веки опустились, перед глазами мелькнула больничная палата. Я заморгала, оглядывая салон своего «доджа», и подумала: «Может быть, Джош прав. Я помешалась. После аварии все стало как-то странно. А сумасшедшие ведь не понимают, что они сошли с ума».

Когда картинка перед глазами прояснилась, я заметила под ногами маленький медный кружочек, нагнулась и сжала его в ладони. Это был потускневший пенс. Вдруг у меня перехватило дыхание. Вопль вырвался из груди и пронзил темноту. Увидев два световых пятна, которые мчались мне навстречу, я перестала дышать и зажмурилась.

Проснулась я в больнице, учащенно дыша от страха. Мои пальцы сжимали боковины кровати. Вокруг меня пищали аппараты. Я окинула себя взглядом: на мне была не медицинская форма, а пижама, как на пациентах. Ощупав плоский живот, я поняла, что потеряла Пенни, и закрыла лицо руками. На мой крик прибежала Майклз:

– Эйвери?

Я не смогла ничего сказать. Только плакала. Майклз высунулась в коридор и завопила:

– Очнулась! Эйвери очнулась!

Вернувшись ко мне, она стала проверять, действуют ли жизненно важные органы.

– Ты знаешь, где ты? – Ее голос прозвучал ровно, успокаивающе.

– В больнице.

В палату ворвалась женщина-врач с блестящими темными волосами, едва доходившими до плеч, и большой родинкой на подбородке. Посветив мне маленьким фонариком сначала в один, потом в другой глаз, она воткнула в уши стетоскоп.

– Вы можете назвать свое имя?

– Эйвери... Эйвери, – сказала я, морщясь от света.

– Рада наконец-то с вами познакомиться, Эйвери. Я доктор Уивер. Вы попали в автомобильную аварию. – (Я нахмурилась, ничего не понимая.) – Мы ждали, что вы к нам вернетесь.

Доктор потерла мембранный стетоскопа о свой белый халат и просунула ее мне под пижаму.

– Сделайте, пожалуйста, глубокий вдох.

Я вдохнула и выдохнула.

– А Пенни... – Мой голос дрогнул: я испугалась, произнеся это имя вслух. – Ребенок в порядке?

Доктор Уивер вытащила стетоскоп из ушей:

– Эйвери, еще не все анализы готовы, но в любом случае нам надо поговорить. Вы пережили потрясение.

Моя нижняя губа задрожала. Поднеся ладони к лицу, я почувствовала, как между пальцев заструились слезы.

– Кто-нибудь позвонил моему мужу?

Доктор Уивер дотронулась до моего плеча.

– Эйвери, – ее голос потяжелел от беспокойства, – вы не замужем.

Я подняла глаза и заморгала:

– Замужем.

Майклз нахмурилась и посмотрела на врача. Я подняла руку вместе с воткнутой в нее иглой капельницы:

– Пожалуйста, Майклз, позвони моему мужу. Он, наверное, совсем извелся. Я должна сказать ему про Пенни. Про то, что я сделала.

После этих слов я заплакала в голос. Доктор Уивер похлопала меня по ноге.

– Дайте ей мягкое успокоительное. Возьмите кровь на развернутый анализ. Еще мне нужна новая томограмма: я посмотрю, уменьшается ли гематома.

– Гематома? – спросила я, когда Майклз вышла. – Я здесь из-за нее?

Врач успокаивающе улыбнулась:

– Эйвери, вы долго спали. Ваш организм многое преодолел.

Я посмотрела на нее, чувствуя, как что-то темное и пугающее надавило мне на грудь.

– Пожалуйста, найдите моего мужа.

Она сжала губы, сочувственно заглянув в мои испуганные глаза.

– Я сделаю все возможное.

Я осталась одна в темной палате – той самой, которая столько раз мелькала у меня перед глазами, когда в мозгу случались вспышки. На стенах были обои, как в той комнате, где я проснулась после столкновения с грузовиком. Я стала оглядываться, ища телефон, сумочку и другие свои вещи. Но увидела только аппараты, мониторы и уродливые стены.

В дверном проеме нарисовался силуэт Майклз.

– Эйвери? – окликнула она. – Ты помнишь Деб?

– Да. – Я вытерла лицо. – Можешь ей позвонить?

– Она уже здесь. Я впущу ее к тебе?

Я кивнула. Деб на секунду застыла на пороге, поднеся пальцы ко рту, а потом бросилась ко мне, опустилась на колени возле моей кровати и обеими руками вцепилась в мою руку. Я заметила, что подруга похудела и волосы у нее отросли.

– Боже праведный! Напарница, ну ты и вздрегнула!

– Пожалуйста, позвони Джошу, – сказала я, сглатывая. – У меня нет телефона, а я боюсь, что от волнения он разболелся.

– Джошу? – переспросила Деб, встряхнув головой.

– Ну да, Джошу. Почему все так *странно* реагируют?

– Джошу Эйвери? – Она посмотрела на меня с беспокойством.

– Деб, прекрати! А то я, к чертовой матери, с ума сойду.

– Эйвери, – заговорила моя подруга нетипичным для нее ласковым голосом, – Джош Эйвери в конце коридора.

Я села:

– Тогда скажи ему, что я очнулась! Почему его до сих пор не позвали? – Подумав, я откинулась на подушки: – Он не хочет меня видеть. Он не хотел, чтобы я уезжала, а я уехала и потеряла нашего ребенка. Теперь он ненавидит меня, да?

У меня в груди закипала паника.

– Дорогая, – начала Деб и замолчала, подбирая слова. – Джош в конце коридора, в своей палате.

Я схватила ее за руку:

– С ним что-то случилось? Деб, отведи меня к нему!

Майклз принесла прописанное доктором успокоительное.

– Нет! – запротестовала я.

Майклз присоединила пузырек с лекарством к капельнице и попятилась. Лицо у нее было одновременно огорченное и растерянное.

– Нет! – Я посмотрела на Деб. – Мне нужно его увидеть!

– Отдохни, моя хорошая, – сказала она, гладя меня по волосам. – Поспи. Увидишь его, когда проснешься.

– Я уже выспалась! Теперь хочу видеть своего мужа!

Деб охнула и посмотрела на Майклз. Та покачала головой и вышла. Мои веки отяжелели, и я провалилась в темноту. Я больше не плакала, ничего не чувствовала, не видела снов. Просто спала.

* * *

Наконец разлепив глаза, я смогла вспомнить только панику, которая охватила меня перед тем, как мне влили успокоительное. Моя подруга сидела в кресле, листая «Космополитен». Когда я села, простыни соскользнули с кровати, и Деб бросилась их поправлять:

– С добрым утром, солнышко! Хочешь, открою шторы?

Подойдя к окну, она потянула за палочку. В комнату ворвался дневной свет. Я увидела рекламный щит с надписью «Дж. С. Пенни». Я сощурилась, привыкая к солнцу, и поднесла руку к груди:

– Я ее оставила!

– Что? – спросила Деб, садясь на кровать рядом со мной.

– Монетку на цепочке, которую подарил мне Джош. Мы поссорились, я вспылила и сняла ее.

Глаза Деб забегали. Она замялась, соображая, как бы сменить тему:

– Утром приходила доктор Уивер. Все анализы отличные. Сегодня тебя переведут на второй этаж.

– В реабилитационное отделение?

Деб скривила рот:

– Тебе нужно разработать мышцы ног. Ты с этим быстро справишься. Воды хочешь?

Не дожидаясь ответа, она плеснула из бутылки в большую кружку. Я посмотрела в окно, и эмоции снова надавили на меня всей тяжестью. Накануне я, недолго думая, отказалась от того, что мы с Джошем имели. Теперь я должна была любой ценой найти дорогу назад.

Прикоснувшись к животу, я почувствовала себя одинокой, как никогда. Я лишилась родителей. Потеряла друзей. Но это было еще хуже, гораздо хуже. Слезы наполнили мои глаза и пролились на щеки.

– Доктор Уивер договорилась: после обеда к тебе заглянут доктор Ливингстон и доктор Брок.

– Кто они такие? – всхлипнула я.

– Доктор Ливингстон – невролог. – Деб подумала и прибавила: – А доктор Брок – психиатр.

Я протестующе замотала головой. Деб взяла мою руку:

– Эйвери, все относятся к тебе с пониманием. Ты такое пережила! Это чудо, что ты вообще выкарабкалась. Пока тело боролось за жизнь, мозг старался тебя отвлечь. Медицина еще многоного не знает о нем, поэтому важно, чтобы ты все рассказала врачам.

– Джош – не средство отвлечься!

Я высвободила руку и закрыла лицо. Глаза и грудь уже болели от многочасового плача о муже и ребенке. Подруга только с сочувствием

посмотрела на меня и кивнула.

– Деб, – напористо произнесла я. – Ты отвезешь меня к Джошу?

– Могу, – грустно сказала она. – Но это тебя огорчит.

– Отвези.

Я знала, что не успокоюсь, пока не увижу Джоша.

Деб расчесала мои сальные волосы и заплела их в косу. Потом подержала чашку с водой, чтобы я почистила зубы.

– Вот. – Она протянула мне губку для лица. – Умойся, а я прикачу кресло.

Я провела по коже теплой махровой тканью, чувствуя, как она остывает у меня в руках. Смотреть в зеркало я не собиралась. Не хотела.

Деб вкатила в палату кресло, опустила тормоза и подняла ножные педали. Потом, поднатужившись, сняла меня с кровати, повернула и опустила на сиденье.

– Едем?

Отсоединив капельницу, Деб взяла ее в одну руку, а другой ухватилась за кресло. Я кивнула, и она начала толкать меня вперед. Когда мы выехали из палаты в коридор, я почувствовала, как внутри что-то щелкнуло и словно бы встало на место. Мне уже не казалось, будто чего-то не хватает.

Провезя меня мимо четырех дверей, Деб остановилась перед пятой:

– Эйвери, ты уверена? Мне кажется, ты торопишься. Тебе надо сначала разобраться...

– Уверена, – сказала я, хватаясь за дверную ручку.

Не без труда переехав через порог, я оказалась в палате и осталась одна. Глаза забегали по телу Джоша: он лежал на спине, весь в трубках и проводках (как и я до недавнего времени), грудь вздымалась и опускалась под действием аппарата искусственной вентиляции.

– Что случилось? – спросила я, мягко протягивая к нему руку.

На ощупь его пальцы показались мне какими-то чужими, обручального кольца не было. Ни у него, ни у меня. «Зачем ты затеялассору? – спросила я себя. – Почему просто не поговорила с ним?»

– Вы оба возвращались с работы. На перекрестке в тебя въехал грузовик, и твою машину отбросило назад, на машину Джоша. Все превратилось в груду покореженного железа.

– Нет, Деб, так было в прошлый раз. А теперь что случилось?

– Вот это и случилось. Его напарник Куинн говорит, что, когда он прибыл на место, вы оба были без сознания и соприкасались друг с другом кончиками пальцев – до того расплющило ваши машины.

– «Его напарник Куинн»... – повторила я, не отрывая глаз от Джоша. –

Странно ты говоришь о своем бойфренде.

Мои слова позабавили Деб. Перекинув мою косичку через плечо, она заглянула мне в лицо:

– Нет, дорогая, он не мой бойфренд. Фу!

Я обвела комнату беглым взглядом:

– То есть как это «нет»? Ты же почти два года встречалась с Куинном!

Деб усмехнулась, но, поняв, что я не шучу, нахмурила брови и медленно помотала головой.

– Да, – сказала я, наклоняясь и крепко сжимая руку Джоша: – Проснись. Скажи им. Я не сумасшедшая. – Я подняла глаза на подругу: – Что с Пенни?

Она покачала головой и пожала плечами:

– Кто такая Пенни?

– Наша дочка. Джоша и моя. Деб, я была на тридцать второй неделе. Я... ее потеряла? Ее унесли?

Деб хотела вывезти меня из палаты, но я вцепилась в одеяло Джоша. Она встала возле меня на колени:

– Эйвери, ты не была беременна. Ты не была замужем за этим парнем. – Она указала на Джоша.

– Перестань, – сказала я, начиная паниковать.

– Вы оба попали в аварию, а потом лежали в коме.

Я замотала головой, опустив подбородок на грудь:

– Врешь.

– Эйвери, – Деб дотронулась до моей руки, – зачем бы я стала тебе врать, когда дело касается таких болезненных вещей? Ты полтора месяца была без сознания.

– Полтора месяца? Да я с Джошем два года! Мы встречались, он сделал мне предложение. Я помню свадьбу, помню, как мне сообщили, что я беременна. Деб, я знаю, чем сон отличается от воспоминания. Все это было со мной. – Я в отчаянии поглядела на Джоша: – Пожалуйста, просыпайся. Просыпайся и скажи им. Я так боюсь.

– Эйвери... Эйвери, нам пора возвращаться в твою палату. Тебе нужно попробовать что-нибудь съесть. Тебе нужен отдых.

Я прижала руку Джоша к своей щеке и закрыла глаза.

– Проснись, Джош Эйвери! – закричала я. – Это просто страшный сон. Проснись! Проснись!

– Ну все, милая, – сказала Деб, оттаскивая меня от Джоша. – Посещение окончено.

Я тянулась к нему, пока она не развернула кресло. Тогда я

развернулась сама и снова протянула руки:

— Джош! Джош!

Глава 22

Джош

– Я знаю, что ты обещала ей выйти за нее на дежурство, но она куда-то уехала и до сих пор не вернулась. Где ей быть, как не в больнице?

– За вечер я ее ни разу не видела, – сказала Майклз.

– Спасибо, – пробормотал я и нажал отбой, чувствуя, что схожу с ума.

Быстро набрав номер Куинна, я принял расхаживать по комнате. После трех мучительно долгих гудков он ответил:

– Вы что, ребята, опять скандалите?

– Боже мой, Куинн! Четыре часа назад Эйвери поехала проветрить голову, и ее до сих пор нет. Трубку она не берет.

– Успокойся. Наверняка просто потеряла счет времени и наматывает круги по городу.

– Ты видел, в каком она состоянии! Вдруг у нее прокололась шина, а телефон разряжен? Вдруг она попала в аварию?

– В больницу звонил?

– Да, – ответил я, грызя большой палец и не переставая расхаживать из угла в угол. – Вместо Эйвери дежурит Майклз. Она бы мне сообщила, если бы ее привезли.

– Тогда, может, в полицию позвонить? – осторожно предложил Куинн.

– Сказать им, что я поругался с женой и она не возвращается? Они рассмеются мне в лицо.

– Скажи, – Куинн понизил голос, – что в последнее время у нее проблемы. Что ты за нее боишься.

Я рухнул на диван и опустил голову на руки.

– С ней не настолько все плохо, – соврал я.

– Джош, ты не сможешь защитить Эйвери, если будешь продолжать обманывать себя и ее. Правда тяжела, но надо посмотреть ей в глаза.

Сглотнув ком в горле, я кивнул, хотя Куинн не мог меня видеть. Он продолжал:

– Джош, ты должен это сделать. Так будет лучше для Пенни.

– Знаю, – прошептал я и, отняв телефон от уха, нажал кнопку разъединения.

В глазах стояли слезы. Все так быстро распалось! Эйвери могла мне этого не простить, но, выбирая между нашим браком и ее безопасностью, я

выбрал ее безопасность. Я встал и, снова начав мерить комнату шагами, трясущимися пальцами набрал номер службы экстренной помощи. Объясняя оператору ситуацию, я молился, чтобы мои подозрения оказались напрасными и Эйвери, целая и невредимая, вошла в квартиру.

Во время разговора телефон запищал. Отставив его от уха, я увидел на экране номер и фотографию Эйвери.

– Я должен бежать. Это моя жена, – пропыхтел я и в панике переключился.

Голос Эйвери звучал нечетко и как будто издалека. Видимо, она позвонила мне случайно, и я не мог разобрать ее слов.

– Эйвери? Ты меня слышишь? Где ты?

– Что случилось? – спросила она.

Ей ответил другой голос, который то появлялся, то пропадал:

– На перекрестке в тебя въехал грузовик... Все превратилось в груду покореженного железа.

– Эйвери! Детка! Я еду, я сейчас!

Двигаясь на автопилоте, я сунул ноги в ботинки, вылетел из квартиры и сбежал по лестнице.

– Скажи им. Я не сумасшедшая!

В ее голосе слышалось отчаяние, и я почувствовал себя совершенно беспомощным, оттого что не был рядом с ней.

– Не волнуйся, детка, – сказал я, заводя свой «дюранго». – Я уже выехал. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Что с Пенни?

– Кто такая Пенни? – спросил второй голос.

– Наша дочка. Джоша и моя. Деб, я была на тридцать второй неделе. Я... ее потеряла? Ее унесли?

– Эйвери? Ответь! Ты что-то сказала про Пенни? – пробормотал я, от слез не видя перед собой дорогу. – Эйвери? Ты меня слышишь? Я еду!

У меня скрутило живот. Она была с Деб, но где? На пустынной улице загорелся красный, и я ударил по тормозам. Перехватив руль, стал ждать зеленого. Эйвери должна была быть в больнице.

– Перестань! – испуганно прокричала она. Я бы все отдал за то, чтобы скорее ее обнять. – Врешь!

Светофор переключился, я нажал на газ. Заморосил дождь, мелкий, как водяная пыль. Машин было мало, и я на высокой скорости рванул по холмистому участку дороги.

– Зачем бы я стала тебе врать...

– ...Скажи им! Я так боюсь! – заплакала Эйвери.

– Не бойся, детка! – крикнул я, давя на педаль газа. – Я иду! Клянусь, я скоро буду рядом!

– Джош! Джош!

Связь прервалась. Я сжал телефон в кулаке, молясь, чтобы она мне перезвонила. Через несколько минут я подъехал к больнице и припарковал свой внедорожник у въезда для машин «скорой помощи». Задыхаясь от волнения, бросился к дверям. В холле было полно стариков и больных детей, но своей жены я не увидел.

– Эйвери? – прошептал я.

Медсестра, стоявшая за стойкой регистрации, помахала мне рукой:

– Джош? Все нормально?

– Энджи, – вздохнул я, почувствовав некоторое облегчение при виде знакомого лица. – Мне позвонила Эйвери. Она должна быть здесь. Помоему, она попала в аварию. Где она?

– Джош, не нервничай.

Голос Энджи показался мне слишком спокойным, и я испугался еще сильнее. Вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулся и увидел Эштон с блокнотом в руках.

– Джош! Я как раз собиралась тебе звонить. К нам привезли Эйвери.

– С ней все в порядке? Что случилось?

– Она слишком разогналась на повороте, и машина перевернулась. Она была пристегнута, но...

Эштон замолчала, подбирая слова. Я подождал секунды две, а потом не выдержал. Мне нужно было знать, что с моей женой.

– Что «но»? Говори же, черт возьми!

– Она в стабильном состоянии. Доктор Уивер только что была у нее.

Она очнется. Доктор Розенберг прописал болеутоляющее.

– Как Пенни?

– Кто?

– Ребенок, – отрезал я и, пройдя за Эштон в двустворчатую дверь, оказался в коридоре.

Эштон остановилась и повернулась ко мне:

– Мне очень жаль, Джош. Мы сделали все, что смогли.

Я кивнул. Под тяжестью горя у меня чуть не подогнулись колени. «Мы сделали все, что смогли...» – эти слова заверterлись у меня в мозгу. А я? Все ли я сделал? Я должен был помешать ей от меня уйти. Когда она сказала мне, что огорчена, я должен был ее выслушать, а не отмахиваться от нее, как от сумасшедшей. Жизнь с Эйвери стала воплощением всех моих мечтаний, а я позволил такому счастью утечь сквозь пальцы.

Я куда-то шел следом за Эштон, бездумно передвигая ноги. Только когда мы остановились, я понял, что она подвела меня к палате отделения, где за каждой дверью скрывается чья-то трагедия.

– Все будет хорошо, – сказала Эштон.

Я кивнул, зная, что это неправда. Я сам множество раз говорил это отцам и мужьям. Люди наших профессий считают себя обязанными произносить подобные слова. Так мы облегчаем свою вину. Тому, чья работа – спасать людей, очень тяжело чувствовать себя бессильным. Если мы не можем помочь, зачем мы вообще существуем? Я толкнул дверь, к которой Эштон меня подвела. От наших слов исход не зависел.

Эйвери казалась спящей. Светлые волосы разметались по подушке. Фарфоровая кожа на лбу и висках была в синяках. Вся палата была заставлена мерно пищавшими аппаратами. Я взял Эйвери за руку и нежно скжали ее пальчики: она казалась мне такой хрупкой, будто могла рассыпаться от моего прикосновения. Я содрогнулся от приступа горя, и слезы закапали на белое одеяло.

– Я не должен был отпускать тебя.

Поцеловав руку Эйвери, я прижал ее к своей щеке. Закрыл глаза, ощущив знакомое прикосновение мягкой кожи. Вспомнил, как она улыбалась мне в день нашей свадьбы.

– Мне невыносимо видеть тебя такой. Невыносимо видеть, что тебе больно. Я это добавлю в список наших антипатий, ладно? – Чувствуя себя полностью разбитым, я попытался улыбнуться и убрал со лба Эйвери несколько своюенравных прядей. – Я это улажу.

Из прекрасного сна наша жизнь превратилась в ночной кошмар, от которого мы не могли проснуться. Казалось, мы попали в чистилище. Глаза Эйвери двигались под трепещущими ресницами, но веки не размыкались. Когда я шептал ей: «Я люблю тебя», – на мониторе ее сердечного ритма пробегали острые зигзаги, но она не просыпалась.

И все же я не сдавался. Каждый день я приходил и ждал. Ждал невозможного, ждал знака. Ждал, что она на меня посмотрит. Я надеялся, что и грешнику может быть ниспослано чудо.

Глава 23

Эйвери

Опухшими и воспаленными глазами я смотрела в окно. На столике остывал нетронутый обед. Деб сидела в кресле, притворяясь, будто читает журнал. В дверь постучали, в палату вошли две женщины в белых халатах и тщедушный медбрать. Моя подруга встала:

– Эйвери, это врачи, о которых я тебе говорила. Вот доктор Ливингстон, твой невролог.

Она указала на брюнетку с пухлыми губами и кудрями до плеч. Помада телесного цвета подчеркивала теплую смуглость лица.

– Очень приятно, – сказала я.

– А это доктор Брок.

Доктор Брок, приземистая седая женщина с ореховыми глазами, заговорила со мной первой, и ее улыбка озарила комнату:

– Эйвери, очень рада познакомиться с вами. Понимаю, как вам сейчас тяжело. Но если вы согласитесь ответить на наши вопросы, то, надеюсь, нам удастся вам помочь.

– Вы не поможете мне, – мрачно ответила я.

– Мы бы хотели попробовать, – вступила в разговор доктор Ливингстон.

Деб проверила мои мониторы и коротко кивнула мне.

– Да, – сказала я, махнув ей рукой. – Ты здесь часами сидишь. Иди найди Куинна.

Как только я это сказала, мое сердце забилось и я почувствовала тяжесть в груди. Врачи посмотрели на экран и переглянулись.

– То есть, – поправилась я, сдерживая слезы, – отдохни.

– Кто такой Куинн? – спросила доктор Брок.

Я покачала головой, не в состоянии ответить. Деб вернулась и взяла меня за руку:

– Это парамедик, с которым Джош Эйвери работал до происшествия. Она думает, что мы встречаемся.

– Вы действительно встречаетесь? – спросила доктор Ливингстон.

– Нет, – тихо ответила Деб.

Когда человек оказывается в больнице, интимное перестает считаться интимным. Половая жизнь, прошлые связи, запах изо рта и из влагалища,

грибок стопы, урчание в животе, даже вредные привычки – все это перестает быть личной жизнью и становится *историей болезни*. В больнице врач как священник. Совершая над тобой насилие, он пытается очистить твою душу. Будь по-другому, Деб почувствовала бы себя предательницей.

Доктор Ливингстон подала знак медбррату. Тот ненадолго вышел и вернулся с двумя стульями. Врачи уселись у края моей кровати.

– Было бы интересно посмотреть ее на магнитоэнцефалографе, когда она отвечает на наши вопросы, – сказала доктор Ливингстон.

Доктор Брок кивнула, не переставая смотреть на меня с фальшиво-теплой улыбкой.

– Итак, вы помните, как ваши отношения с Джошем развивались на протяжении двух лет.

– Да. – Я чувствовала себя не столько пациентом, сколько подопытной крысой.

Доктор Брок изо всех сил изображала желание мне помочь, но я видела, что они обе уже обдумывают свои будущие статьи в медицинском журнале. Тот азарт, который читался в их глазах, был знаком и мне. Мы, медики, изо дня в день имеем дело с одними и теми же явлениями. Поэтому нетипичные случаи вызывают живейший интерес. Это не значит, что мы не можем сочувствовать больному. Но чтобы соблюсти баланс между профессиональным любопытством и человеческим участием, приходится вести борьбу. Доктор Ливингстон и доктор Брок ее проиграли.

Психиатр положила ногу на ногу, поудобнее устраиваясь на стуле, и подготовила ручку с блокнотом:

– Что вы почувствовали, когда увидели Джоша?

– Я не давала согласия на то, чтобы мои ответы стенографировали. Так мне некомфортно.

– Понимаю. Я могу уничтожить записи, если вы решите, что не хотите продолжать.

Деб взглянула на меня. Психиатр заговорила снова:

– Очевидно, вы испытали потрясение. Должно быть, это очень тяжело – понять, что двух лет вашего прошлого не существовало, расстаться с Джошем и с жизнью, которую вы вели в бессознательном состоянии, и вместе с тем смотреть в настоящее и в будущее. Вы думали о том, что станете делать, когда выйдете из больницы?

– Ей назначили недельный курс физиотерапии, – сказала Деб. – Завтра ее переводят в реабилитационное отделение.

– А потом? – спросила доктор Ливингстон.

– Я... я не знаю. Джош жил в моей квартире. Теперь я уже не уверена,

что она у меня есть.

– Она у тебя есть. – Деб сжала мою руку.

– Расскажите поподробнее о ваших воспоминаниях, – предложила доктор Ливингстон. – И о физических ощущениях, которыми они сопровождаются.

Я нахмурилась. Доктор Брок поджала губы:

– Коллега, если не возражаете, я бы предпочла, чтобы наш первый сеанс был посвящен в первую очередь эмоциональному состоянию Эйвери.

– Зачем вообще приглашать одновременно двух врачей совершенно разного профиля? – пробормотала Деб. – И о чем доктор Уивер только думала?

– Простите? – ощерилась невролог.

– Столкнулись два паровоза, – ответила моя подруга и посмотрела на меня. – Вы обе подходили к ее лечащему врачу, ведь так?

Доктор Брок издала сдержаный смешок:

– Хамата, выздоровление Эйвери будет протекать во многих плоскостях. Мы просто хотим помочь ей адаптироваться к реальности.

– Я очень заинтересована… – начала доктор Ливингстон, глядя не на меня, а на свою коллегу.

Деб подняла руку:

– Мы знаем, что вы очень заинтересованы. И мы думаем, что вам обеим лучше уйти. Приходите, когда почувствуете себя в силах не говорить об Эйвери так, будто ее здесь нет.

Медбратья улыбнулись. Деб подошла к двери, открыла ее и, состроив любезную мину, воззрилась на врачей. Обменявшиеся взглядами, они встали и кивнули мне.

– Поправляйся, Джейкобс, – сказал медбратья, забирая стулья.

– Спасибо.

Деб хотела закрыть дверь, но в палату ворвалась какая-то незнакомая сестра. Она суетливо проверила мониторы, вытащила полоску кардиограммы и что-то нацарапала в моей карте.

– Посмотри, Джейкобс. Это наша новая девочка.

– Привет, – сказала медсестра, едва на меня взглянув.

Ее голос сразу меня разозлил, хоть я и не поняла почему.

– Новая?

– Меня взяли в отделение прямо перед тем, как ты попала в аварию. Не помнишь?

Я как будто где-то видела эту смуглую красотку, но не могла сообразить где. В больнице я ее вроде бы вообще не встречала. Что-то

подсказывало мне: жди от нее неприятностей.

– Нет, – просто ответила я, про себя подумав: «Скорее бы ты ушла, а то хочется в тебя чем-нибудь кинуть».

– Выглядишь усталой, Парсонс, – сказала Деб.

– Да, работы было невпроворот. Майклз отпросилась с дежурства. Наверняка побежит на концерт Бруно Марса.

Деб усмехнулась, я прищурилась.

– Извини, что не представилась, – улыбнулась Парсонс. – Мы ведь уже встречались, и я подумала, что ты меня помнишь. Сглупила, конечно. Я Хоуп Парсонс. Кстати, несколько недель назад я переехала в твой дом. – Она нагнулась и протянула мне руку.

Я ее не взяла.

– Хм... Ладно, – Парсонс неловко выпрямилась, – рада была с тобой познакомиться. Мне пора возвращаться к Джошу.

– Ну конечно, – пробормотала я.

Она взглянула на меня и сказала, обращаясь к Деб:

– Я буду ассистировать доктору Уивер.

– У Джоша? – спросила я.

Парсонс расширила глаза:

– Ой, я не должна была этого говорить. Мне ведь нельзя обсуждать его лечение с...

– Ты можешь обсуждать его со мной, – сказала Деб. – Завтра я у него дежурю.

– Не могу, Хамата. – Парсонс покачала головой. – По крайней мере, в присутствии Эйвери. Я дорожу этой работой.

Я села на постели:

– Почему? Потому что ты мать-одиночка?

На секунду задумавшись, Парсонс ответила:

– Да. А что?

– Когда ты переехала в мой дом?

Мой вопрос явно озадачил Парсонс. Она принялась считать в уме:

– Через пару недель после твоей аварии.

– Я видела твоего ребенка?

– Нет.

Я закусила губу. Вне зависимости от того, оказалась бы я сейчас права или ошиблась бы, это могло означать, что я спятила.

– Его зовут Тоби?

Парсонс осторожно улыбнулась:

– Да. Я, наверное, говорила о нем, когда приходила к тебе. У нас с

тобой было несколько таких односторонних бесед. – Ее щеки порозовели. Она чиркнула еще что-то в моей карте и повесила ее в ногах кровати. – Мне действительно пора идти. Я рада, что ты в порядке, Джейкобс.

Парсонс поспешило удалилась.

– Что это было? – нахмурилась Деб.

– Тебе не кажется странным, что я знаю, как зовут ее ребенка? И что я вообще знаю о его существовании?

Деб пожала плечами:

– Она же сказала: она разговаривала с тобой о нем. Пациентам, которые в коме, полезно, чтобы с ними говорили. Тебе это известно. Ты ее услышала. Вот и все.

– Позвони Куинну.

Деб сморщилась:

– Не буду я ему звонить. Он пережил не лучший период и...

– Деб, мы подруги?

– Да, но...

– Тогда позвони ему. Скажи, что я хочу его повидать. У меня есть кое-какие вопросы.

Деб встала и начала собирать свои вещи.

– Ладно. – Она подняла указательный палец: – Только если не прекратишь, те докторши засунут тебя в дурку и будут ставить над тобой опыты. Так что будь осторожней.

Я улыбнулась, провожая ее взглядом:

– Спасибо.

– Честно говоря, – сказала Деб, останавливаясь у двери, – твой сон мне отчасти нравится. Куинн сексуальный, и я бы не возражала против того, чтобы он каждую ночь меня мял.

– В лучшей жизни он в тебя влюблен.

Деб улыбнулась – то ли грустно, то ли с надеждой:

– Может, мне удастся туда заглянуть.

Глава 24

Джош

Это все-таки случилось. Несколько лет назад эгоистичным ублюдком меня назвала Брук. Теперь вот Эйвери. То же самое, наверное, думала обо мне и Хоуп. Все они были правы: зная свою способность отравлять все вокруг, я продолжал добиваться Эйвери. Я надеялся, что, если я буду все делать правильно, буду с ней честен, буду уважать ее и наши отношения, тот, кто проклял меня, может быть, даст мне второй шанс.

Я посмотрел на Эйвери – неподвижную, всю в проводах и трубках. Раздражающий писк многочисленных аппаратов означал, что она жива, но при этом так далеко, что я не мог до нее дотянуться. Я взял ее тонкие руки в свои. Примет ли она меня обратно, когда проснется? *Если проснется.*

За моей спиной скрипнула дверь. Послышались шаги. Я узнал их: по палате затопали не медсестринские тапочки, а ботинки Куинна.

– Как дела, напарник?

Я вздохнул:

– Без изменений.

– Хочешь, я с ней посижу? Пойди пообедай по-человечески, подыши свежим воздухом, прими душ.

– Вдруг она на две секунды очнется, а меня рядом нет?

– Вдруг она на две секунды очнется, а ты воняешь, как протухшая салами? Она снова заснет, чтобы тебя не нюхать.

– Ладно. – Я встал. – Не отойдешь от нее?

Куинн уселся на мое место и взял руку Эйвери:

– Ни на секунду. Даже в туалет не отлучусь. Буду здесь торчать, пока ты не вернешься. Не забудь побриться и почистить зубы. Серьезно. Я тебя таким чумазым еще не видел.

Я кивнул и сделал над собой усилие, чтобы посмеяться над его шуткой. Если Эйвери не проснется, я вряд ли когда-нибудь рассмеюсь по-настоящему.

Глава 25

Эйвери

Нервно кусая ногти, я ждала прихода Куинна. Последний раз, когда я его видела, собственно, был не тем последним разом, когда я видела его на самом деле. И теперь не знала, как мне себя с ним вести. Трудно было определить, насколько близко мы знакомы.

Я вспомнила свои дежурства в отделении экстренной помощи до аварии: мы с Куинном иногда перешучивались. Он даже немного флиртовал со мной, пока не начал работать в паре с Джошем. Потом мы стали меньше общаться. Сейчас я должна была относиться к нему как к малознакомому человеку, но это было непросто: ведь он почти стал членом моей семьи.

В дверь тихо постучали. Вошла Деб, за ней Куинн. Он тоже нервничал, и это меня успокоило.

- Привет, – просто сказала я.
- Привет, Джейкобс, – грустно ответил Куинн.
- Можешь звать меня Эйвери.

На нем была униформа парамедика: ботинки, темно-синие штаны карго, темно-синяя футболка. Мне захотелось обнять его, чтобы снова почувствовать кожей знакомую ткань, но я продолжала кусать ногти.

Барабаня пяткой по полу, Куинн прокашлялся и сказал:

- Я рад, что ты проснулась. Может, и Джош проснется.
- Он проснется, – сказала я, не зная, откуда во мне взялась такая уверенность.

Куинн приподнял уголок рта:

- Я слыхал, ты тут сон видела...
- Стремные новости расползаются быстро.
- Джошу было бы приятно. Он ведь на тебя запал. Много говорил о тебе до... – Куинн вздохнул. – Я знал, что ты ему нравишься, но когда я приехал на место аварии... – Он вздохнул и поднял руки, как будто сжимая ими невидимый металлический шар: – Вы въехали друг в друга окном в окно. Никогда я, черт возьми, такого не видел.
- Я сделала глупость: тронулась с места не глядя.

На лице Куинна замелькали разные эмоции: казалось, он не знал, какую из них выразить.

– Джош позвонил мне сразу после столкновения. С трудом дышал, казался каким-то странным. Последнее, что я от него услышал, было: «Достань ее, помоги Эйвери».

– Он позвонил тебе? С места аварии?

Куинн кивнул:

– Да. Я набрал девять-один-один, но приехал на несколько минут раньше их. Я был еще в больнице, пытался пригласить на свидание Никки Либерти.

– Она симпатичная, – улыбнулась я.

Куинн нахмурился:

– Когда я подъехал, мне пришлось заглянуть в твоё заднее окно, чтобы вас увидеть. Он обнимал тебя, Эйвери. Обнял, а потом потерял сознание. Я до сих пор не понимаю, почему твой «приус» отбросило к его машине, да еще с той стороны. С точки зрения физики это кажется невозможным.

Я кивнула, почувствовав жжение в глазах. Все произошедшее казалось невозможным. И тем не менее это произошло.

– В общем, по-моему, это хорошо, что он тебе снился. И нисколько не стремно. Уверен, что ты сейчас тоже снишься ему.

Я заморгала, уронив несколько слезинок и тут же их отерев.

– Ты слышал какие-нибудь новости о нем? Мне ничего не говорят.

Куинн вздохнул:

– Сегодня отец хотел попробовать отключить его от аппарата искусственного дыхания. Мозг у него функционирует, но самостоятельно начать дышать он не смог. Сейчас решается, сколько еще его будут держать в таком состоянии.

Я села:

– Его хотят отключить от аппаратов?

– Эйвери, семья Джоша небогата. Страховка у него минимальная. Они продержат его, сколько смогут. Меня тоже это приводит в ярость. Сейчас пытаются запустить акцию по сбору денег для него.

Я закусила губу. О времена...

– Куинн, могу я задать тебе странный вопрос?

– Конечно, – сказал он, улыбнувшись сквозь грусть.

– Твоя фамилия Чиприани?

Он кивнул. Я посмотрела на Деб. Она пожала плечами:

– Ты могла это где-нибудь услышать или прочесть. Ты знаешь, Эйвери, я бы очень хотела тебе верить, но это ничего не доказывает.

– Чего не доказывает? – спросил Куинн.

– Твоя мама правда готовит потрясающие вкусные пироги?

Куинн как-то напрягся, но, помолчав, ответил:

– Она итальянка. Все, что она готовит, потрясающе вкусно. Джош очень любил ее пироги.

Я выдохнула, улыбнувшись.

– Эйвери, – предостерегающе проговорила Деб.

Куинн сощурил один глаз:

– Эйвери, на что ты намекаешь?

– Куинн, это не был сон. Прошу, поверь мне.

Деб подошла к кровати с другой стороны от него и тронула меня за плечо:

– Куинн, Эйвери очень устала. Наверное, тебе лучше уйти.

Я оттолкнула ее руку:

– Я могу описать квартиру твоей мамы. Вкус ее пирогов. Могу рассказать тебе о родителях Джоша.

Куинн поднялся и посмотрел на меня так, будто я внезапно стала опасной:

– Не понимаю, что ты делаешь, Эйвери, но так не пойдет.

– Я знаю, о чем ты подумал. Я не сумасшедшая, Куинн, и никого не выслеживала. Я замужем за Джошем. Мы были вместе. Долго. И теперь я помню вещи, о которых не должна была бы знать. Это был не сон, а другая жизнь. И я хочу туда вернуться.

– Извини, Эйвери. Ты не была в доме моей мамы.

– В доме? – сглотнула я.

– Эйвери, прекрати, – умоляюще произнесла Деб.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Я хочу, чтобы ты сказал доктору Уивер, что веришь мне, и убедил ее вернуть меня в кому.

– Эйвери! – воскликнула Деб.

Я опустила глаза и решительно сказала:

– Искусственная кома – обычное дело. Можете продать все мои вещи и поместить меня в частную лечебницу.

– Все, Эйвери, хватит! – рассердилась Деб.

– Он же там без меня места себе не находит! – закричала я. – Мне нужно как-то к нему попасть!

Куинн попятился. В палату ворвалась Парсонс:

– У вас тут все в порядке?

Я посмотрела на Куинна:

– Ты любил Деб и собирался сделать ей предложение. Вы были так счастливы!

Деб, залившись краской, махнула Парсонс, чтобы та проводила Куинна из палаты. Он оглянулся, перед тем как за ними закрылась дверь. Деб покачала головой:

– Почему ты мне не сказала, что это была часть твоего плана? Я пошла тебе навстречу, а ты меня обманула.

– Извини. – Я вытерла щеку. – Но у меня осталось всего несколько дней. Я ведь не знаю, сколько еще его будут держать на искусственной вентиляции. Я ничего не планировала: все вышло само собой.

Деб блокотилась на мой матрас и опустила голову на руку:

– Расскажи мне что-нибудь еще из твоего сна.

– Ты права хочешь? – всхлипнула я.

Она кивнула, посмотрев на меня с искренним интересом.

– Мы с Джошем только что развесили у себя картины.

– Правда? Я думала, ты не любишь дырявить стены.

– Просто раньше я не считала эту квартиру своей. Джош тоже не понял, почему я так радуюсь, глядя, как он орудует молотком. – У меня перехватило дыхание. – А я потому радовалась, что мы сделали из моей квартиры наш дом. – (Деб кивнула.) – Еще Джош успел собрать кроватку. Он хотел оформить детскую самолетиками из мультифильма. – Я состроила гримасу. – В итоге мы сошлись на розово-серых пожарных машинках и машинках «скорой помощи». – Я потрогала свой плоский живот. – Он был так горд своим будущим отцовством. А теперь не сможет взять нашу дочку на руки. И я не смогу. И его, наверное, не смогу обнять.

– Ты действительно так его любишь, что готова ради него вернуться в кому?

– Понимаю, звучит как полный бред, но, Деб, это не моя жизнь.

– Я тебе верю.

– Веришь?

Она кивнула:

– Но вернуться ты не сможешь. Лучше постараемся, чтобы Джош пришел в себя.

– Как?

Она покачала головой, не поднимаясь с моей кровати:

– Каждый день после физиотерапии я буду тебя к нему возить. Однажды ты его так уболтала, что он на тебе женился. Ты сможешь уговорить его проснуться.

* * *

Вот уже десять дней как я очнулась от сна, который считала своей настоящей жизнью. Физиотерапия оказалась мучением. За полтора месяца неподвижности мои мышцы совсем зачахли, но я проявляла упорство и крепла день ото дня, надеясь, что выйду из больницы вместе с мужем. И все-таки мое сердце было разбито. Любовь, которую я потеряла, казалась такой реальной.

Каждый день после занятий Деб возила меня к Джошу. Его тело по-прежнему оставалось неподвижным. Это была лишь оболочка моего мужа. Мне было больно видеть его таким исхудавшим и слабым, но я часами с ним разговаривала. Рассказывала о нашей жизни, которую мы могли начать сначала – только бы он проснулся. Я держала его за руку, прекрасно зная, какие слухи ходят по больнице. Доктор Уивер назначила Джошу повторные анализы, заметив, что его мозг активизируется, когда я рядом.

– Я так хочу поскорее забрать тебя домой и как следует накормить, – сказала тетя Эллен, беря меня за руку и ласково ее сжимая. – Ты так высохла!

Я постаралась убедительно улыбнуться. Она потратила свои сбережения, чтобы приехать ко мне, и я была благодарна ей за помощь.

– Мне бы еще раз повидать Джоша. Вы не скажете Деб, когда она вернется?

– Сегодня ты два часа у него просидела, милая.

Стараясь удерживать на лице улыбку, я почувствовала, что сейчас мои истертыые швы разойдутся, если я не увижу его опять. Во взгляде тети Эллен читалось сомнение.

– Завтра меня выписывают. Это последний день.

– Но ты сможешь приходить, когда выйдешь на работу, – сказала тетя Эллен, заправляя прядь волос мне за ухо.

– Сразу после выписки меня к работе не допустят. И машины у меня нет. Неизвестно, когда я смогу выйти на дежурство.

– Ты что-нибудь придумаешь.

Как и все, тетя Эллен меня не понимала. Она надеялась, что я забуду другую жизнь. Надеялась, что, если я стану реже видеть Джоша, моя любовь к нему угаснет вместе с воспоминаниями о нашем счастье. Но она ошибалась.

– Мне нужно зайти к нему сейчас, до обеда, – сказала я, искушая судьбу.

Больничные сплетни наверняка не обошли тетю Эллен стороной. На всякий случай я прикрылась отговоркой:

– Авария произошла по моей вине. По-моему, теперь я обязана его

поддержать.

Она неохотно подставила мне руку, но я, отмахнувшись, сама оттолкнулась и встала. Мое тело казалось деревянным, после физиотерапии все ныло, однако физическая боль была ерундой по сравнению с болью в сердце.

Со слезами на глазах я схватила матово-серебристую рукоятку трости, которая помогала мне удерживать равновесие. С каждым шагом переламывая себя, я выбралась из палаты и пошла по коридору. Как ни тяжела была физиотерапия, я радовалась, что теперь могу сама ходить к Джошу, ни от кого не завися.

Перед его палатой я остановилась, чтобы перевести дух. Куинн вышел мне навстречу и закрыл за собой дверь.

– Перемены есть? – с надеждой спросила я.

Он едва заметно качнул головой:

– Нет. Без тебя – абсолютно ничего. Как только ты выходишь, его мозг вырубается.

Я посмотрела на смешные тапки с розовыми заячьими мордочками, которые мне принесла Деб.

– Он очнется, – выдохнула я и смахнула одинокую слезинку.

– Эйвери, наверное, я должен тебе кое-что сказать. Вчера приходил его отец, – Куинн сунул руки в карманы, – и решил...

Он шагнул вперед и замолчал, когда мне на плечо легла тетина рука.

– Привет, Куинн. Рада тебя снова видеть.

– Здравствуйте, миссис Коллинз, – кивнул он.

– Эйвери завтра выписывают. Она хочет попрощаться с Джошем.

– Не попрощаться! – сказала я.

– Попрощаться на некоторое время, – поправилась тетя Эллен.

Посмотрев ей в лицо, Куинн сглотнул и промолчал.

– Эйвери, желаю тебе побыстрее поправиться. Надеюсь, скоро увидимся на дежурстве.

Он развернулся и быстро исчез в коридоре. Я заставила себя сделать еще несколько шагов, потом приложила ладонь к двери и мысленно произнесла короткую молитву.

В палате уже сидел какой-то мужчина. Услышав стук моей палки о пол, он повернул голову, и я узнала человека, которого полюбила в другой жизни.

– Здравствуйте, мистер Эйвери. Я Эйвери... – собственная фамилия показалась мне чужой, и я запнулась, – Джейкобс.

Отец Джоша встал со стула, обогнул кровать и протянул руки:

– Я рад, что с вами все в порядке. Я рад...

Он замолчал, силясь совладать с эмоциями, и привлек меня к себе. Почувствовав в нем что-то родное, я не стала противиться.

– Мне *так* жаль, – прошептала я.

Он выглядел немножко иначе, чем я его помнила, но запах машинного масла был тот же. Я несколько раз всхлипнула. Мистер Эйвери затрясся, обнимая меня. Я положила руку ему на спину и закрыла глаза, стараясь не позволить нам обоим провалиться в яму отчаяния.

В открытую дверь постучали. Как только мы отстранились друг от друга, в палату вошел доктор Розенберг, загорелый и отдохнувший. Он улыбнулся мне:

– Здравствуйте, Эйвери. Ваша тетя сказала мне, что вы здесь. Сожалею, что не смог заглянуть к вам раньше: возил семью на Фиджи.

– Хорошо, – сказала я, сделав над собой усилие, чтобы не отпрянуть от него.

Доктор Розенберг просмотрел историю болезни Джоша и повернулся к его отцу:

– Мистер Эйвери, я говорил с доктором Уивер о вашем решении. Мы можем обсудить его позже.

Розенберг кивнул мне и приветливо улыбнулся, намекая, что я должна выйти, но я шагнула вперед:

– О каком решении? – Теперь мистер Эйвери показался мне еще более раздавленным. Мои глаза забегали между ним и доктором, а потом я испуганно посмотрела на Джоша. – Какое решение вы приняли?

– Эйвери... – Розенберг ласково опустил ладонь мне на плечо.

Я отшатнулась. Вдруг на одном из мониторов кривая пошла вверх. Все мы замерли.

– Видите? – произнесла я и, хромая, подошла к стулу возле кровати. Уронив свою палку, я взяла Джоша за руку. – Он слышит нас. Он знает, что мы рядом. Ему просто нужно еще немного времени. Я проснулась, и он проснется, когда будет готов.

Доктор Розенберг грустно на меня посмотрел и нажал кнопку громкой связи. Раздался резкий голос медсестры:

– Чем могу помочь?

– Мне нужно поговорить с мистером Эйвери с глазу на глаз. Пожалуйста, проводите мисс Джейкобс в ее палату. – Он шагнул назад и прибавил: – Извините, Эйвери, но вы слишком расстроены.

– Да, черт возьми, я расстроена! – Я тряхнула головой и, переведя взгляд на отца Джоша, умоляюще произнесла: – Пожалуйста, не делайте

этого. – Слезы заструились по моему лицу. – Ему нужно еще немного времени. Еще чуть-чуть.

Войдя, Парсонс и Смит подобрали мою палку, а меня подняли со стула и осторожно повели к двери.

Я оглянулась:

– Пожалуйста!

Щеки мистера Эйвери были влажными, лицо в красных пятнах.

– Все хорошо, Эйвери, ш-ш-ш... – сказала Парсонс. – Давай вернемся к тебе.

– Парсонс, мягкое успокоительное, – бесстрастно распорядился доктор Розенберг.

– Нет! – взвыла я. – Пожалуйста, разрешите мне остаться с ним!

Тетя Эллен встретила нас на пороге моей палаты и помогла медсестрам запихнуть меня в постель. От отчаяния я совсем обессилела. Если все это было только сном, то почему мы не погибли при аварии, зачем мне все эти воспоминания, которые не отпускают меня, зачем при моем приближении у Джоша просыпается мозговая активность? Любовь нельзя увидеть. Это загадочная переменная в уравнении жизни. Кто они все такие, чтобы говорить, что правда, а что нет? Разлука со мной могла оказаться для Джоша равносильной смертному приговору. Но он стал для меня тем человеком, за которого я собиралась бороться.

– Это было! – завопила я. – Мы любим друг друга! Мы жили одной жизнью!

Парсонс наклонилась и погладила меня по голове, а Смит воткнула мне в вену шприц с успокоительным. Мой разум затуманился, тело отяжелело. Сопротивляться я уже не могла.

– Просто отдохни, моя дорогая, – сказала тетя Эллен.

Мои глаза закрылись, но снов я не видела. Я только провалилась в темноту и стала погружаться в нее все глубже и глубже под бременем своего горя. Я уже не знала, смогу ли еще раз увидеть моего мужа.

* * *

Я ждала тетю Эллен, сидя в инвалидном кресле и наблюдая, как пациентов сажают во всевозможные автомобили и выгружают из них. Листья уже начинали желтеть, и осенний бриз насквозь продувал мой тонкий свитер.

Передо мной, взвизгнув, остановилось желтое такси. Водительская

дверца открылась и закрылась. Когда я увидела вышедшего из машины таксиста, у меня перехватило дыхание.

– Вас подвезти? – спросил он.

Мои глаза заволоклись слезами.

– Нет, спасибо, я жду родственницу.

– Она уже едет?

– Приехала. Сейчас придет с парковки.

– Возьмите мою карточку. – Почему-то смущившись, он сунул мне в руку мятый бумажный прямоугольничек: – Звоните, если понадобится машина.

Я посмотрела на визитку и украдкой глотнула воздух:

– Спасибо, Мэл.

Он поковылял обратно и, не оборачиваясь, махнул мне рукой. Как только грязное такси отъехало, к бордюру прижалась арендованная машина тети Эллен. Она выскочила и принялась усаживать меня в салон.

– Кто это был?

– Мэл, – ответила я, прижимая карточку к груди.

Тетя с любопытством на меня посмотрела, а потом захлопнула мою дверцу и заспешила на свое место.

– Ну вот мы и едем, – сказала она, вливаясь в поток машин. С каждой милей, приближавшей меня к моей квартире, внутри росло чувство пустоты. – Наверняка тебе не терпится оказаться дома.

– Я бы не сказала.

– Почему?

– Я переехала отсюда. Мой дом в Черри-Хилл.

– Черри-Хилл? – усмехнулась тетя Эллен. – Это тебе приснилось.

Мы свернули с шоссе и, заехав в аптеку, остановились перед моим подъездом.

– Мы на месте! – пропела тетя, выключая двигатель.

Оттолкнувшись от сиденья руками, я шагнула из машины на усыпанную листьями землю.

– Боже мой, рано в этом году похолодало, правда? – Тетя потерла ладони. – Вряд ли я так мерзну только потому, что приехала из Флориды.

Я кивнула:

– Да, холодно.

Моя палка медленно и уныло застучала по асфальту.

– Я кое-что подкупила. Приготовлю тебе пасту. – Она усмехнулась: – Других твоих любимых блюд я не знаю. Ты ведь вроде любила спагетти, когда тебе было восемь лет?

– И сейчас люблю. – Я очень постаралась улыбнуться, но у меня ничего не вышло.

На крыльце вышла Хоуп. Замок за ней автоматически защелкнулся.

– Эйвери! – Она широко улыбнулась. Нос у нее моментально покраснел от холода. – Я вот на работу иду. Как самочувствие?

– Хорошо.

Мне было трудно разговаривать с ней вежливо. В какой-то момент я испытала облегчение, поняв, что на самом деле она не пытается соблазнить моего мужа, но потом мысленно выругалась: если мне удастся возвратить ту свою жизнь, то вместе со счастливыми сторонами вернутся и неприятные.

Хоуп улыбнулась еще шире и похлопала меня по плечу:

– Приятно слышать. Я приготовила лазанью и хотела бы тебе ее занести, если не возражаешь.

– Это очень мило.

Хоуп, кивнув, сбежала с крыльца. Качая головой, я провожала ее взглядом, пока она доставала ключи и садилась в машину. Она была отчасти виновата в том, что со мной случилось, хотя даже не подозревала об этом. Я чувствовала себя странно, ненавидя ее за то, чего она не делала.

Схватившись за перила, я принялась с мучительным усилием одолевать ступеньку за ступенькой. На лестнице внутри подъезда легче мне не стало, но там хотя бы не было пронизывающего ветра.

В квартире пахло средством для мытья пола и искусственными цветами.

– Я тут немного прибралась. Надеюсь, ты не возражаешь.

Тетя Эллен сняла сумочку с моего плеча и положила на кухонную столешницу. Увидев пустое место там, где должен был стоять стол, я отвернулась. Та, другая, жизнь казалась лучше этой.

– Ты, я смотрю, минималистка, – пошутила тетя Эллен, доставая из шкафчика кастрюлю. – Тем проще нам будет при переезде.

Я упала на маленький диванчик в гостиной:

– При каком переезде?

В моей квартире так не хватало новой посуды, нового кухонного стола, нового матраса, нового покрывала и чехлов для подушек. А главное, самого Джоша. Я прикрыла рот ладонью, поняв, что зря жду, когда по полу застучат щенячьи коготки.

– Ди, – прошептала я.

Это было для меня еще одной потерей.

– Но, милая, я же не могу остаться здесь насовсем, – рассмеялась тетя

Эллен, продолжая рыскать по шкафам в поисках припасенных продуктов.

– Я что-то ничего не понимаю.

– Я собиралась поговорить с тобой об этом, но ты была так расстроена... Я подумала, что мне легче будет ухаживать за тобой во Флориде.

– Не нужно за мной ухаживать.

Громко брякнув на столешнице банку с соусом, тетя Эллен в упор на меня посмотрела и вздохнула:

– Ты еще не до конца прошла курс физиотерапии, твоя машина разбита, работать ты пока не можешь. Тебе нельзя оставаться здесь одной.

– Я кое-что скопила, и у меня есть Деб. Я продержусь.

– А как же счета за лечение, квартиру, коммунальные услуги? Они ведь росли, хоть ты и была без сознания, дорогая. Жизнь продолжалась.

Жизнь продолжалась... Мне стало невыносимо горько оттого, что я очнулась, а не лежу, как Джош, в коме. Дотронувшись до груди, я ощутила боль в сердце. Я не могла жить без своего мужа и нашей дочки. Я бы все отдала, чтобы Джош прижался ко мне под одеялом и приложил руку к моему животу, в котором пинается Пенни.

– Я в ванную, – пробормотала я, медленно ковыляя мимо кухни.

От запаха мелко нарезанного лука в сочетании с запахом моющих средств меня затошнило.

Включив свет, я посмотрела на пол: каких-нибудь несколько часов назад я сидела здесь, согнувшись в три погибели, и оплакивала конец своей жизни с Джошуа. Со стуком уронив трость на линолеум, я схватилась за край раковины и медленно подняла глаза на свое отражение.

– Эйвери? Все в порядке, милая?

– Да, – отозвалась я.

И тут я впервые увидела на своем лице последствия аварии: несколько пожелтевших синяков, сиреневые круги под запавшими глазами, ввалившиеся щеки. Все это гармонировало с пустотой, которую я ощущала в груди. Я провела по коже кончиками пальцев, с трудом себя узнавая. Все вокруг я узнавала с трудом. Застряв на двухлетнем отрезке своего прошлого, я уже не надеялась перенести его в настоящее. Тяжесть истинного положения вещей давила так сильно, что тянуло сжаться в комок и зарыдать.

– Эйвери! – взвизгнула тетя Эллен и, ворвавшись в ванную, взяла меня за подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

Пока я всплыvala на поверхность, в моей голове промелькнул миллион мыслей. Подняв взгляд и увидев тетю Эллен вместо Джоша, я

снова испытала сокрушительное разочарование.

– Нет! – закричала я, еще крепче обхватывая себя руками.

Тетя Эллен опустилась на колени, обняла меня и прижала мою голову к своей груди:

– Хочешь, я позвоню Деб?

– Нет, она на дежурстве. На меня просто что-то нашло. – Я взяла себя за запястье и стала считать. – Со мной все в порядке. Слабость только. Надо отдохнуть.

Тетя Эллен помогла мне встать и подвела меня к кровати.

– Может, позвонить кому-нибудь еще?

«Моему мужу», – подумала я, чувствуя, как лицо кривится от плача.

Глава 26

Джош

Я быстро принял душ, безуспешно стараясь не смотреть на то место на полу, где Эйвери сидела, подтянув к животу колени. Я не мог не вспоминать выражение ее лица. Тогда я по взгляду понял, что она готова от меня уйти. Теперь я мучился угрызениями совести, думая о той боли, которую уже ей причинил, и о той, которую она неизбежно должна была испытать, когда проснеться.

Слезы обожгли мне глаза и полились по щекам, смешиваясь с горячей водой из душа. Я наконец-то осознал всю тяжесть нашего положения: даже если бы Эйвери очнулась, я все равно мог ее потерять. Опервшись о стену, чтобы не упасть, я поддался боли и отчаянию. Они бушевали во мне, пока мои силы не истощились. «Почему не я там лежу?» – задыхаясь, прошептал я и прислонился лбом к кафелю. Я бы все отдал, чтобы самому оказаться в той машине, а потом лежать на больничной кровати, блуждая в непробудном сне.

В холле запищал домашний телефон, сигнализируя о том, что автоответчик переполнен сообщениями. Я не обратил внимания: от разговора с кем-то, кроме Эйвери, мне стало бы только хуже.

Я выключил воду, завернулся в полотенце и, выйдя из кабинки, посмотрел на себя. Под красными глазами темнели сиреневые полумесяцы. Боль в сердце давала о себе знать. Поднеся к лицу полотенце, я вытер воду и слезы. Я видел Эйвери во всем вокруг: в розовой зубной щетке, торчащей из стакана, во флаконе духов, даже в махровой ткани, обернутой вокруг моих бедер.

В квартире царила ужасная пустота. Без моей жены это был не дом, а только стены. Я уперся в столешницу так, что руки побелели. Возвращение Эйвери казалось почти невероятным. Я застрял в ночном кошмаре. Слезы струились по переносице и капали в раковину.

Услышав, как снаружи скребется Декс, я вскинул голову. Когда я открыл дверь, он затанцевал вокруг меня, просясь на улицу. Я потянул носом воздух и обеими руками вытер лицо:

– Подожди минутку, ладно?

Я пошел одеваться. Шлепая в спальню мимо кухни, даже не повернул головы. Живот возмущенно урчал, но я не мог сидеть и спокойно есть,

зная, что Эйвери до сих пор в больнице.

Усталость и недоедание уже начинали на мне сказываться. Я еле таскал ноги по нашей маленькой квартирке, как будто тело было наполнено песком. Я похлопал себя по карманам и повертелся на каблуках, ища кошелек. Оказавшись возле комнаты Пенни, я замер на пороге. Внутри все оборвалось: наша дочь тоже стала жертвой моего эгоизма.

Пятаясь, я вышел в коридор, оттуда в холл. Нашел бумажник и направился к двери, прицепив поводок к ошейнику Декса. Пес, часто дыша, застучал когтями по полу.

Мы спустились на улицу. Я шагнул на траву и стал ждать, когда Декс сделает свои дела. Утром его выводила Джинджер, но в квартире он весь день был один. Я посмотрел на него:

– Я позвонил Синде, старичок. Она тебя ненадолго заберет. Ты не против?

Мой голос прозвучал угнетающе. Даже разговаривая с собакой, я не мог притворяться бодрым. Работая задними лапами, Декс забросал землей то место, которое пометил. Потом отряхнулся.

– Хороший мальчик. – Я наклонился и погладил его по спине.

В кармане зазвонил телефон. Я торопливо его достал: это был Куинн.

– Она проснулась? – выпалил я, заранее готовый к разочарованию.

– Срочно возвращайся, стариk.

– Что случилось? – спросил я таким голосом, словно в чем-то Куинна обвинял, хотя, конечно, это было не так.

– Она проснулась... Только я... Возвращайся, Джош. Выезжай прямо сейчас.

На заднем плане слышались чьи-то голоса. Плач. Крики.

– Извините, Эйвери, но вы слишком расстроены, – донеслось до меня.

– Это кто? Док Роз? – спросил я. – Что происходит?

– Да, черт возьми, я расстроена! Пожалуйста, не делайте этого! *Пожалуйста!* – умоляющее запричитала Эйвери.

От далекого звука ее голоса мое сердце забилось о стены грудной клетки.

– Она проснулась, – облегченно выдохнул я и, одной рукой прижимая к уху телефон, другой зачесал назад волосы. – Слава богу.

– Ему нужно еще немного времени! – прокричала она, и я физически ощутил ее страх. – Еще немного!

– Эйвери... С ней все в порядке? – спросил я Куинна и потянул Декса в подъезд. – Она чем-то напугана?

Я нащупал нужный ключ, сунул его в замочную скважину и

приоткрыл дверь. Декс, волоча за собой неотстегнутый поводок, шмыгнул в квартиру. Я побежал в гараж, сел в машину. Плечом прижимая телефон к уху, повернул ключ в замке зажигания.

– Куинн, ты там?

– Да, да, но...

– Что «но»? Я уже в машине. Она... не хочет меня видеть?

– Хочет, – вздохнул Куинн. – Очень хочет. Ни о чем другом не говорит.

– Скажи ей, что я еду.

– Не могу.

Включив громкую связь, я бросил телефон на колени, нажал на газ и выехал из гаража на улицу.

– То есть как – не можешь?

– Она никого не слушает, никого к себе не подпускает. Несет какой-то бред.

– Например? – нахмурился я, разгоняясь.

Я ужасно боялся, что Эйвери не проснется или проснется, но не вернется ко мне. О других возможных проблемах я до сих пор не думал.

– Доктор назначил компьютерную томографию? Может, у нее гематома? – спросил я, с усилием сглотнув. – А вдруг кровоизлияние? Нужно, чтобы он сделал анализы. Прямо сейчас.

– Я ему не указ, Джош, ты же знаешь, – сказал Куинн встревоженно и огорченно. – Она... она все время твердит, чтобы ты проснулся.

– Что?

– Хочет, чтобы ты проснулся. Долдонит одно и то же не переставая: «*Очнись, Джош. Услыши мой голос. Вернись ко мне. Прошу тебя, проснись*». Стариk, у нее глаза как два блюдца. Она вроде с тобой говорит, а тебя нет. Это... Ты просто возвращайся скорей.

– Она просит, чтобы я проснулся?

– Да. Она снова и снова повторяет: «*Проснись. Тебе пора проснуться*».

Глава 27

Эйвери

Барабаня ногтями по столу, я смотрела через окно на улицу. На месте внедорожника Джоша стоял чай-то «бьюик». Куинн сказал, что «барракуда» разбилась в лепешку. Теперь она валялась на автосвалке рядом с моим «приусом».

У меня было несколько счастливых ночей, когда Джош мне снился, но те сны отличались от нашей прежней жизни: его лицо казалось размытым, голос не внушал спокойствия.

Деб бодро окликнула меня из кухни:

– Эйвери? – Она принесла мне миску дымящегося супа и поставила на столик. – Если на все новости о Джоше ты будешь так реагировать, мне придется молчать. А то ты себя уморишь.

– Нет, – сказала я, пряча взгляд. – Со мной все в порядке. Я хочу быть в курсе.

– Я думала, ты это одобришь. Джош ведь поможет другим людям. Если отец отдаст его органы, произошедшее приобретет хоть какой-то смысл.

Я слегкотнула:

– Это неправильно – планировать его смерть, когда он еще не умер. Он жив. И, как бы ты на это ни смотрела, он меня защитил. А теперь пойдет на запчасти.

Я подумала о своей машине и содрогнулась.

– Могу тебя завтра к нему провести.

– Да, – кивнула я.

– Мне кажется, ему нравится, когда ты приходишь.

Я улыбнулась, бултыхая ложкой в миске с говядиной и овощами.

– Видимо, не настолько, чтобы он проснулся. – Подумав об этом, я словно рухнула в пропасть. – Если в ближайшее время он не очнется, отец будет вынужден отключить его от аппаратов.

– Этого не произойдет. Ты проснулась, и он проснется, – сказала Деб. Я хотела улыбнуться, но, видимо, забыла, как это делается. – Может... Может, тебе съездить к тете во Флориду? Вы же вроде бы сблизились, пока она была здесь.

– Она хочет, чтобы я к ней переехала.

– Это, пожалуй, действительно чересчур, но погреться на солнышке тебе бы не помешало.

– Здесь тоже солнце светит, – пробормотала я.

– Не так, как во Флориде. Твоя тетя ведь живет рядом с пляжем? Только представь себе: ты сможешь поплавать в океане, когда захочешь. Ну разве не здорово?

– Я не оставлю Джоша.

Деб налила апельсинового сока сначала мне, потом себе:

– С водкой было бы лучше.

– Не пытайся меня соблазнить.

– Чего бы ты хотела на ужин? Я могу что-нибудь на скорую руку приготовить или купить, а потом мне надо будет идти.

– Деб, не беспокойся обо мне. Ты знаешь, я очень тебе благодарна, но я не беспомощная. Иди занимайся… своими делами. Может, в «Дыру на углу» заглянешь?

– Ну, не знаю… – смущенно улыбнулась она.

– Ты что задумала, Хамата? По-моему, ты чего-то недоговариваешь.

Она покачала головой:

– Я не должна тебе этого говорить. Буду сволочью, если скажу.

– Мы же лучшие подруги. Неужели ты думаешь, что я за тебя не порадуюсь?

– У меня свидание, – сказала она и сжалась.

Я улыбнулась (впервые за несколько недель) и, потянувшись к ней через стол, взяла ее за руку:

– Дебора Кейко Хамата! И с кем же ты встречаешься?

Она помолчала, а потом, глядя в свой стакан, ответила:

– С Куинном.

– С Куинном? – взвизгнула я.

– Если б я знала, что ты наконец-то по-настоящему улыбнешься, я бы сказала тебе неделю назад.

– Так ты целую неделю это от меня скрывала? – произнесла я немного обиженно.

– Извини.

– Все нормально. Я понимаю, почему ты молчала.

– Нет, ты извини, что я к нему убегаю. Кстати, может, ничего еще не состоится. Он без конца бомбил меня эсэмэсками, а сегодня… что-то молчит.

– Не извиняйся. Ты даешь мне надежду.

Я с улыбкой посмотрела в окно. Жизнь продолжалась без меня. И без

Джоша. Деревья уже сбросили почти всю листву. До Хеллоуина оставалось каких-нибудь два-три дня. Закрыв глаза, я попыталась представить себе, как переживу без Джоша первый снегопад, а затем Рождество.

– И не волнуйся. Наверное, Куинн просто занят на работе. Сегодня же полнолуние.

– Так как насчет обеда? – спросила Деб.

– Я бы не отказалась от чего-нибудь восточного. Прямо на нашей улице есть ресторанчик «Джей-Вок». Зайду туда.

Деб кивнула:

– Точно? А то мне нетрудно приготовить.

– Точно. Я весь день об этом мечтала.

– Я могу принести тебе оттуда, что скажешь, или позвонить и заказать доставку.

Она откинула назад длинные темные волосы, виновато поглядывая на меня.

– Я правда хорошо себя чувствую. По-моему, мне не помешает пройтись. Так что сиди и спокойно ешь. Я соскучилась по Коко, Джереми и... В общем, я с удовольствием прогуляюсь.

– Ты права. Свежий осенний воздух тебе полезен. Но все-таки... я хочу быть уверена, что ты в порядке.

Деб прошла на кухню, ополоснула свою посуду и вытерла руки.

* * *

Я выпроводила подругу пораньше, чтобы она успела подготовиться к свиданию. Прежде чем сесть в машину и уехать, она помахала мне с улицы.

Я поплелась в ванную, медленно, но уже не хромая. Все следы аварии исчезли: синяки побледнели, кости срослись. Последующие часы я потратила на уборку квартиры, сортировку белья, мытье нескольких тарелок, скопившихся в раковине. Потом пришла Бобби, мой физиотерапевт. После занятия я приняла душ. Мы уже заканчивали курс лечения. Мои кости и мышцы стали гораздо крепче, чего нельзя было сказать об остальном.

Почувствовав урчание, я схватилась за живот и вспомнила, что так и не победила. Тогда я направилась в ванную. В груди закипало странное возбуждение. Я немного подкрасилась, причесалась, почистила зубы. Мое лицо по-прежнему было совсем не таким, как до аварии, но я все-таки немного поправилась и уже стала похожа на саму себя.

Щелкнув замком входной двери, я развернулась, взялась за перила и начала осторожно спускаться. Палочкой я старалась пользоваться как можно меньше, чтобы тело привыкало к самостоятельной ходьбе.

Я надела куртку и, уже почти спустившись (поворачивать было поздно), поняла, что теплое пальто более соответствовало бы погоде. Мой взгляд инстинктивно метнулся туда, где раньше стояла моя машина, припаркованная рядом с машиной Джоша.

Я медленно перешла дорогу, подставляя лицо солнцу и кивая водителям, которые терпеливо ждали, когда я переползу на другую сторону.

«Джей-Вок» пах соевым соусом и воспоминаниями. Я полной грудью вдохнула этот аромат. Ноги дрожали от усталости, но я все равно решила доковылять до своего любимого столика в дальнем конце у окна. Когда я наконец-то плюхнулась на диванчик, мой живот заворчал. Я подняла голову и, посмотрев через стекло на солнце, попыталась припомнить, каково это – быть счастливой. Все мои лучшие воспоминания были связаны с Джошем. И новых мне, пожалуй, не хотелось.

К моему столу подошла сияющая Коко:

– А я все думала, когда же ты наконец притащишь к нам свой зад? Как поживаешь?

– Лучше. Поправляюсь.

– Это хорошо. Тебе как обычно?

– Да, – сказала я, подумав.

Кивнув, Коко ненадолго исчезла и вернулась с напитком. Я поблагодарила ее, сделала глоток и стала слушать шум жизни: болтовню посетителей, звон колокольчика на двери, гудки машин и лай собак на улице. Для всех, кроме меня, это был день как день. Деб и Куинн готовились, вероятно, к первому из многих предстоящих свиданий. Мне стало интересно, будут ли их отношения развиваться по сценарию моего сна, или они проложат собственный путь к счастью.

От тарелки, которую поставила передо мной официантка, поднимался пар, пропитанный специями.

– Боже мой, до чего вкусно пахнет! Спасибо, Коко.

– Пожалуйста. Надеюсь, скоро народу станет поменьше и я смогу к тебе подойти. Мне до смерти хочется поделиться с тобой последними новостями.

– Да, было бы здорово.

Компания мне бы действительно не помешала. Я давно не ела одна. Так, по крайней мере, мне казалось. Рассеянно наматывая лапшу на вилку, я смотрела на мир, который жил прежней жизнью. Машины быстро

появлялись в поле зрения и так же быстро исчезали.

Вдруг на мой стол, хрустнув в мужской руке, опустился белый пакет. Я вздрогнула. Мой взгляд упал на запястье подошедшего ко мне человека, и я обратила внимание на больничный браслет. Крошечные буквы сообщали о пациенте многое: дату рождения, группу крови... Я застыла, прочитав имя: «Эйвери, Джош».

Порывисто глотнув воздух, я задержала его в груди, чтобы это потрясение не разбудило меня, если я каким-то образом опять впала в бессознательное состояние.

– Обедаешь одна?

Мой взгляд поднялся по руке до плеча, от плеча к шее и наконец остановился на измученных, но таких знакомых глазах. Джош. Мой Джош. Он смотрел на меня, приподняв бровь, и с ласковой полуулыбкой ждал ответа. Я поглядела на свою недоеденную лапшу, потом снова на него. В какой-то момент я испугалась, что не увижу Джоша опять. Но он никуда не исчез. Только подвинулся, когда на него, пробормотав: «Извините», наскоцил какой-то другой посетитель.

– Что, прости?

– Ты обедаешь одна? – повторил Джош.

От звука его голоса сердце в груди застучало. Все было точно так, как в моем сне. Я сжала губы, а потом улыбнулась и, слегкотягнув ком в горле, проговорила:

– По-твоему, это печально?

– Ну, не знаю. По-моему, скорее романтично.

Конец

notes

Сноски

1

Персонаж романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом», до жестокости педантичная и властная немолодая женщина. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

2

Парамедики оказывают первую (дворачебную) медицинскую помощь пострадавшим в результате аварии, пожара, стихийного бедствия.

3

Bed (*англ.*) – кровать, постель.

4

Мак-Гайвер – главный герой американского сериала «Секретный агент Мак-Гайвер».

5

Амиши, или аманиты, – представители консервативного направления в протестантизме, проживающие в замкнутых общинах преимущественно на территории США и Канады. Ведут простую жизнь, отказываясь от большинства достижений цивилизации.

6

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – британская сестра милосердия, служившая в полевых госпиталях в годы Крымской войны и внесшая большой вклад в развитие медсестринского дела.

7

Шейкеры (Объединенное общество верующих во Второе Пришествие Христа) – протестантская секта, имевшая много сторонников в США в XIX веке. Общинный быт ее членов отличался скромностью, предметы обихода славились простотой, добротностью и функциональностью.

8

Пятое мая? (*исп.*)

9

Психодиагностический тест, разработанный швейцарским ученым Германом Роршахом в 1921 году.